РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ф. НЕЗНАНСКИЙ

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ф. НЕЗНАНСКИЙ

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

МГП
„ПЕТРОПОЛИС"
1991

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

Н $\frac{4703010100-01}{91}$ Без объявления

Фридрих Незнанский

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

ПОСЕВ-США
Нью-Йорк 1989

Посвящается моим родителям

Когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.

И. Кант

ISBN 0-911971-44-0

Library of Congress 89-061028

Обложка художника В. Филимонова

Автор сердечно благодарит Я. А. Трушновича, А. В. Лимбергера и И. И. Ванделлос за дружескую помощь, оказанную ему при подготовке рукописи к печати.

Published & distributed by
Possev-USA
501 Fifth Ave., Suite 1612
New York, NY 10017
USA

ОТ АВТОРА

Я окончил Московский юридический институт. Затем многие годы работал следователем - прокуратуры Краснодарского края, Московской областной прокуратуры. В течение десяти лет был старшим следователем Московской городской прокуратуры: обслуживал центральные районы столицы. Более восьми лет был членом Московской городской коллегии адвокатов. И как защитник побывал, кроме средней полосы России, на Украине, в Прибалтике, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Сахалине. За почти 25-летний срок, с 1954 по 1977 годы, передо мною прошли тысячи дел...

Одновременно - хотя отрывать для этого время было нелегко - закончил аспирантуру по криминологии. К научной деятельности я стремился еще будучи студентом и надеялся, что мне удастся себя ей посвятить, но, как и большинство выпускников у нас, вынужден был принять работу, указанную начальством. Влекло меня и к журналистике: ряд моих статей и фельетонов был опубликован в московских и центральных газетах и журналах.

Я вырос в семье, где верили в законность и справедливость коммунистического строя и провозглашенной им идеологии. Когда я ро-

дился, то имя для меня подыскивали не в святцах, а в биографиях «основоположников». Отец мой всю жизнь был одним из тех, кто не сомневаясь, не жалуясь, тянет, как бурлак, тяжкую баржу советского народного хозяйства, и моя нынешняя политическая деятельность приносит пожилому пенсионеру немало горя. Когда я рос, вокруг меня не было никого, кто думал бы иначе, чем моя семья, и казалось, что и мне надо будет избрать какую-нибудь «полезную» профессию, скорее всего инженерную. Сначала я подал документы в технический вуз, но потом втайне от родителей забрал их оттуда и отнес в юридический институт.

Почему я выбрал профессию юриста? Точно на такой вопрос ответить нелегко - причин обычно бывает множество. Однако было у меня в детстве два события, сильно повлиявших на мое решение.

В сорок втором или сорок третьем году, в самый разгар войны, в класс, где я учился, поступила девочка из Львова. Немцы убили всю ее семью, спаслась только она и ее бабушка. И вместо того, чтобы отнестись к ней с сочувствием, ее начали травить. В классе шумели, что вот война идет из-за евреев, что «немцы только потому и объявили нам войну, чтобы евреев перебить, а без них войны бы не было!» А поскольку девочка была однофамилицей Фанни Каплан, стрелявшей в 1918 году в Ленина, то стали кричать, что «ее мать убила Ленина!» и кинулись на

нее. Она не испугалась, а только повторяла: «Фашисты! Фашисты!» Мой товарищ и я, вступившиеся за нее, долго ходили с синяками – драться пришлось почти против всего класса.

Партийные руководители Свердловска, где мы жили во время войны, были, надо думать, горды тем, что именно здесь, в бывшем Екатеринбурге, их предшественники убили царскую семью. В сорок пятом году, в двадцать восьмую годовщину Октябрьской революции, они решили детям об этом напомнить. К нам в школу № 9, а потом и в другие школы, на торжественный пионерский сбор 7 ноября привели «старого большевика, революционного матроса, товарища Ермакова», участвовавшего в убийстве царя, царицы, престолонаследника и четырех царских дочерей. «Когда полчища адмирала Колчака подходили к Екатеринбургу, – неторопливо и, как я впоследствии понял, не слишком придерживаясь правды, рассказывал Ермаков, – городской совет принял историческое решение ликвидировать царскую семью, и я лично выполнил его приказ. Помню, царица выбежала вперед: стреляйте, изверги, кричит, только детей не троньте! А как их не трогать? Вырастут царёвы дети и российскую империю возродят... И мы ликвидировали тогда все царское отродье – вот этими руками!» Ермаков поднял грубые, большие руки с желтыми от табака пальцами. (Впоследствии Ермаков окончательно спился и просил милостыню у церкви, и верующие, знавшие, кто он, тем не менее

подавали, чтоб убийца помянул души жертв своих.)

И травля еврейской девочки, и рассказ Ермакова, не давали мне покоя. Убили царскую семью по решению городского совета, то есть безо всякого суда! Убили детей – только за то, что они родились в царской семье. А сегодня нацисты убивают детей только за то, что они родились в еврейской семье... Почему они могут это делать? Потому, что у них в руках – сила. Но на их ли стороне справедливость? Я тогда вывел для себя, что сила без справедливости и справедливость без силы – плохо. Сила должна быть справедливой, а справедливость – сильной. И решил, что тот, кто хочет бороться за справедливость, должен посвятить себя профессии юриста.

Я понятия не имел, что решение об убийстве царской семьи исходило не от городского совета, а от Ленина, мне и в голову не приходило тогда заподозрить в чем-то коммунистический режим. Как и многие другие, я думал, что строй и законы у нас хороши, да только люди их плохо выполняют, и что если бы законы выполнялись неукоснительно, все было бы в порядке.

*

Работа юриста на первых порах приносила мне удовлетворение: немало подлинных преступников удалось отправить за решетку,

удавалось и невиновных спасти от тюрьмы и лагеря. Однако многое удивляло с самого начала. Так, в первом же деле, в котором я принимал участие, были сразу нарушены формальности: допрос задержанного вел прокурор в присутствии начальника милиции, начальника уголовного розыска и секретаря райкома партии. И все они, кроме меня, следователя, присутствовали на допросе незаконно. Удивительно было и то, что я, двадцатидвухлетний, усаженный писать протокол, сообразил это лишь через некоторое время, и то, что не понял этого и не воспользовался этим обвиняемый, старый, опытный, уголовник-рецидивист. А адвоката, который мог бы дать ему совет или протестовать от его имени, у него не было. И не могло быть: во время предварительного следствия, в процессе которого по делу проверяются все возникшие версии как обвинения, так и защиты, – защитника у обвиняемого в СССР до сих пор нет. По советскому уголовно-процессуальному закону адвокат, как правило, может включиться в работу только после окончания расследования, в момент передачи дела в суд. Это в демократических странах арестованный имеет право заявить, что будет отвечать на вопросы следователя и прокурора только в присутствии своего адвоката.

Но суть, конечно, не только в нарушении формальностей – постепенно я стал приходить к пониманию той простой истины, что

в условиях диктатуры законы служат не добру и справедливости, а самой диктатуре.

И хотя молодые люди, сталкивающиеся после окончания института вплотную с советской действительностью, – агрономы, инженеры, врачи, и многие другие, – приходят к тому же выводу, мне кажется, что для юриста, если он не циник, если он с самого начала не понимал, «что к чему», это познание связано с большими душевными переживаниями, чем у кого бы то ни было. Вы изучаете право, от римского до современного, вам говорят о нерушимости законов, вы надеетесь, что будете служить добру и справедливости... И вскоре вынуждены согласиться с тем, чтобы вашего подзащитного приговорили к году лишения свободы за кражу одного рубля. Или за поборы в сфере торговли, общественного питания, бытового обслуживания. Или осудили на максимальный срок за приготовление к преступлению, за неосторожные действия, за недоносительство о готовящемся преступлении, за укрывательство преступника. При этом солидные чиновники от юстиции солидно разъясняют вам, что такова, мол, нынешняя карательная практика, вызванная «общественной опасностью» того или иного деяния. Данные судебной статистики, которые мне удалось привезти на Запад, свидетельствуют, что распространенное в СССР и на Западе убеждение, будто у нас очень мягкие законы и либеральные приговоры, – заблуждение. Советская судебная си-

стема совсем не учитывает особенности каждого дела, личность подсудимого, а стрижет всех под одну гребенку. И результат: советская юстиция отличается небывалой жестокостью. Долгими часами говоря о марксизме, советские лидеры напрочь забыли предостережения Маркса о том, что «как историей, так и разумом в одинаковой мере подтверждается тот факт, что жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным»...

Еще через какое-то время вы убеждаетесь, что у нас в стране, пользуясь словами Орвелла, все животные равны, но некоторые равнее, что советская Фемида к простым смертным обращена одним лицом, а к советской аристократии – другим. Так, когда я возбуждал дело против самогонщика в станице Старо-Минской, меня начальство хвалило. Когда же после колоссальной работы мне удалось установить, что большая часть доходов целого спиртоводочного предприятия идет в карман партийных руководителей Кубани, я получил строгий выговор по партийной линии, против меня было возбуждено уголовное преследование и я лишился места.

Но это было ничто по сравнению с другими делами. Так, например, мне удалось обнаружить следы преступников, зверски убивших и ограбивших три еврейские семьи, – но во время следствия дальше проходной

засекреченного номерного завода мне проникнуть не удалось, поскольку убийство это было задумано очень «высоко», осуществлено сотрудниками государственной безопасности и на достаточно высоком уровне затушевано. Сводки об особо опасных преступлениях ежедневно поступают на стол самых крупных партийных сановников; докладная записка об этих убийствах поступила к Демичеву, который тогда был первым секретарем Московского городского комитета партии и членом Политбюро ЦК КПСС.

Далее вы убеждаетесь и в том, что пытающийся отправить на скамью подсудимого злостного коррупционера - высокопоставленного партийного феодала, сам может угодить на ту же скамью. Будучи следователем прокуратуры Московской области, я пытался привлечь к уголовной ответственности Сергея Гусева, председателя исполкома Ленинского райсовета депутатов трудящихся, и Ивана Буянова, депутата Верховного Совета СССР, «лучшего председателя колхоза в СССР» - по словам Хрущева. Они возглавляли группу воров, которые при помощи приписок сельскохозяйственной продукции за пять лет украли несколько миллионов рублей. Буянов же вдобавок незаконно организовал себе звание дважды Героя социалистического труда, а Гусев - орден Трудо - вого красного знамени. В результате моего прокурора, осуществлявшего надзор за следствием, сместили за то, что он, как заяви-

ли в партийных органах, «взялся вести дело против партии», а против меня, следователя, возбудили уголовное преследование. Уцелел я случайно: как раз шло новое районирование Москвы, и у меня сменилось начальство. Кроме того, по совету опытных друзей, считавших, что партийные боссы с помощью милиции или госбезопасности могут подложить мне компрометирующие материалы, я до перехода в Московскую городскую прокуратуру просто не появлялся в Московской областной прокуратуре, где до этого работал. Буянову же, как дважды герою, еще при жизни поставили в Горках-Ленинских бронзовый бюст, а Гусев впоследствии стал заместителем Генерального прокурора СССР, вызывал пред свои ясные очи Сахарова и грозил, что академика будут преследовать «по всей строгости советских законов». Сейчас Гусев занимает еще более высокий пост первого заместителя Председателя Верховного суда СССР.

Это, конечно, не значит, что высоких партийных номенклатурщиков не судят и не расстреливают. (В наши дни по стране прокатилась кампания судебных процессов над людьми из брежневского окружения.) Но происходит это не ради правосудия, а ради укрепления и улучшения позиций нынешней власти или при внутрипартийных междоусобицах. Берию «судили» вовсе не за то, что он был «британским шпионом» и не за то, что он был убийцей множества людей, а по-

тому, что он был опасен для других сталинских наследников. И во время чисток и перестроек головы летят не оттого, что их владельцы нарушили законы, а оттого, что своими действиями они сверх меры скомпрометировали власть, или не подходят для проведения новых решений партийного руководства, или просто потому, что их место стремится занять другой, набравший силу временщик. Конфликты в среде власть имущих номенклатурщиков разрешаются в соответствии с ленинским указанием: добро это то, что нам полезно, а зло то, что нам вредит. И злом для руководства партии было бы, если бы возвышенные им люди подчинялись законам, писанным для простых смертных.

В кругах высшего партийного руководства непрерывно идут крупные междоусобицы. Так, в свое время первый секретарь ЦК Грузинской компартии Мжаванадзе предоставлял своим партийным товарищам номенклатурные должности за большие взятки по прейскуранту – должность председателя райисполкома стоила пятьдесят тысяч, республиканского министра – сто тысяч и т.д.. (В 1987 году разоблачены Рашидов, Кунаев, Бодюл и другие: они тоже продавали высокие должности.) Жена Мжаванадзе вела себя еще хуже. Говорили, что увешанная бриллиантами партледи нарушила добрую половину статей уголовного кодекса Грузии. Впрочем, не только Грузии. В ее коллекции были

бриллианты, которые тщетно разыскивал по всему миру Интерпол... В конце концов Мжаванадзе сместили, и новый первый секретарь Шеварднадзе – не из любви к закону, естественно, а по каким-то иным причинам, приказал арестовать взяточницу. В Москву, куда предусмотрительно перебрались супруги, была отправлена группа сотрудников грузинских МВД и КГБ с санкцией на их арест. Но мадам Мжаванадзе укрылась в квартире Брежнева и на улицу выходила только в сопровождении надежной охраны в виде супруги или дочери Леонида Ильича, и захватить ее так и не удалось.

Неприкосновенны для правосудия были и другие, угодные власти личности, входящие по определению Романа Редлиха в группу «декоративной знати»*.

Так я пытался начать дело против известного скульптора Вучетича, оказавшегося крупным жуликом. Он немилосердно эксплуатировал и обкрадывал молодых ваятелей, создававших для него различные мемориальные комплексы. Но прокурор отобрал у меня толстые папки с накопившимся материалом, сказав лишь одну фразу: «В ЦК есть мнение не трамвировать психику художника с мировым именем».

---

* Роман Редлих "Советское общество", "Посев", 1977.

Любимица Политбюро певица Зыкина, придворный композитор Таривердиев, космонавты Попович и Титов садились за руль в пьяном виде, и на совести каждого их них задавленный насмерть прохожий, но под суд за это никто не попал. Да и подавать в суд на «декоративную знать» тоже опасно. Начальник Метростроя Полежаев и его заместительница Федорова – комсомольцы тридцатых годов, Герои социалистического труда – за взятки предоставляли квартиры вне очереди. Подавший на них жалобу Генеральному прокурору инвалид Крысин пострадал: его объявили психически ненормальным и упекли в дом для умалишенных.

Политика довлеет над всей жизнью в Советском Союзе. Политический гнет ощущает рабочий, колхозник, солдат, учитель, писатель. И, конечно, юрист. Это юристы перефразировали закон: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Юристы говорят: «Судьи независимы и подчиняются только райкому!» В зависимости от потребностей политики партии Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный в 1960 году и состоящий из 269 статей, за пятнадцать лет дополнялся 113 раз! Причем некоторым дополнениям, ужесточающим наказание, была придана обратная сила, что для нормального законодательства немыслимо. Так в 1960 году молодые люди Рокотов и Файбишенко за «черные» валютные операции получили по 8 лет лагеря, – максимальное наказание по статье 88. Но партий-

ные руководители во главе с Хрущевым по чисто конъюнктурным политическим причинам решили, что этого недостаточно. Статью 88 изменили и молодых людей расстреляли – по закону, которого не было в то время, когда они проводили свои «операции»! Об этом деле в свое время писали в иностранной и в русской эмигрантской печати.

Но не следует забывать, что о подавляющем большинстве разбираемых в СССР дел – а их там от двух с половиной до трех миллионов в год – не пишут ни в советской, ни в иностранной печати. В Советском Союзе, как и повсюду в мире, убивают из корыстных побуждений, из мести, из ревности, в пьяной драке, там грабят, крадут, производят, покупают и продают наркотики, дают и берут взятки, там, более чем где-либо, процветает хулиганство... Работа тысяч обычных советских судей, следователей, прокуроров, адвокатов состоит в разборе именно таких дел. Все эти дела отнюдь не политические, политика в них присутствует лишь настолько, насколько она присутствует во всех проявлениях советской жизни. Политика – мгла, поразившая страну.

Однако, – и на это мне хочется обратить особое внимание, – когда дело доходит до настоящих конкретных политических дел, то к ним власть обычного советского юриста не подпускает. Так из 1050 московских адвокатов только 80 имеют документ, так называемый «допуск», позволяющий им участ-

вовать в судебных делах по обвинению в политических преступлениях. Допуск этот выдает не Министерство юстиции, а совсем другое «хозяйство» – КГБ. Получая допуск, адвокат получает как бы привилегии: он может участвовать в важных процессах, говорить более свободно, чем другие адвокаты, давать интервью иностранным корреспондентам. Но он дает одно «небольшое» обязательство: что никогда, ни при каких обстоятельствах не станет утверждать, что его клиент невиновен. Уважаемый и опытный московский адвокат Борис Золотухин, посмевший заявить, что его клиент, известный диссидент А. Гинзбург, невиновен, на следующий же день фактически перестал быть адвокатом: у него отобрали допуск, исключили из Коллегии адвокатов и выбросили из коммунистической партии, что почти равносильно объявлению вне закона.

Решение власти не допускать к делам, связанным с политикой, «непосвященных» не раз ощущал на себе и я. Так, например, в 1965 году в Москве, на Фрунзенской набережной, входившей в «мой» район, в доме 2, кв. 103 выстрелом в рот из пистолета покончил с собой некто Н. Петроченков. Я начал следствие, прочел записку: «Жить по-волчьи больше не в силах, в смерти моей прошу никого не винить». Из других материалов я установил, что Петроченков всю жизнь проработал за границей, что недавно, вернувшись в СССР на долгое время, впервые

за все годы посетил родные места и своих близких. Обстановка, которую он увидал в своем селе, и нанесла ему последний удар.

Когда я начал составлять протокол, появились сотрудники КГБ. Мне было сказано, что тов. Петроченков – полковник, работник центрального аппарата КГБ, выполнявший многие годы важные задания, и ввиду сугубой секретности, данное дело не подследственно прокуратуре. По распоряжению своего начальника, я передал его майору КГБ В. Кочанову.

Отбирали у меня и иные, «пахнущие политикой» дела, другие ловко заводили в тупик, например, упомянутое убийство еврейских семей, о котором подробно говорится в этой книге. Пока я был молод, я, к негодованию гебистов и ужасу начальства, пытался не отдавать дел, протестовал, говорил, что это незаконно. Но постепенно пришел к заключению, что пользы от этого никакой, а неприятностей немало. И когда 22 января 1969 года старший лейтенант Ильин у Боровицких ворот Кремля стрелял в Брежнева, мне и в голову не пришло начать расследование по делу о покушении на Генерального секретаря КПСС, хотя эти знаменитые выстрелы и прозвучали тоже в «моем» районе.

Над этим фактом – недоверием власти к «своим» юристам, к юристам, которые выросли, учились и работали при коммунистическом режиме, стоило бы задуматься. У меня по этому поводу создалось мнение, ко-

торое быть может кому-то покажется слишком оптимистическим.

Если в начале своей работы я, как и многие, считал, что законы у нас хороши, а несовершенны люди, то потом пришел к убеждению, что корень зла советского правосудия не в ущербности людей, а в системе, созданной при Ленине и Сталине, системе, сознательно и планомерно отнимающей у человека самостоятельность и свободу. Люди всегда останутся людьми – в зависимости от обстоятельств они становятся то немного лучше, то немного хуже. Впечатление, что русские или немцы вдруг превратились в ужасные существа, создается оттого, что преступные вожди, такие, как Ленин, Сталин, Гитлер, набирают своих непосредственных помощников из лиц, которые при демократическом строе не смогли бы подняться на руководящие должности – и вместе с ними вырабатывают удобные для режима и губительные для страны законы. Стоило рухнуть национал-социалистической Германии, с ее законодательством, по жестокости не уступавшим сталинскому, как через короткое время в западной ее части в судах установились демократические принципы, – в то время как в восточной, – где одна диктатура сменила другую, порядки не на много отличаются от советских. Так было бы и с моей страной: если бы там воцарился иной общественный строй – судопроизводство приобрело бы сразу иное качество. Осмелюсь утверж-

дать, что при этом можно было бы оставить на занимаемых ими местах большинство нынешних юристов – за исключением скомпрометировавших себя или втянутых в преступления; они, кстати, хорошо известны. Те, кто интересуются этими вопросами и следят за советской юридической литературой, могут подтвердить, что в течение многих лет целый ряд юристов мужественно выступает за улучшение советского законодательства и судопроизводства. Назову хотя бы академика В. Кудрявцева, профессоров А. Яковлева, А. Венгерова, Н. Кузнецову.

Еще большее число юристов, хотя и видят совершаемую неправду, но действуют пассивно. Так, например, советская центральная печать признает, что около тридцати процентов советских следователей (то есть почти каждый третий!) не в силах выдержать психологических перегрузок, уходят на другую работу. Другие, хотя эти «перегрузки» и выдержали, хорошо видят совершаемую неправду и хотели бы, чтобы ее не было – но кроме возмущенных разговоров или насмешек над существующими порядками в кругу близких, ничего не предпринимают, боясь скверных для себя последствий. При демократическом устройстве общества, при новом уголовном кодексе, в котором не было бы зловещих статей об «измене родине», «подрыве социалистической системы» и тому подобных, эти люди работали бы с облегченным сердцем и по справедливости. Впрочем,

имея рядом с собой честных и совестливых присяжных, независимого адвоката, представителей свободной печати и телевидения, не чувствуя опоры в виде всесильной партии, даже самый реакционный судья советской выучки не смог бы наделать больших бед.

Но для того, чтобы наступило это время, необходима не «социалистическая перестройка» социализма, а построение нового государственного строя. Когда в России удастся снова ввести «суд скорый, правый и милостивый», начало которому было положено в 1864 году во время великих преобразований императора Александра II, то это будет одной из тех необходимых реформ, к которым в моей стране сегодня стремятся очень и очень многие.

СМЕРТЬ КОЛЬКИ-СИБИРЯКА: МОЕ ПЕРВОЕ ДЕЛО

– Поедете на Кубань, в распоряжение прокурора Краснодарского края, – сказал председатель государственной комиссии известный советский юрист профессор Голунский, уже готовый вызвать в зал следующего выпускника.

Но я не трогался с места.

– Как же так, профессор? Вы же знаете, что я цивилист, специализацию проходил у профессора Новицкого...*

– Молодой человек, государству виднее, где и как использовать ваши знания. Вот искорените преступность на Кубани, тогда и пойдете в адвокаты. А пока поработайте следователем!

Больше я не стал спорить. Незадолго до окончания института нам на комсомольских собраниях весьма красочно и подробно разъясняли, что грозит тому, кто откажется от трехгодичной работы на месте, указанном

---

* И. Б. Новицкий – один из виднейших русских ученых-правоведов, умерший в 1958 году. В течение многих лет он читал курс лекций по гражданскому праву в МГУ и МЮИ.

комиссией по распределению молодых специалистов. Могут отобрать (или не выдать) диплом, могут взыскать средства, затраченные государством на обучение, записать прогул или невыход на работу в трудовую книжку, и ни одно учреждение, ни одно предприятие Советского Союза не будет иметь права взять тебя на работу. Могут, наконец, исключить из комсомола или отдать под суд*.

Прокурор Краснодарского края Лучинин недолго напрягал свою седую красивую голову. Глядя не на меня, а в окно, где догорал жаркий кубанский вечер, он распорядился:

– Поедешь к Салову...

И я оказался в станице Старо-Минской, в подчинении Петра Ивановича Салова, прокурора сразу двух районов, Старо-Минского и Старо-Щербиновского.

Прокурор был типичным продуктом своей эпохи. Храбрый солдат во время войны, к тому же увечный, – после тяжелого ранения ему ампутировали ногу, – он панически боялся начальства. Когда его распекал, ска-

---

* Был такой закон, оставшийся от военного времени. Он уже практически не применялся, но им еще угрожали. Журналист Семен Нариньяни в фельетоне "Пожалейте Марину" ("Правда", 1954 г.), в котором говорилось о нашем выпуске, требовал, чтобы непослушных снова начали отдавать под суд.

жем, первый секретарь райкома партии или краевой прокурор, Салов багровел, неуклюже припадая на протезе, вытягивался во весь свой гренадерский рост и голосом десятилетнего пионера давал обещание немедленно выправить недостатки.

С подчиненными же был он крут, груб, не терпел возражений, изъяснялся кратко, отрывисто, как бы все еще продолжая отдавать приказы в батальоне, до командования которым дослужился во время войны. Таких бывших военных, «отставников», немало пришло в органы после 1945 года. У них не было ни опыта, ни знаний, ни понимания закона – зато была несокрушимая уверенность в себе и непоколебимая верность возвысившей их системе.

В Старо-Минской меня сразу завалили кучей дел. Молодая женщина вносила в небольшую комнату – мой первый служебный кабинет – папку за папкой и укладывала их на диван, поскольку стол был уже ими заставлен. Женщина эта, тов. Дятлова, была тут до меня следователем. Глянув на ее живот, я понял, почему попал именно сюда: Дятловой был необходим отпуск по беременности.

Гора папок все росла, и я с ужасом думал: «Боже, как я все это переварю?» Теоретически я знал уже немало, практически – почти ничего. Не умел даже составить протокол об обыске.

В общем 27 сентября 1954 года, в виде некоего подарка ко дню рождения (в тот день мне исполнилось 22 года), на меня свалилось сорок два дела – тридцать два текущих и десять приостановленных.

Приостановлены дела были по одной и той же причине: преступники скрылись. А когда спустя несколько дней я эти дела прочел, то увидел, что в большинстве они похожи одно на другое как две капли воды: в течение последнего года в разных местах станицы к женщинам-инкассаторам подходил замаскированный мужчина (на его лицо был натянут женский чулок), молча приставлял к груди длинный и, как утверждали насмерть перепуганные женщины, острый, как бритва, нож и отбирал деньги. Никаких подробностей о разбойнике, кроме того, что он высокого роста, они сообщить не могли.

На пятый день моей службы Салов сказал:

– Поедем в райотдел. Покажу, как допрашивать.

Я подумал, что ослышался: районный отдел милиции был в двухстах метрах, за углом. Впоследствии, кое в чем разобравшись, я понял: высокое начальство уверено, что метод пешего хождения губителен для его авторитета и достоинства.

В прокурорском «виллисе» кроме прокурора и меня были еще двое: шофер Менжелий, позер с задатками мошенника, и помощник Салова, правая его рука, Моисеенко – ум-

ный, льстивый человек, бывший районный прокурор, разжалованный за пьянство.

Здание милиции находилось, как положено, на базарной площади, в самом центре станицы. Менжелий лихо подкатил к подъезду и затормозил, подняв облако пыли. И мы увидели, как сквозь пыль к нам спешит человек в форме подполковника. Кривые ноги его выдавали бывалого кавалериста, а оливковые глаза и усы щеточкой говорили о кавказском происхождении. Форма на нем была не милицейская, и я решил, что это военком, вышедший приветствовать юридического собрата. Но ошибся: это был начальник милиции Бабаев, всю жизнь прослуживший в органах госбезопасности. При Хрущеве его, правда, из ГБ убрали, однако в милиции оставили, и в глубине души Сергей Иванович считал себя попрежнему чекистом. Он был уверен, что хрущевская «заварушка» скоро кончится и все снова станет на свои места, как в доброе старое время при Иосифе Виссарионовиче. Поэтому Бабаев не спешил «менять шкуру» и, нарушая устав, вместо темно-синего милицейского мундира носил зеленый чекистский китель.

*

Салов попросил Бабаева провести нас по камере предварительного заключения (КПЗ).

– За что сидишь... сидите? – спрашивал он у задержанного.

– Подводу зерна с братаном увезли с элеватора.

– Жену приревновал, при людях в чайной отлупил.

– За недостачу. Ста ведер в сельпо не хватило.

Один из ответов был неожиданным:

– Ни за что!

– Как так?

– А так! Ни за что сижу.

– Дежурный, приведи-ка на допрос этого, который «ни за что»!

Через несколько минут в громадный, напоминающий амбар кабинет начальника РОВД, два конвоира ввели длинного, как жердь человека. Бабаев отошел подальше, к стене, на которой висели портреты коллективного руководства. Он считал себя большим психологом и собирался оттуда следить за выражением лица задержанного. За это короткое время он уже успел сообщить мне, что был лучшим «раскольщиком» в Баку, где много лет трудился в МГБ и где пал жертвой своей любви к миру искусства: жалел арестованных актеров и на допросах бил их не так, как положено, а вполсилы, для вида. На саботаже этом его как-то накрыл сам всесильный хозяин Азербайджана Багиров, который тут же отнял у Бабаева импортную резиновую дубинку, собственноручно отлупил ею поклонника муз, приговаривая: – «Вот так надо бить! Вот так надо бить!» – и выгнал его из столицы республики в провинцию.

Моисеенко сел на крайний стул, что были уставлены тут рядами для проведения совещания со старшинско-офицерским составом. Присоединившийся к нам начальник угрозыска Щербина, он же по совместительству начальник Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), – нервно ходил взад и вперед.

Мне поручили роль писаря.

– Фамилия? – начал Салов допрос долговязого.

– Моя? Или ваша?

– Не дерзи! Твоя, конечно.

– Моя в ксиве указана. Вот тут, в коричневой паспортухе, которая перед вами. Чего дурака валять? Мы не дети. Разве что этот вот, молодой. А сами вы кто будете? Из органов? Или так, для любопытства?

– Ты что, слепой? – вмешался Щербина. – Прокурора не узнаешь? Отвечай только на вопросы, блатную музыку не разводи!

– А, так это допрос? Ну, коли допрос, то не «тыкайте»! Бериевское время кончилось!

– Хорошо, – сдержался Салов. – Как ваша фамилия? Почему при обходе сказали, что ни в чем не виноваты?

– Ну, вот так, это дело другое. Раз полюдски, то можно и побалакать. Фамилиё моё Сергеев, Николай. По батюшке – Алексеевич. А за что в тюрягу бросили, у него вот спросите. – Сергеев кивнул на Щербину. – Он задержал, пусть он и объясняет.

– А все-таки?

– Шары катят, забарабали, гоп-стоп клеют! А я давно в узелок завязал...

– Вы же по-людски говорить обещали, остановил его Салов.

– Я же и говорю: ни за что задержали.

– Петр Иванович, – вмешался Бабаев. – Помнишь нападения на кассирш? Это его работа!

– Ловко это у вас получается, гражданин начальник. Вы что, попутали меня? Подкрутили на прихвате? Я с добрым утром давно уже не поздравляю и по огонькам не хожу... У меня пацан родился.

Допрос затянулся часа на четыре. Чтобы продемонстрировать «участие партии в делах и буднях района», на нем пожелал присутствовать первый секретарь райкома Федосеев, тоже в соответствии с новыми веяниями*.

Сергеев выдвигал алиби: уверял, что в момент последнего ограбления был дома и ужинал. Его жена и теща хотя и подтверждали это, но показали, дома был он не все время, а куда-то ездил на мотоцикле. Наверное, говорили они зло, к этой стерве Наташке. «Стерва Наташка», любовница Сергеева, подтвердила: заезжал. Но ненадолго.

---

* Согласно уголовно-процессуальному кодексу (УПК) допрос проводится только одним лицом – следователем, производящим расследование дела.

Бригадир Синюков дал показания, положения Сергеева не облегчающие: он якобы видел его в пивной, напротив того самого отделения банка, куда сдавали деньги инкассаторши.

А одна из ограбленных, бухгалтерша станционного ресторана, вроде признала в нем налетчика, хотя до конца и не была в этом уверена.

Словом, «ужин в кругу семьи» оказался дырявым алиби. И хотя для доказательства, что преступления совершал именно он, материала было недостаточно, его было вполне достаточно, чтобы содержать Сергеева под следствием еще какое-то время.

*

Однако Сергеева вскоре выпустили.

Я пытался спорить, доказывал прокурору, что улик, чтобы считать задержание законным, достаточно. Но Салов, с непонятным мне упрямством, написал: «Оснований для ареста не усматриваю. Ввиду чего гражданина Сергеева Н. А. из-под стражи освободить».

Потом я понял: Салов выполнял установку. А она в тот момент гласила: "Покончить с нарушениями социалистической законности, порожденными культом личности Сталина». Это была лишь видимость стремления к законности. Те же самые люди, которые еще недавно «клеили» дела невиновным, выполняя «план по заарестовыванию» (были такие сек-

ретные планы) и всю энергию направляли на то, чтобы «не пущать», получив новые установки, начали, с несколько меньшей, правда, энергией, «отпущать» и тех, кого следовало попридержать.

Впрочем, у Салова могли быть рассуждения, непосредственно касающиеся этого дела.

Сергеев, отбыв наказание после третьей судимости, появился в этих местах лет пять тому назад. Женился, обзавелся хатой, стал работать на комбайне. Причем работал отлично, вышел в передовики. Создавалось впечатление, что он решил покончить с преступным прошлым, как говорят уголовники, «завязал». Салов мог себе вполне ясно представить, как, опираясь на новые установки, будет распекать его начальство, если выяснится, что грабил кто-то другой. И что по вине прокурора так долго содержали в КПЗ бывшего уголовника, ставшего на путь исправления, одного из лучших комбайнеров Кубани!

К тому же некоторые из свидетелей могли нарочно сгустить краски: хуторские не любили Сергеева – он был чужой, иногородний, относился к казакам без уважения, насмехался над ними, называл их «куркулями».

*

Не приведший ни к каким результатам допрос Сергеева был скрашен ужином, кото-

рый в честь первого секретаря райкома, а точнее, в честь его назначения – Федосеев только что сменил старого секретаря – устроил начальник милиции. Состоялся ужин в чайной, откуда по этому случаю выкинули местных алкоголиков. Расплатился же Бабаев с директором чайной своеобразно: пообещал прислать на черные работы «пятнадцатисуточников», то есть людей, отбывающих наказания за мелкие провинности.

На следующий день я занялся текущими делами, которых было невпроворот: хулиганство, пьяные драки с друзьями, с родственниками – в поле, в саду, на танцевальной площадке, в клубе, в кинотеатре, в правлении колхоза, на свадьбе, на поминках, на именинах, на кладбище во время похорон... Были и изнасилования, и кражи, и хищения и иные злоупотребления. Но больше всего было дел о тайных абортах, так называемых «букашек» – от буквы «б» в титуле статьи Уголовного кодекса (140 «б»). Если в начале советской власти аборты, под лозунгом «Свободу женщине!», были разрешены, то потом их строго запретили. Партии и правительству нужны были солдаты, нужны были рабочие руки. Тем более после войны, в которой страна потеряла двадцать миллионов человек, – а может и больше.

Но жизнь была тяжелой, и многие не решались иметь детей, шли к бабкам-знахаркам. Все эти женщины считались преступницами, и я претерпел немало душевных мук,

допрашивая этих неудавшихся матерей: искренне жалел их, но прекратить дела не мог.

За таким вот занятием – допросом красивой молодухи – застала меня весть о поджоге на хуторе Чапаевском. Сгорели одновременно дом тещи Сергеева и дом бригадира Синюкова.

Всеобщее подозрение пало на Сергеева, который, в этом хуторяне были уверены, решил отомстить теще, жене и бригадиру за то, что те топили его на допросе. Когда я составлял протокол на пожарище, из толпы хуторян неслись крики:

– Чего с ним церемониться! Арестовать надо! Вишь, из Сибири приехал! А вы все ему спускаете, и грабежи, и поджоги! Если вы ничего не сделаете, сами с ним посчитаемся!

Я почувствовал, что это не пустые слова, и начал не на шутку опасаться, что Сергееву, если его не изолировать в КПЗ, угрожает самосуд. Но дать санкцию на арест Салов отказался.

– Так убить ведь могут человека! – горячился я.

– Человека? – насмешливо протянул прокурор, только что освободивший Сергеева. – Запомни, народный следователь: преступники, подобные Сергееву, уже почти не люди. И не наша с тобой задача их спасать и сопли разводить. Наша с тобой задача выжигать преступность каленым железом!

Как он собирался выжигать преступность, в то время как нарастала опасность нового преступления, я не понимал. Но я не сдавался и, желая с одной стороны спасти Сергеева от самосуда, а с другой изобличить его как преступника, пошел к начальнику милиции.

– У меня этим делом занимается Щербина со своими ребятами, сказал Бабаев. – Он пообещал, что с Сергеевым через месяц будет полный порядок.

Под "ребятами" он подразумевал секретных сотрудников. Согласно секретной инструкции, каждый оперативный работник органов внутренних дел обязан был иметь в своем районе пять платных агентов и около двадцати бесплатных осведомителей. Деньги агентам выдавали, не требуя с них расписок.

Двумя из платных агентов Щербины были бригадир Синюков и свояк Сергеева Сомко. Каждый шаг Сергеева им был известен, но информации, могущей раскрыть его как преступника, не было никакой.

*

По определенным дням я отчитывался прокурору, докладывая ему о делах и предлагая план мероприятий – с целью выяснения истины по делу, как говорят юристы. Салов меня выслушивал, а затем пересказывал мне мой собственный план, но уже в виде приказа, как свой: «Сделайте обыск!», «Проведите

очную ставку!». Я злился, но молчал. В конце моих отчетов Салов всегда глубокомысленно произносил одну и ту же фразу:

– Значит, так. Они нам это, а мы им это...

«Это» означало, что если преступник выдвигает аргумент в свою защиту, то мы парируем более веским доказательством. Но запас слов у прокурора был невелик. Десять лет он учился на заочном отделении юридического факультета и все не мог его закончить.

На этот раз Салов велел мне остаться на приеме граждан. В сверкающий чистотой прокурорский кабинет ввалилось человек двадцать из Чапаевского колхоза, все как один в телогрейках и брезентовых плащах. Оставляя за собой лужи воды, стекавшей с резиновых сапог, они по-хозяйски прошли вглубь кабинета и расселись на диванах и стульях. Их «спикером» был старый казак, на груди которого красовались – георгиевские кресты и советские ордена.

Салов был сам деревенский, из средней России, но терпеть не мог «черни». Как, впрочем, и другие высшие хозяева района, стеснявшиеся своего простого происхождения, малограмотных родителей, неуклюжих родственников. Времена, когда высокие начальники кичились своим низким происхождением, давно прошли. И поэтому, когда старик, приступая к делу, начал:

– Ты, прокурор, меня знаешь... Салов его

сухо обрезал:

– Прошу говорить мне «вы»! Мы, кажется, с вами вместе телят не пасли!

– Как так? – нисколько не смутился дед. – Как на ферму за телятиной ко мне наведывался, так по батюшке кликал, а теперь не признаешь?

Салов побагровел.

– Говорите, зачем пришли!

– Заступись за нас, гражданин прокурор, – упорно продолжал «тыкать» тот. – Спасу от Кольки-Сибиряка нет!

– Это вы о Сергееве?

– А о ком еще? Он грабит, он палит, и все ему с рук сходит. Арестуй его, твоя ведь власть.

– Не могу закон нарушать. По закону разбирать будем. Теперь не сталинское время! Сперва доказать надо, а потом уже арестовывать. Так-то весь хутор пересажать можно.

– Петр Иванович, – вмешался крепкий чубатый мужчина, шофер председателя колхоза Кузьмин, – я так скажу: совсем Сибиряк до точки дошел. Никто ему не указ, ни вы, ни мы. Мужики наши так решили: если власть мер не примет, мы его сами приструним.

– Вы такие разговоры бросьте! – повысил голос Салов. – За самосуд, знаете, что полагается?

Казаки ушли недовольные, хмурые. Я вышел вслед за ними и слышал их слова о том, что, мол, власть меняется, а начальство ос-

тается, что если сверху указания нет, ни один и пальцем не пошевельнет.

Слежка агентов Щербины пока ни к чему не приводила. Синюков и Сомко пили с Сергеевым самогон и надеялись, что он в конце концов проговорится.

Наступил 1955 год. На последнее воскресенье февраля были назначены выборы в Верховный Совет СССР – первые после смерти Сталина. Всех служащих, в том числе и меня, привлекли к выборной кампании, и мы большую часть времени проводили в райкоме, в исполкоме, на избирательных участках, проводя «организационную работу». В день выборов, двадцать восьмого числа, я дежурил в стансовете, где разместилась окружная избирательная комиссия. Неожиданно мне туда позвонил Щербина, чтобы, как он сказал, «поздравить со всенародным праздником». Я удивился: со Щербиной мы сталкивались только по делам службы, и не в его стиле были такие поздравления. Как бы невзначай, задал он мне вопрос, значение которого я понял много позже.

– А что, с Чапаевского хутора не звонили?

– Нет. Что-нибудь случилось?

– На всякий случай спрашиваю. На нашем Чапаевском все что хочешь случится может...

Оно и случилось: в четыре часа утра, когда избирательная комиссия заканчивала уже подсчет бюллетеней, участковый Круг-

лов взволнованно закричал в трубку:

– Товарищ следователь, Сергеева убили!

Я помчался на Чапаевский.

Сергеев лежал в развалинах сгоревшего тещиного дома. Узнать его было нельзя: вместо лица месиво, русые волосы сплошь покрыты засохшей кровью, все тело истыкано ножом. Левая рука Сергеева – он был левшой – застыла у голенища, за которым оказался нож с плексигласовой ручкой, сделанный из немецкого штыка. Все вокруг было занесено неожиданно выпавшим снегом. Протокол я писал при свете карманного фонарика.

Салов сделался чернее тучи, заперся в кабинет и никого не впускал. Я не находил себе места, считая, что будь я понастойчивей, убийства могло не произойти.

Первым делом я отправился к Щербине.

– Что говорят агенты?

– К сожалению, ничего особенного. В день убийства Колька-Сибиряк трижды дрался с мужиками: в кровь избил звеньевого Тимофеенко и зоотехника Чижова, а Костенко, футболист, что за «Урожай» играет, сам ему как следует наподдал. Потом все помирились и стали пить. Пили в пивной, и в чайных, и в ресторане при станции. Выпили чуть не по полтора литра водки каждый.

Это не было преувеличением: вскрытие показало, что Сергеев выпил почти смертельную дозу спиртного.

– А еще что?

– Да почти ничего. Во время попойки Си-

биряк насмехался над казаками. Потеряли, мол, казачью удаль, стали тягловыми клячами. Разошлись за полночь, а вскоре жена Сергеева нашла мужа на пожарище.

Щербина явно чего-то не договаривал. Он отвечал как-то странно, все время стряхивая пепел от папиросы прямо на пол.

*

В первую очередь я решил проверить тех, с кем Сергеев провел последний вечер, и не медля провел обыски у звеньевого Тимофеенко, у шофера Кузьмина, Сомко и Синюкова.

Обыск у Тимофеенко окончился с явной выгодой для него: в сарае среди дров я нашел орден Ленина, который он потерял два года назад и никак не мог отыскать. У Кузьмина, председательского шофера, я тоже ничего, относящегося к убийству, не нашел. Обнаружил, правда, целый склад пшеницы, увезенной из колхозных амбаров. А вот в хате Синюкова, у рукомойника на кухне оказались бурые, похожие на кровь пятна.

– Папаня курицу вчерась резали, – объяснила дочь бригадира.

Осматривая место, где лежал убитый Сергеев, я нашел след чьих-то сапог и снял с них гипсовый слепок. А когда обыскивал дом Сомко, то под кроватью супругов обнаружил выходные сапоги, хромовые, с высокими голе-

ницами. Подошвы сапог и слепок совпадали. Но для окончательного определения, естественно, необходимо было заключение экспертизы.

Усталый, голодный как дьявол, но довольный возвращался я поздним вечером в прокуратуру. Предстояло идти пешком километров шесть – лошадей я отпустил с утра. Начиналась метель. Впереди шествовал я со своим следственным чемоданом, за мной участковый Круглов с вещественными доказательствами – срезанными кусками обоев и завернутыми в тряпку сапогами Сомко.

Вдруг сквозь снег я увидел идущие нам навстречу четыре фигуры. Что за черт! Ведь это Сомко, Синюков, Кузьмин и Тимофеенко, которым я велел ждать меня в прокуратуре.

– Кто разрешил?!

– А прокурор! Поздно, говорит. Следователь задерживается, а мне разбираться с вами некогда, говорит. Идите, говорит, по домам.

– Ладно, – согласился я. – Вы трое идите по домам. А вы, Сомко, пойдете с нами.

Сомко произнес вполголоса несколько непечатных слов, но затем послушно вклинился между мною и милиционером.

В кабинете Салова еще горел свет.

Приказав Круглову побыть с задержанным, я пошел докладывать обстановку.

Но как только я вошел в кабинет к Салову, с Сомко случился припадок. У него

начались судороги, и он упал посреди коридора. Растерявшийся Круглов бросился к нам. Когда мы втроем вышли, Сомко уже не лежал, а сидел и чувствовал себя гораздо лучше.

Салов начал допрос.

- Ну, рассказывай!

- О чем?

- Как Сергеева убивал.

- Так это не я.

- Нет, ты. Нам все известно!

- Подлюга он, а вы его жалеете...

- Дело не в жалости, а в законе, - подал голос я. - Никто не имеет права закон нарушать.

- Закон, говорите! Так почему же вы его по закону не забрали после грабежей, после поджога? Его теща теперь не у вас, у меня живет. Где я денег наберу, чтобы ей новую хату поставить?

У меня создавалось впечатление, что Сомко втянется в разговор и тогда, задавая вопросы, мы сможем многое выяснить. Но прокурор, взбешенный тем, что хуторянин вместо того, чтобы самому повиниться, начинает винить нас, закричал:

- Распустились! Разговорились! Намордники с вас поснимали, так вы и ряшки пораспахивали, сладу с вами нет! Ты мне будешь указывать, кого сажать, а кого не сажать! Сам знаю. И про тебя, сукина сына, все знаю, кулацкое твое отродье!

Услыхав «кулацкое отродье», Сомко весь

потемнел. На богатой Кубани раскулачивание во время коллективизации проходило свирепо, и хотя прошло уже много лет, о нем помнили не меньше, чем о войне – во многих семьях кто-то погиб, кто-то не вернулся из ссылки.

– Мои старики были середняками, отроду в кулаках не ходили, – хрипло выдавил Сомко, явно стараясь сдержаться.

– Хватит запираться! – уже заорал Салов. – Признавайся! За что убил человека?

– Ничего вам не скажу! – выкрикнул Сомко. Его и без того малоприятное лицо, перекосилось. Он замолчал и перестал отвечать на вопросы.

Сомко я арестовал и почти каждый день допрашивал. Одновременно ждал заключения экспертиз. Но допросы не давали результатов, и в какой-то момент мне даже почудилось, что кто-то им руководит, причем довольно умело. Но я отбросил эту мысль – ну кто будет этим заниматься?

*

Между тем на Чапаевском хуторе, где «все что хочешь может случиться», произошли два события.

В одну из ночей к дому Синякова явились двое и, размахивая пистолетами, угрожали: ему самому будет крышка, если не признается, что убил Сергеева. По всей вероятности, то были дружки Сибиряка,

«профессионалы» из Краснодара или Ростова-на-Дону, количество которых после хрущевской амнистии* резко возросло. Известно было, что такие не шутят.

Синюков бросился к Тимофеенко, и оба направились в чайную, чтобы посоветоваться, как себя дальше вести. Советовались, естественно, за бутылкой водки. Синюков, как многие агенты, был хлипок и труслив, Тимофеенко же – смел и агрессивен. Он доказывал, что убийство Сергеева было правым делом и что надо идти и рассказать, как все происходило. К тому же Тимофеен-

---

* Советское руководство уголовников считало «социально близким элементом» (до начала 80-х годов ученые и журналисты должны были придерживаться такой официальной точки зрения), и по этим идеологическим, а также прагматическим соображениям при Хрущеве амнистировали, главным образом, их. В описываемое время в Краснодаре, возле пруда Затон был нелегальный съезд уголовников, обсуждавший, в частности, вопросы «социального обеспечения» семей погибших «воров в законе» (им были назначены «пенсии»). Подобный же «съезд», о чем сообщала советская печать, состоялся в Краснодаре и в 1986 году. Колька-Сибиряк начал грабить в своей станице – что по правилу уголовников не положено – вероятно оттого, что из-за последствий хрущевской амнистии ему пришлось потесниться и уступить свой старый «участок» освобожденным из лагерей «коллегам».

ко был уверен, что Сомко уже полностью разоблачен. Синюков обозвал его сволочью. В ответ Тимофеенко двинул собутыльника табуретом по голове.

Через три недели суд приговорил темпераментного звеньевого к пяти годам тюремного заключения за хулиганство и причинение тяжких телесных повреждений. На суде Тимофеенко рассказал, что убивала Сергеева чуть ли не половина хутора, а наиболее активно действовали Синюков, Кузьмин и Сомко, который и нанес смертельные раны Сергееву тем самым ножом, «который теперь у следователя». Ведь когда следователь в метель задержал Сомко, у того был в кармане нож, Тимофеенко сам тот нож видел... Он повторил показания на очной ставке с Синюковым, который лежал еще в больнице – я возил звеньевого туда. Повторил и на очной ставке с Сомко, который, однако, все отрицал.

Теперь мне стало ясно, зачем Сомко симулировал припадок в прокуратуре: за те полминуты, пока участковый бегал в кабинет прокурора, Сомко удалось выбросить нож. Я знал даже, куда: в заброшенный цементный колодец у самого крыльца прокуратуры. Больше некуда было.

*

Забавную картину наблюдали жители станицы, шедшие домой с работы: трое в гряз

ных робах вычерпывали ведром на веревке зеленоватую слизь из колодца, выливали на пешеходную дорожку и, ползая на коленях, что-то в ней искали. В троих станичники с удивлением узнавали меня, районного фотографа, одноглазого Радкевича, моего вечного понятого, и конюха прокуратуры. Постепенно вокруг нас собралась кучка любопытных.

– Та шо вы шукаете?

– Да вот, следователь часы свои золотые обронил... Вещь дорогая.

Шел шестой час поисков. Мы зверски устали и все чаще перекуривали.

Когда уже начало смеркаться, к нам подошла жена Сомко. Как всегда, за разрешением на передачу для мужа. И, как всегда, в десятый раз стала рассказывать, как получила звание Героя социалистического труда. Я эту историю знал наизусть и почти не слушал болтливую героиню. Но вдруг одна ее фраза поразила меня:

– ...а обмывать звездочку мы поехали в Краснодар, в ресторан «Кубань», вместе с мужниным дружком, Ванечкой Щербиной.

Дальше я не слушал: у меня в ушах звучал голос Щербины – «а что, с Чапаевского хутора не звонили?»

Вот оно что! Щербина знал, что на хуторе что-то готовится. А может быть и сам принимал участие в охоте на Сергеева? Вот почему он то и дело вызывал к себе Сомко. Не допрашивал он его, а инструктировал,

как вести себя, когда его допрашиваю я!

Думая это, я автоматически продолжал ведро за ведром выливать тинистую гущу на дорожку, превратившуюся уже в болото. Старик-конюх устал окончательно, и мы поставили его, по щиколотку в грязи, светить нам керосиновой лампой: было уже около десяти часов вечера.

Вдруг конюх закричал тонким, не своим голосом:

– Товарищ следователь, товарищ следователь! Бачьте! Так то ж вин, треклятый!

Я осторожно извлек из жижи нож...

*

Часа через полтора, проведя все формальности по превращению ножа в вещественное доказательство, я начал последнюю операцию по делу Сергеева.

Вид у меня был, вероятно, очень решительный, так как Щербина даже вскочил со стула. В кабинете у него сидел Сомко.

– Не возражаешь? – спросил я у несколько растерянного Щербины и, не дожидаясь ответа, уселся в кресло.

Я вытащил из своего казенного портфеля одно за другим заключения экспертиз, полученные с утренней почтой. Из них следовало, что следы ног у трупа Сергеева были от сапог Сомко, кровь на кусках обоев, взятых в доме Синюкова, не куриная, а человеческая, той же группы, что у Серге-

ева – Синюков мыл руки, испачканные кровью Сергеева. Затем я прочитал показания пятидесяти четырех хуторян. Последним я извлек из портфеля нож, сохранивший следы крови, и прочел протокол опознания – два хуторянина утверждали, что нож принадлежал Сомко.

Сомко весь сник и лишь изредка поглядывал на Щербину – то ли искал поддержки, то ли упрекал. Впрочем, ему, кажется, было уже все равно. Щербина же молча сверлил меня взглядом, весь насторожился – и лишь по привычке легонько покачивал ногой в начищенном хромовом сапоге. – А теперь послушайте, как было дело, – сказал я. – Если что не так, поправьте. Или добавьте.

Вот что, вкратце, я им рассказал.

Хотя Сергеев жил на хуторе уже около пяти лет, женился, купил дом, хуторяне его своим не считали и не терпели его выходок, его неуживчивого нрава. Они догадывались, что хотя он и стал комбайнером, но не бросил и своего прежнего воровского ремесла. Но пока он придерживался правила уголовников «не воруй, где живешь», это их мало трогало. Однако когда он стал промышлять грабежами почти в непосредственной близости от хутора, в станице, казаки начали поговаривать, что дольше терпеть невозможно. Когда Сергеева арестовали по подозрению в нападениях на инкассаторш, хутор облегченно вздохнул. К тому же еще и Щербина, свой, хуторской, начальник сразу двух отделов, пообещал людям, что теперь-то

уж Сергеев «получит на полную катушку».

По настоянию Щербины его агент Синюков дал показания против Сергеева, а другой его агент, Сомко, уговорил жену и тещу поколебать алиби обвиняемого. За это тот, выйдя из КПЗ, и поджег их дома.

Когда казаки увидели, что и после поджога мы не привлекаем Сергеева к ответственности, они, возмущенные, послали ходоков к прокурору. Это не дало результата. Тогда они нажали на Щербину, и тот, ненавидевший Сергеева не меньше, чем хуторяне, решил им помочь.

План у него был такой: день выборов – «всенародный праздник», с которым он меня поздравлял – отмечался, как и каждый праздник, усиленной выпивкой. Пользуясь этим, надо напоить Сергеева и прибить. Прибить всем хутором – всех, мол, не посадят. Для Сомко Щербина отвел особую роль: тот во время войны служил в разведовательном батальоне и был мастером по добыче «языков» и по бесшумному снятию вражеских часовых. В свои планы Щербина никого из хуторян не посвятил, кроме Сомко, который и должен был организовать всю «операцию».

Сомко поговорил сначала с Кузьминым, а затем они уже вдвоем собрали народ и порешили – «убьем всем сходом». Но споить и прибить Сибиряка было не так легко. Уже мужики сами еле стояли на ногах, а Сергеев все матерился, дрался и, хотя и был пьян,

держал нож наготове и не давал застать себя врасплох.

Узнав по телефону от Сомко, что попойка и драка в полном разгаре, Щербина, предполагая, что я уже об этом знаю, неосторожно позвонил мне по телефону. Это его и подвело.

Примерно в то время, когда он звонил мне, шестилетний Мишка Кузьмин, подученный отцом, подошел к Сергееву.

– Дядя Коля, вас тетя Наташка кличуть!

Сергеев недоверчиво обвел всех мутным взглядом, но пошел, куда указывал Мишка. Тут Синюков, подскочив сзади, ударил его колом. Целил в голову, но попал по плечу. Сергеев полез рукой за голенище, но Кузьмин и Тимофеенко его повалили, а Сомко несколько раз ударил ножом в живот и в шею. Хотя раны были смертельными, Сергеев все еще пытался дотянуться до ножа и подняться. Казаки же били его кто чем придется и напоследок велели ударить и маленькому Мишке Кузьмину.

Когда я закончил, Щербина потянулся за папиросой, но так ее и не зажег. Сомко же облизнул сухие губы и глухо сказал:

– Пишите протокол.

*

Четырнадцатого мая 1955 года в районном доме культуры, выездная сессия Краснодарского краевого суда рассмотрела дело об

убийстве Сергеева и – приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства – приговорила Сомко к восьми годам лишения свободы, Синюкова и Кузьмина к шести каждого, Тимофеенко – к четырем. Остальные хуторяне прошли по делу как свидетели. Материалы о нарушении социалистической законности – а фактически о подготовке и организации убийства – старшим лейтенантом милиции Щербиной я выделил, как положено, в так называемое отдельное производство и направил в Особую инспекцию краевого управления милиции, в задачи которой входит расследование проступков личного милицейского состава...

Лет через пятнадцать я встретил Щербину в Москве, в здании Министерства внутренних дел. Он почти не постарел и не изменился. Так же сверкали начищенные хромовые сапоги. Только вместо трех звездочек старшего лейтенанта его погоны украшали три большие полковничьи звезды.

Мы мирно поздоровались, посудачили о тяготах работы и мирно разошлись.

«МЕЛКОЕ ДЕЛО»

Процедура с длинным названием «принятие уголовного дела к производству» занимает три минуты. Из покосившегося шкафчика беру бланк с типографской надписью «Постановление о принятии дела к производству» и пишу: «Я, следователь Старо-Минской межрайонной прокуратуры такой-то, сего числа (5 сентября 1955 года), принимаю к своему производству уголовное дело по обвинению гражданки Шевцовой Надежды Дмитриевны в спекуляции спиртом в количестве 10 (десяти) литров».

Вообще-то заниматься спекулянтами не наша обязанность. Это дело милиции. И я поначалу даже немного опешил, увидев на своем столе тоненькую синюю папку, которую принесла в понедельник наша секретарша Соня Холод.

– Петр Иванович, вы будто не знаете, что у меня и так девятнадцать дел на шее висят, а вы мне двадцатое подвешиваете. Да еще такое, – сказал я Салову.

– Ты это о чем?

– Да о спиртовом деле. Оно же подследственно милиции. Пусть бабаевские ребята с ним и возятся.

– Чему вас только в университетах учат? – вздохнул прокурор. – Гляжу на тебя и диву даюсь. Парень ты толковый, способности в нашем деле кой-какие есть. А ведь главному-то тебя не научили. Вот я или помощник мой, Моисеенко, академиев не кончали, но понимаем четко: главное для прокурора – знать, в чем заключается политика сегодняшнего дня, знать, что мы имеем на сегодняшний день. И начальник милиции, и судья, все хотят перед райкомом выслужиться, нас – прокуратуру – в дураках оставить. Да мы тоже не лыком шиты. Прокурору закон дал возможность принимать любое дело к производству. Значит, мы должны законом пользоваться. Сейчас и на мелком деле можно себя показать. Особенно на таком, как спекуляция. На что наша партия нас сегодня нацеливает? Не знаешь? Наша партия нас сегодня нацеливает на борьбу со спекулянтом, который пользуется нашими временными трудностями...

И вдруг спохватившись, Салов раздраженно закончил:

– Короче говоря, оформляй побыстрее и в суд.

Шевцову знала вся станица Старо-Минская. В молодости красавица Надежда была окружена толпой поклонников. Но любила она лишь одного – своего мужа Ефима, летчика-испытателя. Ефим погиб при испытании самолета, и кончилось для Шевцовой счастье. Стала сильно пить, занималась даже одно

время тем, что именуется у нас «легким поведением», но потом все же взяла себя в руки. Устроилась заведующей винно-водочным павильоном, расположенном в центре базара. Вскоре она развила такую кипучую деятельность, которой могли бы позавидовать и более крупные дельцы, подвизавшиеся на ниве подпольного бизнеса.

Шевцова никого не боялась. Ни уполномоченного госбезопасности, высокого блондина Витю Агапова, бывавшего, правда, в станице лишь наездами, ни начальника милиции Бабаева, не говоря уже о представителях ОБХСС и разных общественных инспекторах и контролерах.

И вдруг в один прекрасный день, в самый разгар базара, ее арестовывает старший лейтенант Семен Гудушаури. Сколько облав, перестрелок - еще «с кулаками» во времена коллективизации, а потом и с настоящими бандитами пережил он на своем веку! Это был старый, настоящий милицейский волк. Через своих агентов он узнал, что Шевцова получила откуда-то десять литров чистейшего спирта и продавала из-под прилавка надежным людям. К тоненькой синей папке, которую передала мне секретарша, прикреплен листок из школьной тетради, на котором корявым почерком Гудушаури старательно выведено: «высылаю матэрал о спекуляцыы». Гудушаури был почти неграмотен, как говорил, так и писал с грузинским акцентом.

Через неделю я направил дело Шевцовой в суд. Еще через две недели было назначено судебное заседание.

– Поедешь со мной, – приказывает Салов. – Будешь учиться ораторскому искусству.

– Может, не надо учиться? У меня, глядите, сколько работы, – увиливаю я, помня недавний неудачный эксперимент на этом поприще.

– Пошли, пошли...

Проезжая мимо милицейского здания, мы увидели, как по главной улице, ранее имени Сталина, а нынче Красной, в сопровождении конвоя шагает Шевцова. Одетая так, словно вырядилась на слет передовиков советской торговли, она весело переругивалась с мальчишками. Тут же недруги Шевцовой. Кричат, что она обирала их, разбавляла спирт тухлой водой.

– Вот уж погоди, Надька, припаяют тебе срок!

– Дураки, – парирует она. – Где тогда дешево на опохмелку достанете?

Она ничуть не испугана. Да и то сказать, русский народ тюрьмы не страшится: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся» – гласит русская пословица.

– Зачем пешком ведут? Можно и в «воронке» было доставить, – возмущаюсь я.

– Правильно поступает. Молодец грузин! Это и есть настоящая профилактика с населением. – Прокурор очень любит научно формулировать.

Суд Старо-Минского района размещается в некогда солидном здании бывшего уездного суда. Но теперь крыльцо покосилось, окна ушли в землю. Можно подумать, что здание не ремонтировалось с николаевских времен. До последнего времени плохо относились власти к нуждам судов. Лишь недавно стали строить для них новые дома, ремонтировать старые.

Народный судья Дураковский даже не вышел навстречу прокурору.

– Ничего, попляшет он у меня, – шепчет Салов.

Здесь же адвокат Шевцовой. Любезный, молодой, красивый, необычно для села модно одетый.

– Эрик Анчаров, – представляется он. – Вы, я слышал, Московский кончали. Ну а я – Ростовский, тоже неплохой университет. Дело простое – не правда ли, Петр Иванович? – обращается он к Салову. – Думаю, вы не будете возражать против условного наказания? Вдова офицера советской армии, двое детей.

– Не будем предрешать, – ворчит Салов, – ты бы, Анчаров, лучше почитал последнее постановление Пленума Верховного суда о необходимости борьбы со спекуляцией.

– Встать! Суд идет!

Судья Дураковский, вальяжный мужчина лет сорока, торжественно опускается в высокое дубовое кресло, и его крупная голова оказывается под гербом РСФСР. Мужчи-

на и женщина с отсутствующими лицами размещаются по правую и левую руку от него. Это народные заседатели.

– Заседание нарсуда объявляется открытым. Слушается дело о спекуляции, – объявляет Дураковский.

– Какие имеете ходатайства, товарищ прокурор?

– Прошу допросить в качестве дополнительного свидетеля сотрудника милиции Гудушаури.

– У вас, товарищ адвокат?

– Просьба приобщить к делу справку из военкомата о гибели в испытательном полете майора Ефима Шевцова.

Судья для порядка поворачивает голову направо, потом налево к молчащим заседателям, произносит:

– Суд, посовещавшись на месте, удовлетворяет ходатайства обвинения и защиты.

Оглашается обвинительное заключение. Прокурор гневно обличает подсудимую. Адвокат «давит» на чувства: вдова, двое детей. Муж геройски погиб, заслуживает снисхождения, к тому же дело – мелкое.

– Ну, как, Петр Иванович, – спрашиваю я Салова во время десятиминутного перерыва, – сколько дадут?

– Да годика два, не меньше. Я им такую речь приготовил, что обвинительный приговор обеспечен.

Салов действительно произнес громовую речь, пересыпая ее цитатами из Маркса и

Ленина, выдержками из партийных циркуляров. Но смысл того, что он говорил, улавливался с трудом. Адвокат был красноречив, но не цепок: на мой взгляд, он не вспомнил с десяток аргументов в пользу защиты. Закончил он свою речь просьбой оправдать заведующую буфетом.

Прокурор вскакивает со стула. Его распирает бешенство, и сначала он не в состоянии произнести ни слова.

– Товарищи судьи! – наконец выкрикивает он. – Защитник только что потребовал от вас оправдания этой махровой спекулянтки. Так что же это получается – это мы все зря писали? Что это, мы зря работали?

С этими словами прокурор поднимает над головой папку материалов. Потом распахивает ее и начинает листать, желая продемонстрировать колоссальную работу репрессивной машины – прокуратуры. Но то ли он неуклюж, то ли наша Соня плохо скрепила бумаги – листы рассыпаются. Все присутствующие, в том числе и подсудимая и конвой, кидаются их подбирать. Забавная картинка: страж закона потрясает в суде письменными доказательствами, а они на глазах изумленной публики разлетаются в прах!

Смешное на этом заканчивается. Неожиданно для всех судья направляет дело... на доследование. «Следственным органам, – гласит судейское определение, – надлежит обнаружить источник похищенной продукции».

Вот это нокаут! Как же я раньше не подумал, что действительно надо искать того, кто продал спирт Шевцовой? Ведь я же знал, что спирта в открытой продаже в СССР нет, что на торговлю спиртом существует государственная монополия! Следовательно, Шевцова продавала спирт, похищенный кем-то в одной из государственных организаций.

Повесив нос, я выходил из здания суда. Салов же - как ни в чем не бывало.

- Не падай духом, следователь, мы еще этому дураку-Дураковскому покажем. Менжелий! - весело орет он, - вези нас к Моисеенко, раков ловить!

Помощник прокурора Моисеенко жил на самом берегу речки Сосыки, воду из которой пить было нельзя из-за перенасыщения сероводородом, но раки в ней водились отменные.

И вот мы там. Моисеенко и его два сына ловко таскают раков из-под коряг. Салов по причине хромости, я - неумения, к ловле не допускаемся.

Я смотрю на помощника прокурора и вспоминаю. После окончания моего первого рабочего дня здесь, в Старо-Минской, Моисеенко взялся показать мне станицу. Побывали в центре, у райкома партии и исполкома, полюбовались на клуб и кинотеатр. А потом Моисеенко завел меня с черного хода в какой-то продуктовый магазин и негромко позвал:

– Эй, Матвеич!

Через мгновенье из погреба, как из-под земли, выросла над полом нечесаная голова.

– Здорово, Матвеич!

– Не гневись, Трофимыч, – сказала голова, не отвечая на приветствие, – боле не дам!

– Вот сукин сын, – беззлобно ругнулся помощник прокурора. – Что ж ты меня перед гостем-то позоришь?

– А потому как будет с тебя. Два года ты на прокурорстве и два года водку без денег берешь. Намедни ревизор из райпотребсоюза недостачу вывел: три тысячи двести. Где я столько возьму? Каждый тянет: и из райкома, и исполкомовские, и ты, прокурор. Ведь, небось, как судить будут – не защитишь?

– Посажу! – весело прокричал помощник прокурора. – А пока – не разговаривай, тащи бутылку!

– Учти, Николай Трофимович, последний раз. И то из уважения к товарищу. – Старик принял меня за важную персону. – Из Краснодара к нам?

– Работаешь, как проклятый, – объяснял мне Моисеенко, когда мы вышли на площадь, – хочешь нервы успокоить. Да разве на нашу зарплату успокоишь? Мать при мне, жена и двое ребят. Оклад – нищенский. Нарочно что-ли государство прокурорам такие гроши платит? Ты меня не осуждай. Скоро

сам таким станешь. Я вот тоже после фронта и юридической школы все правды-справедливости искал. Хватит, устал. Мне тоже жить хочется.

*

В районе было всего одно предприятие, которое с утра до ночи гнало спирт. Гудко-Лиманский спиртоводочный завод. Так что угадать, откуда Шевцова получила товар, было несложно.

Я ехал туда, уже вооруженный некоторой информацией. Шевцова, хотя и не призналась, но проговорилась, что дело было поставлено на широкую ногу: спирт получали еще несколько павильонов. Раз в неделю к торговым точкам подкатывала машина, и веселый шофер нес в могучих руках канистру. Сделка проходила молниеносно: мы вам товар, вы нам – деньги, и шофер спешил дальше.

Веселый шофер оказался не шофером, а начальником охраны завода и правой рукой директора Михаилом Рябчуком.

– Понимаешь, – объяснял он, – работают у нас одни пьяницы. Одни приходят готовыми пьянчугами, другие в цехах привыкают пить. Директор наш умнейший мужик, ты еше не знаком с ним, познакомишься – увидишь: голова! Он решил: пусть пьют, но выносить – ни-ни. Ведь работяги чего только не придумывали: бидоны, ведра, канистры через забор перебрасывали. Грелки под брюками проноси-

ли, а бабы беременных из себя разыгривали. Но директор наш все ухищрения предугадал, все лазейки перекрыл. Ну, уж зато как смена кончается, все по кружке чистого спирта примут и бегом к проходной, чтоб не свалиться раньше времени. А там уж мужиков бабы разбирают и домой тащут. Те, кого не встретят за проходной, падают и отсыпаются до утра. Но администрацию это уже не касается: не заводская территория.

Дождавшись, когда начальник охраны окончит свое повествование, я протянул ему для подписи документ, называемый «подпиской о невыезде» - поскольку Рябчук числился первым номером в списке подозреваемых по делу.

Устроился я на ночь в заводском клубе, на сцене. Директор завода предложил мне переночевать у него в его роскошной квартире, но я гордо отказался. Спал я на маленькой кушетке и несколько раз просыпался, не понимая, где нахожусь. Открываю глаза: я один в зрительном зале, а на стенах - портреты членов Политбюро, как привидения. Уже снятые лидеры висят рядышком с теми, кого, вероятно, скоро снимут.

Утром наскоро выпив стакан молока, оставшийся с вечера, продолжаю работу.

В шесть часов вечера, когда я заканчиваю допрос Людмилы Петренко, начальника цеха готовой продукции, происходит нечто неожиданное, из-за чего рождается новое дело и на время прерывается старое.

В зал врывается группа людей.

– Помогите нам! – говорит, волнуясь, высокий человек иностранного вида, оказавшийся главным инженером. С моей девочкой несчастье, ее изнасиловали.

– Подожди, Жозеф, я объясню, – говорит высокая красивая блондинка. – Только без свидетелей.

Она права. Я прошу всех выйти.

– Неделю назад сюда приехал из Ростова художник Рэм Оганов, – говорит блондинка. Это Ванда, жена главного инженера. – Он влюбился в меня с первого взгляда. Впрочем, я отвлекаюсь... Он завел мою младшую дочь в подвал на склад кукурузы и изнасиловал. Я думаю, что он это сделал из-за несчастной любви ко мне. Как вы думаете? – задает она идиотский вопрос, кокетливо заводя глаза.

Вызвав на помощь Гудушаури, я начал искать Рэма Оганова.

По полученным сведениям, он закончил в прошлом году художественное училище, был дважды женат, оба раза неудачно. Сестра его живет в Ростове.

Едем в Ростов-на-Дону. В чистенькой, почти по-домашнему убранной комнате уголовного розыска – реквизированные альбомы с порнографией, фотографии каких-то подозрительных девиц и молодых людей. Хозяин комнаты Квасов – специалист по половым преступлениям.

– Ну, как вам мои фотошедевры? – ух-

мыляется Квасов, увидев, что альбомы привели меня в замешательство. – К сожалению, вашего Оганова не знаю, никогда не видел.

Мы с Гудушаури устраиваем засаду у дома сестры Оганова. Не спим три дня и три ночи.

– Знаешь что, народный следователь, – говорит, наконец, Гудушаури, – он не придет. Надо в Краснодар ехать.

– Ты что, маг или Вольф Мессинг? Откуда ты знаешь?

– Зачем обзываешь? Нехорошо, я в два раза старше тебя! – обижается мастер сыска. Он ничего не слышал о знаменитом московском гипнотизере. Пришлось рассказать.

– Я нэ волшэбнык. Я опэративнык. Получил сведения, этот прохвост у любовницы в Краснодаре.

Гудушаури слов на ветер не бросает.

Краснодар мне дорог. Здесь живут мои близкие, но зайти к ним пока не могу – служба.

Глубокая темная ночь. Окраина города. Лают собаки. «Собачкина столица», – сказал о Краснодаре Маяковский. Собачья стая вьется возле нас, мешает. В кармане моего плаща наган, доставшийся в наследство от следователя Дятловой. Мне выдали кроме того «ТТ» и трофейный немецкий «Вальтер». Но Гудушаури сказал: «На дэло надо ходить с наганом – самое бэзотказное оружие. Я один хадыл против дэсяти кулаков. Они все с обрэзами, а я с наганом».

Гудушаури шепчет:

– Встань у двэрей. Если пабежит – можэшь стрэлять. Но нэ убивай. Лучше лэгко ранить!

Он думает, чудак, что я метко стреляю и для меня пустяк ночью попасть убегающему в пятку...

Всматриваюсь в освещенное окно. Две женщины и мужчина пьют вино. Гудушаури делает мне знак «постучи». Я стучу в дверь. Оганов тушит свет, прыгает в противоположное от входа окно и попадает в объятия Гудушаури. Художника сажают в милицейский газик.

– Опусти «дуру», – добродушно говорит мне Гудушаури. Оказывается, я все еще стою как вкопанный с наганом в руке.

*

Возвращаюсь на завод в тоскливом состоянии. Целыми днями возишься в чужом дерьме. Никакой личной жизни: к родным в Краснодаре я так и не попал. При входе в клуб, мой временный служебный кабинет, на шею мне бросается Ванда, жена инженера, и награждает весьма двусмысленным поцелуем на виду у любопытствующей публики, уже оповещенной о поимке насильника.

– Я знаю, вы поймали его. Знаю, вы сделали это ради меня. Я ваша должница! – экзальтированным шопотом говорит она. – Требуйте от меня, чего хотите!

Я наклоняюсь к ее уху и говорю, тоже шопотом:

– Мне нужна методика хищения спирта.

Она несколько разочарованно убирает руки с моих плеч и громко, несколько театрально произносит:

– Пойдемте к вам! Я вам все расскажу про этого мерзавца Рэма!

Ванда рассказала, что за неделю до моего приезда комиссия из Ростовского винно-водочного треста установила большую недостачу спирта. Но по договоренности с директором треста дело замяли. Спирта не хватало потому, что пятьдесят цистерн были вывезены в Ростов. Там разбавлены водой до сорокаградусной крепости и проданы населению через торговую сеть. Акт ревизии хранится в директорском сейфе.

Через полчаса я уже в кабинете директора Гудко-Лиманского завода товарища Гудкова. Совпадение фамилии и названия завода было случайным, но являлось предметом вечных шуток: завод ли назван в честь директора, или директора с такой фамилией подобрали в честь завода?

– Откройте сейф!

Гудков презрительно щурится:

– Молодой человек, я прощаю вам вашу неопытность. Известно ли вам, что я член бюро райкома и в некотором роде ваш партийный руководитель? Только первый секретарь райкома, наш директор треста и в крайнем случае прокурор могут заставить

меня открыть сейф с секретными документами.

– Я все равно выведу вас на чистую воду!

– А это мы еще посмотрим.

Акт ревизии я все же добыл – в Ростовском тресте. Да, работали товарищи на широкую ногу – не хватало нескольких десятков тысяч литров спирта. Ванда, видно, говорила правду.

Возвратился я в Старо-Минскую в хорошем настроении. Но встретили меня там без энтузиазма. И с первого же взгляда я догадываюсь почему. Прокурор не один: на диване сидят Гудков и Смирнов, директор Ростовского треста, заводы которого расположены по всему югу России.

– Товарищ Смирнов, – сухо начинает, не глядя на меня, Салов, – привез заключение ведомственной экспертизы. Специалисты треста считают: нехватка произошла оттого, что спирт через вентили ушел в канализацию. Это упущение, это халатность. Но хищений на заводе не было.

Я стою на своем:

– Спирт был вывезен с завода и продан на стороне!

– А я еще раз говорю, – сердится Салов, – спирт ушел в канализацию!

При всей моей неопытности я начинаю коечто понимать, но все еще упрямлюсь.

– Давайте проведем повторную экспертизу!

Я знаю абсолютно точно – спирт украден. Хотя допрошенные мною работники, а в особенности Людмила Петренко, начальник цеха готовой продукции, правду говорить не хотели, но и врать не очень-то умели.

*

После стычки с Саловым я решил допросить работниц, обслуживающих ректификационные аппараты. Поначалу они тоже упирались.

– Когда был большой выпуск продукции, я уходила в декретный отпуск, – утверждала одна.

– Я лишь разливала спирт по цистернам, к документам я не имею отношения, – говорила другая.

– А я точно помню: испортился вентиль и спирт ушел в канализацию, – заявляла третья.

Аппаратчицы боялись говорить правду: следователь приехал, поговорил и уехал, а снимут ли директора, это еще бабушка надвое гадала. Им жить и работать с ним, а не со мной. И тогда мне пришло в голову допросить этих аппаратчиц построже, вдали от «местных условий». Дорого мне обошлась эта опрометчивая идея!

Свободных машин на заводе не оказалось. За неимением таковых я погрузил женщин в «черный ворон», не догадываясь, какой совершаю промах, не понимая, что ни при

каких обстоятельствах нельзя было возить женщин в этих камерах на колесах. Мне казалось, что главное – установить истину.

Я воспользовался своим процессуальным правом – задержать подозреваемых по делу до трех суток. И отвез аппаратчиц на «воронке» в Ейск.

И вот уже я допрашиваю первую.

– Расскажите, Анна Филипповна, что вам известно о хищении спирта из вашего цеха?

– А ничего.

– За прошедшие три недели нам многое стало известно. Кто руководил хищениями? Какова роль Людмилы Петренко?

Аппаратчица Горшкова продолжает упираться.

И тут я задаю ей очень глубокомысленный, как мне тогда казалось, вопрос:

– Скажите, Горшкова, кто сильней – заведующая цехом Петренко или советская власть?

– Советская власть...

– Если так, почему же вы не рассказываете о безобразиях на заводе? У советской власти хватит сил поставить на место любого, кто зарится на ее добро!

– Воровала она. Мне ее не жалко. У нее три шубы, двадцать платьев, кофт штук семь. А у меня ничего! Проверьте, обыск хоть сейчас сделайте!

Подобную процедуру я провожу с пятью другими аппаратчицами. И неизменно задаю все тот же «умный» вопрос: «кто силь-

ней – советская власть или Петренко?» Три дня уходит на запись показаний. После очных ставок с начальником цеха готовой продукции Людмилой Петренко и Михаилом Рябчуком, развозившим спирт под видом шофера, я отпускаю аппаратчиц по домам.

Теперь Петренко и Рябчук чувствуют себя плохо. Петренко рыдает: ей грозит до двадцати пяти лет тюрьмы.

– Скажите, Петренко, как вы полагаете, кто сильнее – директор Гудков или советская власть?

Сегодня я могу только посмеяться над своей тогдашней наивностью. Вдоволь нахлебавшись «правды», я понял, что смирновы, гудковы, петренко и иже с ними – и есть советская власть и что именно ее я хотел посадить на скамью подсудимых. Но в свои двадцать три года я полагал, что советская власть это одно, а те, кто не соблюдает законов – совсем другое.

– Я все скажу, – сквозь слезы говорит Петренко. – Как Гудков и директор треста преступную группу создали, как на них наш завод и еще два завода в Ростове работали, с кем они связаны, как деньги из торговой сети изымали. Оклады у них ведь громадные. Так нет, им больше подавай, автомобили, дачи. Кутить в Москву и Ленинград летают, на любовниц тысячи бросают!

Я ликовал: никто меня не сможет остановить, я разгромлю эту мафию! И двинулся в наступление. Произвел обыск у Гудкова,

предъявил обвинение в групповом хищении ему и трем начальникам цехов, арестовал начальника охраны Рябчука, изъял часть заводской документации. На очереди был директор треста.

*

И тут меня вызвал к себе первый секретарь райкома партии Федосеев. Его кабинет похож на выставку: повсюду живые цветы, пшеничные снопы, фрукты... богата, мол, кубанская земля. Федосеев худой, высокий, похож на аскета. Смотрит на меня недружелюбно.

– Говорят, ты под меня копаешь?

– Под вас? Нет.

– Ну, ну, я шучу, – весело, но с явным облегчением говорит первый секретарь. – А что там стряслось, в этом спиртоводочном раю?

– Организовали «левую» промышленность. Три завода, а может больше, практически работали не на государство, а на своих руководителей! Из воды деньги делали: тысяча литров спирта плюс тысяча литров воды, это ведь две тысячи литров водки. Четыре тысячи бутылок. Неплохая коммерция, верно, товарищ первый секретарь?

– Вот, ... их мать, негодяи! – несколько ненатурально возмущается Федосеев. – А мне на тебя капали: доложили, что следователь, мол, выясняет, сколько спирта первому сек-

ретарю доставили, сколько второму, сколько в исполком.

По правде сказать, у меня есть показания, что кое-кто из райкома, чуть ли не сам Федосеев, получали спирт. Но доказать это нелегко.

Потому, не покривив душой, успокаиваю Федосеева. Воспользовавшись моментом, прошу его оказать мне помощь в разоблачении преступников – и получаю милостивое согласие.

*

Допросив более двухсот человек и проведя с десяток экспертиз, я возбудил уголовное дело на двадцать пять обвиняемых. Решив преподнести прокурору праздничный подарок, первого мая 1956 года я выложил ему на стол двадцать томов дела о расхищении спирта в особо крупном размере. Первым в списке обвиняемых значился директор завода Гудков, последней – Шевцова.

– Ладно, можешь идти, – хмуро кивнул мне Салов, покосившись на груду материалов.

Я догадывался, почему мой начальник не в духе. Дело получалось громкое, и Салов опасался этого. С одной стороны, «наверху» могли похвалить: молодец, мол, Старо-Минской прокурор, умело борется с расхитителями народного добра, надо подумать о его повышении. С другой стороны, Гудков, Смирнов и прочие спиртоводочные жулики

крепко связаны с партийными органами, то есть с тем же «самым верхом». Стоит только первому секретарю Краснодарского краевого комитета партии или первому секретарю Ростовского обкома КПСС позвонить по «кремлевке» прокурору РСФСР или генеральному прокурору СССР и пожаловаться, что прокурор Салов пытается дискредитировать номенклатурных работников, так только Салова и видели! Он с удовольствием прекратил бы это дело, но и это опасно: времена меняются, секретари КПСС тоже. Чуть что не так, сразу припомнят, что прокурор, потакая расхитителям, замял дело.

И вот, продержав дело в своем сейфе около пяти месяцев, Салов принял соломоново решение: спустить всю эту историю на тормозах. К нему зачастил судья Перестенко, сменивший к тому времени Дураковского, которого под нажимом Салова сняли с судейской должности и отправили в адвокатуру. В кабинете прокурора был разработан сценарий судебного заседания. Несколько раз прокурор приглашал к себе Гудкова. Не для покаяния: Гудкову давались подробные инструкции, как вести себя в процессе, в каком направлении «поработать» со свидетелями. Мне, конечно, невдомек было, что происходит за моей спиной.

И вот – суд. Я вхожу в зал. Но как... свидетель. И я, столько месяцев бившийся над разоблачением жуликов, сам отвечаю на вопросы судьи:

– Поясните суду, гражданин следователь, не нарушали ли вы принципы социалистической законности в ходе следствия?

– Нет, не нарушал.

– Отлично. Свидетель Горшкова, повторите свои показания.

Одна из аппаратчиц занимает место свидетеля.

– Вначале я говорила следователю правду: директор Гудков и завцехом Петренко – честные люди. Но этот молодой человек, следователь то-есть, мне не верил. Девочки тоже подтверждали, что спирт ушел в канализацию. Он опять не верил. И вот, надеясь добиться от нас, чтоб мы оклеветали честных людей, он сажает нас в арестантскую машину... Позор-то какой, все видели! И везет за сорок километров в Ейск. А там чего он только с нами не делал! Грозил, запугивал! Правда, посадил нас не в камеру, а в ленинский уголок, но все равно страшно, все же милиция. Как на допрос вызовет, так пугать! «Кто, кричит, главнее, Петренко, Гудков или советская власть? Расскажите, кричит, все, как было, правды хочу!» А у самого глаза бешеные. Жуть одна. Со страха начинаешь говорить, молчать опасно. Он из сейфа наган достает, в руках крутит. «В Сибири, кричит, всех вас сгною!» Ну, и выложила я все как есть, то-есть неправду всю. А теперь, товарищи дорогие, от тех слов отказываюсь...

Вот как все обернулось! А я-то, я-то хорош! Думал, что Салов меня поддержит, на Федосеева понадеялся. И подтасовали все так здорово: с одной стороны чистая ложь, с другой – правда насчет поездки в Ейск в «воронке». Поди теперь, расчлени – никто не поверит. Вот это люди, народ называется! Я ради них из кожи лез, а теперь сам нарушителем законности оказался! Так думал я тогда, сидя в судебном зале все долгие двадцать семь дней процесса.

Полностью замять дело режиссерам спектакля все же не удалось: слишком много было документов, подтверждающих вину подсудимых.

И вот, через месяц после начала процесса судья Перестенко огласил приговор. Никто из обвиняемых не попал в тюрьму. «Исправительные работы по месту работы», «условное наказание», «штраф», «оправдание»... И только один из присутствовавших в зале суда был признан виновным в действительно серьезном преступлении и подлежал суровому наказанию. Это был я.

Невнятным голосом судья зачитал определение о привлечении следователя к уголовной ответственности за нарушения социалистической законности, допущенные в ходе следствия.

– Говорил я, – притворно вздыхает Салов, – не самовольничай, не лезь на рожон, а ты?

– Я самовольничал? Да я же все свои действия с вами согласовывал. Вы же сами дали санкцию на задержание аппаратчиц!

– Я? Санкцию? Не было такого! Уж коли натворил дел, то других не впутывай! Умел грешить, умей ответить!

– Вы это серьезно?

– Вполне.

– У меня доказательства есть: постановления на задержание, подписанные вами.

– Ничего у тебя нет. И постановлений нет. Я их изъял.

– Как изъял?

– Очень просто: пришел в райотдел и забрал. Я прокурор, меня все слушают и уважают. Не то, что некоторых. Умный какой нашелся: «В Сибирь! Сгною!»

– Вы что, на самом деле этой клевете верите?

– Что ж, по-твоему, столько людей брешут? И наган твой правильно описали. И замашки твои. Сталинские времена, брат, кончились! Правильно цэка пишет, что бывших сталинистов надо вон! Как сорную траву... Сдайте все дела помощнику прокурора. И револьвер тоже. Я вас отстраняю от должности!

*

Через неделю из Краснодара поступила телефонограмма: меня вызывал прокурор края.

Еду в вонючем вагоне в крайцентр. Сно-

ва не захожу к родственникам: стыдно. Таким выказывал себя борцом, а на поверку...

В прокуратуре края меня допрашивают. По всем правилам. С пристрастием.

Но вот под конец дня открывается дверь и, прихрамывая, входит седой, моложавый человек – краевой прокурор Николай Лучинин.

– Хватит мучать парня! Я только что разговаривал с крайкомом. Они разрешили закончить это дело строгим выговором.

И прокурор края вдруг неожиданно пожимает мне руку.

– Наворотил забот. Все равно, молодец! Я инициативных люблю. Но впредь умней будешь. Будешь знать, как «хозяйственные дела» вести. Они, брат, колючие! Посложней, чем запутанные убийства! Поедешь к Донченко, в Тихорецк. Там на днях следователь от инфаркта умер.

Только что свирепо допрашивавшие меня два заместителя краевого прокурора вдруг тоже смеются как ни в чем не бывало:

– Ничего! С выговорешником легче живется. Мы тоже сквозь это прошли. За битого двух небитых дают!

*

Дело это было типично для Кубани. Следователи по важнейшим делам при Генеральном прокуроре СССР неоднократно выезжали в Краснодарский край, чтобы пресечь дея-

тельность подпольных промышленников. Но все их попытки разбивались о сопротивление партийных руководителей. Так, в шестидесятые годы директор Адлерского курорт-торга Симвонянц совместно с подручными присвоил около трех миллионов рублей. Однако его взял под защиту тогдашний первый секретарь крайкома партии, а впоследствии член Политбюро ЦК КПСС Полянский.

Чуть позже вспыхнуло и погасло дело группы руководителей нескольких небольших фабрик и заводов, изготовлявших вино, консервы и различные сувениры. Выяснилось, что более половины доходов этих предприятий шло в карман местных тузов. И снова Полянский наложил «вето» на действия следственных работников: ведь доля доходов от подпольных операций шла ему. Полянского не зря считали «крестным отцом» краснодарской мафии и одним из наиболее крупных аферистов в составе руководства КПСС. После того, как Полянский переехал в Москву, краснодарские дельцы продолжали отправлять ему мебельные гарнитуры, предметы роскоши, первоклассные вина прославленного треста «Абрау-Дюрсо». Роскошный дворец в станице Афипской до сих пор называют «дачей Полянского».

В августе 1978 года в Краснодарский краевой суд поступило дело о крупном хищении в краевом управлении торговли. Несколько человек наладили производство

водки из спирта. Заведующие магазинами ее продавали, а вырученные деньги распределяли между участниками операции, размах которой определялся в десятки тысяч рублей. Прибыль была весьма высокой: ведь продажная цена водки в десятки раз выше ее себестоимости.

Подпольных производителей разоблачил автоинспектор, случайно проверивший документы у шофера грузовика с водкой и выяснивший, что у него нет накладной. Было арестовано несколько директоров магазинов. Они во многом сознались – но как только дело доходило до вопроса, откуда спирт, упорно отмалчивались. Таким образом, имена поставщиков спирта, главных организаторов подпольного промысла, не всплыли даже в судебном процессе. Нет сомнения, что это были руководители Гудко-Лиманского спиртзавода, которых как и двадцать с лишним лет назад взяли под защиту партийно-административные органы.

И уже после этого в Краснодарском крае бригадой следователей из Москвы – местные власти опять «проглядели», что делается у них под носом, – была разоблачена шайка, действовавшая в системе городской торговли. Со всех концов страны в адрес Краснодарского горпромторга прибывали вагоны с дефицитными товарами – пряжей, обувью, автомобилями – так называемый «левый товар». Вырученные от продажи деньги

шли работникам торговли и руководителям заводов-изготовителей. Уже после того, как главари шайки ожидали суда, вагоны с «левым товаром» из Грузии, Эстонии, Ленинграда, Горького все еще поступали на склады горпромторга. Действия мафии суд квалифицировал... как халатность.

Если учесть, что мне стала известна лишь небольшая часть того, что творилось в Краснодарском крае - очень небольшой части Советского Союза, - то можно себе представить размах «теневой» или «левой» экономики в стране.

Преступность в сфере экономики - одна из коренных проблем советского государства. Советская торговля, общественное питание, гостиничное хозяйство, здравоохранение, спорт и зрелищные учреждения, высшие и средние специальные учебные заведения, система заготовок сельскохозяйственной продукции, промышленность (особенно легкая и пищевая), жилищное строительство и жилищное хозяйство, транспортная сеть, военная промышленность, тыл армии и многое другое поражены массовой организованной преступностью.

Наиболее очевидная форма преступности в сфере экономики это - хищения социалистического имущества, которые занимают одно из первых мест среди других видов

преступлений (до 25-30 процентов). Наряду с хищениями, экономическими преступлениями считаются выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, коммерческое посредничество, спекуляция, обман покупателей и заказчиков. К категории экономических могут быть отнесены также должностные преступления – советская «беловоротничковая» преступность, о существовании которой раньше не писалось применительно к СССР.

В конце 60-х годов я принимал участие в закрытом исследовании, которое выявило, что в орбиту скрытой преступности экономического характера втянуто не менее 20 миллионов советских людей. В наши дни, думается, эта цифра подошла к отметке 30 миллионов...

Когда «преступность» принимает такие масштабы, то напрашивается вывод, что виноваты на самом деле не «преступники», а система и законы, их породившие. Нигде, кроме СССР, взаимовыгодный обмен, при котором выигрывает и продавец, и покупатель, преступлением не считается. За выпуск недоброкачественной продукции карает рынок – ее не покупают. А хищениями заниматься гораздо труднее, когда у добра есть хозяин. Все это понимал Горбачев, когда он решил начать расковывать, наконец, те громад-

ные народные силы, что раньше уходили в подпольную экономику. Другое дело, что отношения в обществе так искалечены семидесятилетним насилием государства, что процесс выздоровления, при любых условиях, будет нелегким...

СЕКСОТ

Мамоновы, мать и двое детей, жили на Волге, под Горьким. По национальности они были мордва. Работали в колхозе, жили как все: тихо, мирно, трудно. Когда дети подросли и захотели продолжить образование, Раис Мамонов подал документы в Горьковский университет, а сестра его Надежда – в педагогическое училище. Экзамен Раис сдал, но в университет его не взяли.

– Вас мы принять не можем, не имеем права, – сказал секретарь приемной комиссии.

– Почему?

– А сами не догадываетесь?

– Нет, конечно.

– Извините меня, мне неприятно на эту тему говорить, но вам должно быть известно, что ваш отец Салават Мамонов в 1938 году был приговорен к десяти годам лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду как враг народа. Инструкция министерства высшего образования запрещает принимать в университеты детей, чьи родители осуждены за государственные и другие тяжкие преступления. Я вижу, вы человек с понятием, и говорю вам об этом доверительно, чтобы вы зря пороги не обивали.

– Но ведь мой отец был осужден в годы культа личности. Он был невиновен. Сейчас другие времена.

– Не знаю, не знаю. Обратитесь куда следует, докажите, что отец невиновен. Тогда приезжайте, зачислим.

Раис обратился в Горьковский областной суд.

– Попробуйте зайти в НКВД... то есть в КГБ, – сказали там, – их дела, их архив, пусть и ищут.

В суде дела Мамонова и не могло быть: во времена «великой чистки» по политическим делам вместо народного суда была пресловутая «тройка» – суд политической полиции, выносивший приговоры заочно.

КГБ направил Раиса в государственный архив. Те – в юридическую консультацию. А пожилой опытный адвокат посоветовал съездить в приемную Верховного Совета, в Москву. Туда с последней надеждой спасти своих близких (председатель Президиума обладает правом помилования) съезжались люди со всех концов страны. В конце концов дело по обвинению Салавата Мамонова, отца Раиса, нашлось. Папка, содержавшая 46 листов, густо исписанных от руки или отпечатанных на машинке, среди сотен тысяч ей подобных покоилась на полке с надписью: «Хранить вечно». Полка же стояла в большом зале, где все было аккуратно расставлено и подобрано и где поддерживалась невысокая температура. Это был центральный архив КГБ

По запросу из приемной Верховного Совета папка была извлечена, чиновник из приемной бегло ее перелистал и пообещал, что дело будет пересмотрено и о результатах Раису Мамонову сообщат.

Мамонов ушел, а референт позвонил в прокуратуру, начальнику уголовно-судебного отдела Кудрявцеву. Потом оно попало к прокурору Московской области Борису Маркову, который, вручая это дело мне, сказал:

– Никаких рецептов давать не буду, сам не знаю, как расследовать эти дела-уроды.

Расследование, как я считал, состояло в том, чтобы узнать правду. Был ли виновен гражданин Салават Мамонов в государственном преступлении, или его оклеветали? Или он просто сболтнул что-нибудь лишнее – и поехал валить лес в сибирскую тайгу?

Задачу осложняло одно обстоятельство: время. С тех пор, как Салават Мамонов отправился навстречу своей смерти в глухие леса Сибири, прошло 25 лет – и каких лет! Где искать свидетелей? Остался ли вообще в живых кто-нибудь, кто имел хоть какое-нибудь отношение к делу?

Я открыл папку. Обложка аккуратная, чистенькая. Не то что наши прокурорские – грязные, захватанные, в кляксах. И меня как кольнуло: а ведь дело-то, поди, никто никогда и не смотрел. Разве что следователь, председатель «тройки», да секретарь. Так и есть. На обложке три штампа: НКВД, трибунала, лагеря. Первый лист – опись дела, со-

ставленная секретарем отдела госбезопасности города Серпухова старшим лейтенантом О. Петуховским. Дальше – постановление о возбуждении дела.

«Согласен» Начальник отдела НКВД по Серпуховск. району Михаил Потехин	«Утверждаю» Прокурор Серпуховск. р-на Моск.области Алексей Корольков

Постановление
о возбуждении уголовного дела

7 июля 1938 года г. Серпухов, Моск. обл.

Я, следователь отдела НКВД по Серпуховскому району Владимир Титов, сего числа, рассмотрев материалы дела об антисоветской агитации и пропаганде, –

установил:

5 июля 1938 года, следуя в общем вагоне пассажирского поезда № 7632 Москва-Тула, гражданин Мамонов Салават, работающий истопником на фабрике резиновых изделий, с целью дискредитации советской власти распространял сведения, порочащие советский строй, самый передовой в мире, и пытался исказить образ вождя советских народов товарища Сталина Иосифа Виссарионовича, рассказывая анекдоты группе пассажиров.

Принимая во внимание, что в действиях Мамонова Салавата содержится состав преступления, предусмотренный статьей 58^{10} УК РСФСР, и руководствуясь статьей 108 УПК РСФСР, -

постановил:

Возбудить в отношении Мамонова Салавата уголовное дело по признакам статьи 58^{10} УК РСФСР и принять его к своему производству.

Следователь Титов.

Как я и предполагал: сболтнул лишнее.

А вот и донос на Мамонова: некий «честный советский человек» заявляет, что не может молчать. Так глубоко оскорбил его чувство гражданин, который во всеуслышание порочил товарища Сталина, клеветал на колхозное крестьянство. И при этом еще и смеялся. Случайно этому честному советскому человеку удалось узнать и имя негодяя - Салават Мамонов.

А вот и написанная тем же почерком докладная записка на имя начальника НКВД. Затем то же самое изложено в виде краткого показания свидетеля, преупрежденного об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за ложный донос.

В папке я нашел также показания двух инженеров, ехавших в командировку в город Серпухов и ничего «такого», разумеется, не

заметивших. Но когда им напомнили об этом через неделю у следователя, они «все вспомнили» и полностью подтвердили «показания лица, сидящего на очной ставке».

Главным свидетелем обвинения была молодая женщина по фамилии Крылова. Это она разоблачила вражеского агитатора.

Затем шли несколько страниц допроса обвиняемого, обычный, стандартный, обезличенный допрос. Напечатан он был на машинке, как и большинство документов дела. Степень грамотности обвиняемого определить было нельзя.

«Гражданин Мамонов, – спрашивал следователь Титов, – следствие располагает неопровержимыми данными, что вы, будучи спровоцированным буржуазно-империалистической агентурой, умышленно распространяли среди населения клеветнические сведения о плохом урожае и голоде на Волге, упоминая имя нашего вождя, якобы виновного в этом. Подтвердите, так ли это? Кто вас направил из города Горького, где вы живете постоянно, в Подмосковье, какую сумму и в какой иностранной валюте вы получили? Учтите, что чистосердечное признание может облегчить вашу участь».

И далее все как полагалось. Но Мамонов, не в пример многим другим, тоже ни в чем не повинным людям, не признавался. На все уговоры и угрозы следователя он отвечал: не понимаю, не знаю, не виноват, не знаком, не признаю... Но на последнем до-

просе он вдруг во всем признался – и что завербован иностранной разведкой, и что клеветал на советскую власть, и что оскорблял товарища Сталина.

Потом его судила «тройка» – без обвинителей, без свидетелей, без адвоката. Даже без самого Мамонова. Просто в тюрьму, где он сидел, принесли приговор: 10 лет лагерей. Заставили расписаться. И вот одним «врагом народа» в СССР стало больше.

Читаю предпоследний лист. «Осужденный Салават Мамонов доставлен в лагерь УУ-367 в городе Котлас для отбытия наказания». И наконец последний листок – письмо начальника лагеря, адресованное председателю трибунала, извещавшее, что на пятый день пребывания в упомянутом лагере заключенный Мамонов был придавлен сосной на лесоповале, так как нарушил правила техники безопасности при производстве работ в лесу.

*

Я начал поиски Крыловой. И я нашел ее – хотя в Москве и Подмосковье жило около пятидесяти пяти тысяч Крыловых. Уж очень мне хотелось помочь молодому Мамонову. И посмотреть на живого доносчика тридцатых годов. Секретного сотрудника, сексота – как их тогда называли в России.

Кропотливо, как археолог, я разбирал продукцию чекистов за годы, когда в госбезопасности хозяйничал Ежов. Из сотен

дел я выбрал те, которые начинались с доноса гражданки Крыловой. Их было тридцать... Из тридцати осужденных по этим делам в живых осталось четверо. В том числе коллега-юрист по фамилии Вайнштейн.

– Очень хорошо, – начал он с порога, – что вы меня вызвали. Я до ареста был членом московской коллегии адвокатов и сейчас восстанавливаюсь. Вы, может быть, еще раз подтвердите, что я невиновен?

Я обещал помочь, а потом объяснил, по какому делу его вызвал.

– А знаете что, гражданин... товарищ следователь, – тихо сказал он, – я ее недавно видел.

– Кого?!

– Крылову. Она никуда не уезжала. Только второй раз замуж вышла, фамилию сменила. Я и сам собирался пойти куда надо, да что-то сил нет уже, да и ввязываться в историю не хотелось. Теперь она Козырева, учительствует в Чехове.

*

Екатерина Алексеевна Козырева, учительница русского языка и литературы школы № 1 города Чехова, что расположен в двух часах езды от Москвы, была на прекрасном счету не только у себя в городе, но и в самой столице, где она состояла членом методического совета при Министерстве просвещения. В прошлом году она получила в

связи с шестидесятилетием орден Ленина «за отличные успехи в педагогическо-воспитательной работе и подготовке кадров молодых строителей коммунизма». Руководители отдела народного образования не могли на нее нарадоваться, другим учителям ставили в пример ее методику, ее преданность советской власти, партии и правительству. Жила Козырева уединенно, в большом красивом доме, доставшемся ей по наследству от тетки. Изредка ездила в Москву в театр. Особенно любила Московский художественный. Каждый выпускной класс знал: Екатерина Алексеевна обязательно организует «культпоход», повезет всех на «Мертвые души», а потом будет диспут об уродливых социальных и нравственных отношениях в помещичье-крепостной России.

Она вошла в кабинет, элегантная, моложавая. Спокойным взглядом голубых глаз обвела комнату. Медленно стянула перчатки, молча уселась в кресло, достала папиросы, спички, закурила.

– Ну-с, зачем я вам понадобилась?

Я представлял ее себе другой – старой, безобразной, измученной угрызениями совести, и, удивленный тем, что увидел, какое-то время сидел молча.

Первой нарушила молчание Козырева.

– Вы не курите?

– Не могу привыкнуть, хотя и пробовал раза два.

– А я не могу отвыкнуть, тоже пробова-

ла, раз тридцать. Теперь все сигареты курят, а я вот, видите, по старинке – папиросы. Привычка, с гражданской войны курю папиросы.

Женщины не любят говорить о возрасте. А она рубит напрямик – «с гражданской». На вид ей не больше сорока пяти лет.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, – приступил я, наконец, к делу.

– Задавайте. Я понимаю, что не в ресторан пришла.

– Екатерина Алексеевна, знали ли вы Салавата Мамонова?

– Как вы сказали? Мамонова? Нет, не припомню. Он что, учился у меня, или дети его учатся?

– Нет. Он умер. Придавлен упавшей сосной, если верить документам.

– Ну, а я тут при чем?

– Вы имеете непосредственное отношение к его гибели, – решился я на лобовую атаку. – Вы его убили.

– Что-о?!

В тоне ярость, гнев, угроза.

– Взгляните на эту фотографию. Неужто не узнаете?

На пожелтевшем любительском снимке черноволосый улыбающийся мужчина, чуть старше тридцати. У него не хватает двух передних зубов.

– Теперь удостойте вниманием этот документ.

Зоркими глазами Козырева всматривается

в пожелтевшую от времени осьмушку листа, исписанную четким бисерным почерком. Читает. Потом молчит. Будто вся жизнь проходит перед ее глазами. Но затем она поднимает голову и твердо и внятно, словно диктуя ученикам, произносит:

– Первый раз вижу.

– Странно. Ведь это ваш почерк.

– Значит, подделка.

Я понял, что Козыреву голыми руками не возьмешь, нужны веские доказательства. Отослал на экспертизу образцы ее почерка и те тридцать доносов, которые предположительно были ею написаны. Ответ пришел быстро: все доносы написаны лицом, образец почерка которого приложен. Но у меня были припасены доказательства и посильнее.

Когда Козырева снова вошла в мой кабинет, навстречу ей встал бывший московский адвокат Вайнштейн и тихо произнес:

– Здраствуйте, Екатерина Крылова, вот мы с вами снова свиделись...

Козырева удивленно вскинула подведенные брови и в ту же секунду увидела в углу на стуле женщину, одного из четырех оставшихся в живых свидетелей Калиновскую, которую мне удалось к тому времени разыскать. Однако Козырева не вскрикнула, не побледнела, а лишь махнула рукой в мою сторону:

– Ваша взяла... Доносы писала я.

Записывать в тот день я ничего не стал. Я слушал и слушал...

Екатерина Алексеевна родилась в Петербурге, в дворянской семье. Получила хорошее образование. Отец ее был генералом, сражался в Первую мировую войну против немцев, а потом в гражданскую, в рядах Белой армии против большевиков. Затем исчез – погиб или ушел за границу. Катя с матерью переехала в Москву, а потом в Лопасню (Чехов). Дочь учительствовала, мать работала бухгалтером на химическом заводе. Вскоре Катя вышла замуж за инженера Крылова. В 1937 году за ней стал ухаживать сам начальник местного отдела госбезопасности, товарищ Потехин.

– Не ляжешь со мной, пропадешь, – разъяснил он ей. – Ты скрыла, что папаша твой был царским генералом и с оружием в руках боролся против советской власти. Что если это откроется?

Катя перепугалась, но держалась. Как-то раз Потехин зазвал ее на конспиративную квартиру чекистов – в кабинет зубного врача, сказав, что у него есть для нее важное сообщение. На имя Катиной матери пришла посылка из Америки. И если Катя и на этот раз не уступит, то у матери будут крупные неприятности: связь с враждебным капиталистическим государством это уже почти что связь с иностранной разведкой. Услышав о матери, Крылова дрогнула.

Вскоре она стала не только любовницей, но и агентом Потехина. Получила кличку «Гвоздика». Потехин выписал ей командиро-

вочное удостоверение, выдал деньги и направил на семинар для новичков, который проходил в старинном загородном дворце, укрытом от посторонних взглядов высоченным зеленым забором, укутанным колючей проволокой под током. Всего в километре оттуда жил сам Сталин, цитаты из писаний которого не сходили с уст лекторов, обучавших Крылову и с полсотни других секретных сотрудников, ее новых коллег, азбуке агентурной деятельности.

Вернувшись, она окунулась в гущу «работы», до тех пор ей неведомой. И увлеклась ею. Фиксировать случайно услышанное, провоцировать собеседника на неосторожное высказывание – таковы были ее задачи. За один только год «Гвоздика» создала более двадцати дел. Нет, не чувство мести или злобы по отношению к тем, кто ей когда-либо не угодил, руководило ею. Ощущение власти, возможность сделать с каждым, что она хочет, вот что наполняло сердце ее радостью.

В мае 1938 года Потехин взволнованно сказал ей, что надо хоть из-под земли найти кого-нибудь, кого можно было бы обвинить в антисоветской агитации и пропаганде. Москва требовала выполнения разнарядки: по плану Серпуховскому отделу НКВД полагалось пять подобных дел в месяц, а имелось всего три.

Крылова думала, прикидывала. Со многими своими подругами она уже расправилась.

Из отдела народного образования уехали в Сибирь по ее доносам пять учителей. Но сейчас она просто не знала, кого «завалить». Они с Потехиным не спали ночами, перебирали в уме всех. Но сажать никого нельзя было, того по одним, другого по другим причинам.

– Не подобрать ли кого со стороны, не нашего? – сказал, наконец, Потехин. – И родственников в округе нет, и разговоров меньше.

Остановились на истопнике Мамонове и адвокате Вайнштейне. Мамонов приехал на заработки с Волги, жил в Чехове временно. Адвокат просто наезжал из Москвы.

– Я выступала по обоим делам основным свидетелем, – закончила свой рассказ Козырева. – Специально ехала с людьми в одном вагоне, вызывала их на разговор. Это я умела, – с оттенком гордости добавила она, – а остальное уже было делом техники, как говорится.

Я долго молчу, не в силах вымолвить ни слова. Наконец беру себя в руки.

– Скажите, Козырева, а совесть у вас есть?

Она смотрит на меня немигающими глазами. Я читаю в них презрение – к себе, ко мне, ко всему окружающему, злобу, отчаяние. Но не раскаяние.

– Я жертва, – говорит она. – Жертва времени. Вам понять меня не дано.

– Может быть. Но вы не только жертва, вы и палач.

– Все не так просто, как вам представляется. Они все равно бы погибли. А я спасала человека – Екатерину Крылову. Этот человек, знаете ли, был мне очень дорог.

Неожиданно Козырева оживилась:

– А знаете, все-таки Мамонов выложил какой-то анекдот про Сталина. Я даже почти точно его помню: «Сталин просит Радека: придумай про меня анекдот, я знаю, все анекдоты про меня сочиняешь ты. А Радек отвечает: разве это не анекдот, что страной управляет Сталин?»

– Не мог полуграмотный истопник рассказывать анекдоты про Радека, – ответил я ей. – Кроме того, он был мордвин и русский язык знал плохо.

*

Дело по реабилитации Салавата Мамонова я закончил. Для Раиса Мамонова финал был счастливым: в университет его приняли. Невыясненной осталась действительная причина смерти его отца. Что касается «упавшей сосны», то эта формулировка, как теперь доказано, была изобретена госбезопасностью для сокрытия убийств, происходивших в кабинетах следователей, тюремных камерах или лагерях. Заключенных приканчивали на допросах, на каторжных работах, а в отчетах писали – «придавлен сосной».

И еще одна мысль не давала мне тогда покоя: почему правительство не введет закона о привлечении к уголовной ответственности тех работников госбезопасности, органов внутренних дел, прокуратуры, суда, которые виновны в массовом истреблении людей в лагерях и тюрьмах сталинского периода? Или таких как Крылова-Козырева, тайных провокаторов КГБ и МВД? Принят же был после войны акт о преследовании нацистов и их приспешников? А тут получается, что только лишь человек двадцать изо всей четвертьмиллиардной державы оказались виновными в беззакониях. А где остальные?

Когда я сказал, что бывшего штатного осведомителя НКВД Екатерину Козыреву надо судить, прокурор Московской области Марков только улыбнулся:

– Так мы слишком многих должны были бы посадить, вплоть до... председателя Верховного Суда. Не годится твое предложение. Да и указания такого партия не давала.

ТАЙНЫЕ ОСВЕДОМИТЕЛИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В конце шестидесятых годов я принимал участие в расследовании хищений в гражданском воздушном флоте. Дело росло как снежный ком, и Николай Рыжков, старший нашей следственной бригады, утро начинал с шутливой брани:

– Ну и задал ты нам, Попик, задачу! Дел на год хватит.

Такая несколько необычная фамилия была у осведомителя, поднявшего это дело.

По профессии Попик был бухгалтер-ревизор. Много лет тому назад он как-то попался на взятке и получил десять лет лагерей. Там Попика и завербовали. А в 1965 году московская милиция направила его как «подсадную утку» в подразделение Министерства гражданского воздушного флота, занимавшееся продажей самолетных билетов. Было известно, что там орудует группа жуликов, руководит которой главный бухгалтер Зелинский. И уже через полтора месяца Попик разобрался в методе их «работы».

– Послушай, Антон, – спросил я его, – как тебе удалось поднять такую глыбищу? Ведь украдено больше тридцати миллионов рублей!

– В общем-то случайно. Стою я как-то у кассы агентства при гостинице «Метрополь». Вдруг подходит девица, принявшая меня за диспетчера или кассира. Говорит, что никак не может лететь в назначенный день и просит поменять билет. А мне это как раз на руку, я ей пообещал разобраться. Билет у нее свежий, утром купленный, поэтому копию я нашел быстро. И вижу: на билете сумма в 156 рублей, а в копии 126. Все великое, как говорят, просто. Кто станет билет хранить? Прилетел и выбросил... На этом Зелинский все и построил. Оригинал билета выписывался отдельно, копия – отдельно. На одной этой девице тридцать рублей заработали, а сколько за день пассажиров проходит! С этим я и направился на Петровку. Премию получил. Волков, начальник городского управления, в пример меня поставил, на совещании назвал лучшим осведомителем.

Лучший осведомитель вскоре пошел на повышение и стал начальником одного из отделов международного аэропорта Шереметьево.

*

А вот другой случай. В феврале 1956 года на Кубани, в станице Старо-Минской пропала женщина – пошла в поликлинику и не вернулась. Муж, пожилой, но крепкий мужчина, пришел в прокуратуру, заявил о пропаже жены и поднял крик, требуя, чтобы я немедленно ехал ее искать. Розыски в мои

обязанности не входили, но поскольку был мороз, а в степи сильно мело, и женщина, если она заблудилась, могла погибнуть, я велел запрягать лошадей. Часов шесть обшаривал заснеженные овраги и лесопосадки и вернулся ни с чем.

На следующее утро в мой кабинет вошел участковый милиционер Иван Костенко.

– Следователь, я тебе агента своего привел, самого лучшего. Сведения имеются про Галину Вараву, что вчера пропала. Калабин, заходи!

Вошел рыжий парень.

– Николай за грабеж сидел, – пояснил Костенко. – Под мое честное слово в совхоз приняли, а то директор боялся брать. Николай на нас работает. Давай, Коля, говори!

Рыжий «заботал по фене», то есть заговорил на воровском жаргоне.

– Чаво бармить, я тебе уже все бабанул! Гальку вальнул Жора Троян, его ее мужик просил. Они кирюхи, в одном кичмане когда-то болели. – И нараспев добавил воровскую клятву: – Век свободы не видать, лягавый буду!

Я только начинал свою служебную карьеру и «фени» еще не понимал. Костенко перевел слова Калабина на русский язык. Оказалось, Калабин работал печником вместе с неким Георгием Трояном, который как-то в пьяном виде проболтался, что кладовщик совхоза Варава замышляет убить свою жену Галину и оформить брак с падчерицей, с кото-

рой сожительствует уже второй год. Сам кладовщик убить жену не решается – боится крови. Как только по совхозу разнеслась весть об исчезновении жены кладовщика, Калабин сразу понял, что к этому делу приложил руку Троян, которому все одно, что человека зарезать, что курицу – и бросился искать лейтенанта Костенко.

– Но где доказательства? – спросил я.

Осведомитель обиделся.

– Я вам наводку даю, а доказательства искать не мое дело, для этого вы и институт заканчивали.

Я допросил Трояна, мелкого типа с бегающими водянистыми глазами. Но что я мог ему сказать? Признайся, что убил? Допрос окончился безрезультатно.

А весной, в лесочке неподалеку от станицы нашли труп. Прокурор, начальник милиции, лейтенант Костенко и я туда поехали. «Храбрые воины», прокурор и начальник милиции попивали спирт, а Костенко и я откапывали – до конца жизни не забуду этот тошнотворный трупный запах.

Вскоре стало известно, что Троян, узнав, что труп найден, скрылся, и надо было его отыскивать. Опять на сцене появился осведомитель. Пятнадцатилетний мальчишка прибежал в прокуратуру и сообщил, что видел Трояна, с топором в руках, в лесочке за мельницей.

– Мне Костенко сказал за Трояном следить, – запыхавшись пояснил парень. – Ина-

че, говорит, посажу! Я голубей у агронома своровал. – И немного потоптавшись, спросил: – Дяденька, а у вас наган есть?

– Конечно! Какой же я следователь без нагана? – соврал я, решив не пугать мальца, так как должен был брать его с собой, чтобы он указал место, где скрывался убийца.

Через несколько часов я арестовал Трояна. На протяжении всего поиска я держал руку в кармане, делая вид, что у меня там пистолет. В конце концов Троян сдался. Впоследствии он признался, что больше всего испугался моего «нагана».

Вовлечение детей и подростков в систему осведомительства практикуется и поощряется коммунистической властью с самого начала ее существования. Иногда, в тяжелые для власти моменты это принимало массовый характер: так на той же Кубани во время коллективизации детей из школы отправляли целыми классами на рынки, наблюдать, не торгуют ли там товарами, взятыми из колхозных складов – и тут же доносить. Называлось это «работа по утечке товаров».

Символом ребенка-доносчика в Советском Союзе власть сделала Павлика Морозова, доносом погубившего своего отца и убитого за это дедом. В мое время из пятисот пятидесяти тысяч осведомителей в СССР – пятьдесят тысяч было подростками и детьми.

Поскольку годы, когда в агенты можно было вербовать с помощью пропаганды и обмана, давно прошли, их стали набирать при

помощи шантажа из среды совершивших проступки и преступления. Так, если юный агент, следивший за Трояном, попался на краже голубей, то Леонид Бурцев, к примеру, входил в шайку, разбойничавшую в электропоездах на линии Москва–Тула. В течение года грабители «царствовали» в электричках, отходивших от Курского вокзала. Особенно доставалось тем, кто ездил вечером. Увидев парней, ватагой вваливавшихся в вагон, пассажиры сразу начинали рыться в карманах, чтобы откупиться от налетчиков. Наконец начальник уголовного розыска Московской областной милиции генерал-майор Экимян в одну из майских ночей устроил облаву: многие из пассажиров оказались переодетыми работниками милиции.

Среди захваченных в ту ночь налетчиков оказался Бурцев, которому не было тогда и 16 лет. Нескольким же удалось бежать, и Леониду сказали: если он не поможет их задержать, его будут судить и дадут максимальную меру наказания. Если же окажет содействие – останется на свободе. Бурцев помог милиции обезвредить шайку. Но те, оказавшись в Серпуховской тюрьме, сумели передать «на волю», кто их предал.

Этого было достаточно. Через некоторое время в темной улице к Бурцеву подошли трое.

– Нам надо поговорить, – сказал один из них, – отойдем!

– Не о чем нам говорить! – ответил Бурцев и полез в карман, но тут же получил удар ножом в пах и через полчаса умер от потери крови.

*

Осведомители есть платные и бесплатные. Платные получают зарплату ежемесячно – от ста до пятисот рублей, что в условиях Советского Союза немало.

Пятьсот рублей зарабатывал Виталий Черных. Официально он числился заместителем директора Люберецкого авторемонтного завода. На самом же деле служил в ведомстве внутренних дел. Так как трудиться ему приходилось сутками, то он мог пользоваться и продолжительным отдыхом, во время которого был уважаемым международным общественным деятелем – членом обществ дружбы СССР-Нидерланды, СССР-Уганда, СССР-Болгария. Его избирали в комиссию по приему делегации докеров из Голландии, он летал в Болгарию на Габровский фестиваль юмора и сатиры... В своем доме агент завел порядок, напоминающий восточный церемониал: принимал гостей в парчевом халате, расшитом золотом тюрбане, восседая на высоких вязаных подушках. А жена обносила гостей восточными сладостями на серебряных блюдах и сладким вином.

С Черных я познакомился в 1975 году, когда ко мне в юридическую консультацию № 10, где я с начала семидесятых годов работал адвокатом, приехали три сотрудника

МВД. Одного из них, полковника внутренней службы Бориса Горохова, я знал еще со студенческих лет. Двое других были руководителями отделов Московского областного уголовного розыска.

– Послушай, – без предисловий начал Горохов, – нам нужен надежный адвокат. Я предложил твою кандидатуру. Понимаешь, запутанная и неприятная история: влип в уголовное дело наш лучший агент, специалист по камерной разработке. Следственный отдел обвиняет его в краже вещей из автомобиля. Беспрецедентное дело! Зачем ему какие-то заграничные шмотки, когда у него все есть – и машина, и цветной телевизор, и денег куры не клюют.

– Погодите, погодите, – перебил я полковника. – Ничего не понимаю: если ваш агент ничего не украл, добейтесь прекращения дела и освободите его из тюрьмы.

– В том-то и дело, что мы бессильны. Ведомственные интриги сильнее нас.

– Нет, тут что-то не так. Или я совсем дураком стал, или вы рехнулись. Следственный отдел кому принадлежит, Министерству внутренних дел?

– А кому же еще?

– Так пойдите в Министерство, объясните, что ваши коллеги из Ждановского района допустили ошибку, задержав невиновного, да еще вдобавок вашего агента. Разберутся и освободят.

– Да ты что, нашу специфику совсем забыл?!

Он был прав. Между отдельными службами и отделами прокуратуры и Министерства внутренних дел происходят постоянные трения. Более того, между областным и городским управлениями МВД уже многие годы существует тайная вражда. Оба управления хотят выслужиться перед министром, оба превозносят свои победы и преувеличивают поражения другого.

Черных в свое время «работал» на городских хозяев, но потом его переманили в область на большую зарплату. Начальник городской милиции пригрозил тогда свести счеты с «изменником», как только подвернется случай. С того времени прошло пятнадцать лет, в Главном управлении внутренних дел Мосгорисполкома поменялось с десяток начальников, но задание расправиться с Черных передавалось от одного к другому. Сотрудники городского уголовного розыска помнили о нем и не выпускали его из виду.

По словам инспектора уголовного розыска Ждановского района Москвы, Черных был задержан в тот момент, когда доставал из автомобиля марки «Пежо» с дипломатическим номером зонтик, очки и плед. Черных утверждал, что все это вранье. Просто он забрел в глухое место по естественным, пардон, надобностям и, увидев автомобиль иностранной марки, наклонился, чтобы глянуть на

систему управления. Никаких вещей из машины он, разумеется, не крал.

– Словом, – закончил свой рассказ Горохов, – это чистейшая провокация. «Москвичи» хотят заставить Черных работать на них.

Я оформил соглашение на ведение защиты Черных и через несколько дней поехал к нему в тюрьму.

– Виталий Сергеевич, нам надо выработать план защиты.

– Я уже выработал. Берите ручку, записывайте. И условие: от моей линии защиты не отходить, а то поменяю адвоката.

– А почему бы нам не выработать общее решение?

– Потому что у меня восемь судимостей и по ним приговоров на тридцать семь лет. У меня опыта побольше, чем у вас. Да и наглости тоже. Я знаю, как надо обращаться с этой публикой, с судьями то есть. Их в напряжении держать надо.

Защита предстояла тяжелая, клиент попался неуправляемый, но интересный. Как только конвоир вводил Черных в кабинет, тот начинал бесконечные рассказы о своих камерных победах. Черных был «наседкой», его, как профессионального разведчика, подсаживали к заключенным – выуживать из них важные сведения. Черных гордился тем, что в свое время «расколол» Эдуарда Стрельцова, одного из самых знаменитых форвардов страны,

который избил, а затем изнасиловал девушку.

В «послужном списке» Черных был также советский миллионер, спекулянт валютой Рокотов. Только после того, как Виталий «поработал» с ним, Рокотов запросился к следователю и дал детальные показания о своей деятельности. Черных подсаживали к убийце-маньяку Ионесяну, которого он «уговорил» взять на себя еще пять убийств, которых тот не совершал.

Как-то на очередном свидании с Черных я обратил внимание на какое-то сияние: рот его блестел двумя десятками золотых коронок. Оказывается, ему отремонтировали зубы в тюрьме.

– Это награда, – похвастался он. – Я на «Петровке» такое дело поднял, закачаешься!

– Какое, если не секрет?

Черных посадили к парням, которых обвиняли во взломе сейфов. Чтобы сломить сопротивление главаря, Черных разработал целый драматический сюжет: возлюбленная «медвежатника» (так у нас исстари называют высококвалифицированных специалистов по ограблению сейфов) якобы ушла от него к его «подельнику». Черных так искусно нагнетал ревность главаря, что тот в конце концов выдал оставшихся на воле.

В тюрьме Черных прямо процветал.

– Трехдневное свидание с Нинкой получил, – хвастался он. – Обеды мне в кабинет начальника тюрьмы доставляют. Спать сегодня

буду в оперативном отделе, у меня выходной.

Но если дела Черных по «оперативной разработке» шли хорошо, то с его защитой по уголовному делу не ладилось: после окончания следствия дело было направлено судье Ждановского района Лидии Кириной. Мы, адвокаты, знали что такое Кирина. Ее собственный муж, кандидат юридических наук, занимавший крупный пост в Президиуме Верховного Совета СССР, как-то на вечеринке во всеуслышание сказал: «Лидка, ты же дура и ничего не понимаешь в юриспруденции! Уж я тебя сунул в судьи, так ты хоть адвокатов слушай!». Но «Лидка» адвокатов не слушала и вовсе не была такой уж дурой: разума у нее не хватало, но интуиция была развита неплохо. А интуиция подсказывала ей, что советская власть одобряет жесткие приговоры и не одобряет мягкие. Мы знали: Кирина дает «на всю катушку», максимальные сроки наказания. И дела она рассматривала молниеносно.

Однако Черных и его начальство знали то, чего не знал я: «Лидка» обожала военных. Когда к ней в полных регалиях пожаловали полковник Горохов с помощниками, она разомлела и пообещала «душкам-военным» разобраться с делом, как она выразилась, «объективно». Кирина разрешила неслыханное даже для Советского Союза: в ходе процесса один из представителей МВД тайно присутствовал в совещательной комнате. Суд же

проходил при закрытых дверях, – власти не желали, чтобы люди знали о платной агентурной сети. Во время «объективного» разбора дела, которое проходило в здании Ждановского исполкома, где размещались все районные организации, в том числе суд, прокуратура и юридическая консультация, я встретил районного прокурора Адамова. Он пожаловался:

– Не знаю, кого и слушать. То полковник из областного управления требует пощады для своего агента, то полковник из городского управления требует жесткого соблюдения принципов «социалистической законности»...

Суд три раза возвращал дело на доследование. И все-таки «город» в этой схватке победил: Черных получил пять лет лишения свободы.

Я до сих пор не знаю, было ли это дело подстроено Московским городским уголовным розыском, или Черных на самом деле вспомнил старое и соблазнился заграничным барахлишком.

Уже после суда я несколько раз посетил Черных в тюрьме для согласования кассационной и надзорной жалоб. Каждый раз он встречал меня известием об очередном «расколе» сокамерника.

– Теперь диссидентов стали доверять, – хвастался агент. – В Лефортовскую возят. Не бойсь, адвокат, скоро приглашу тебя в «Дом Дружбы» на банкет в честь солидарности с

народом Уганды. Начальство обещает «помиловку» по половине срока за «особые заслуги».

Я верил ему, лучшему агенту Москвы и Московской области. Он пришел на смену Козыревой. Не оскудела агентами наша социалистическая родина.

Действительно – какая страна в мире может похвастаться такой гигантской шпионской сетью? Устав коммунистической партии Советского Союза возводит наушничество и доносительство в принцип: статья 60 устава прямо говорит о том, что партийные организации должны «своевременно сообщать в соответствующие партийные органы о недостатках в работе учреждений, а также отдельных работников, независимо от занимаемых ими постов». Члены партии, говорит статья 2 устава, обязаны «вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого», «выступать против любых действий, наносящих ущерб партии и государству, и сообщать о них в партийные органы, вплоть до ЦК КПСС».

Это означает, что коммунисты, – а их у нас почти двадцать миллионов, – и те, кто готовится стать коммунистами, комсомольцы – их тридцать шесть миллионов, – а также пионеры – обязаны доносить и предавать. Это относится и к членам других организаций. Поскольку каждый человек в Советском Сою-

зе состоит в какой-нибудь организации, это означает, что власть требует от населения, чтобы каждый доносил на каждого.

Помимо этой «всенародной сети» существуют органы, специально занимающиеся шпионажем. КГБ нацеливает своих платных агентов на слежку за врагами внутри страны и вне ее. Министерство обороны с помощью агентов «всемерно содействует укреплению оборонной мощи СССР», в Министерстве внутренних дел имеется специальный аппарат, руководящий корпусом осведомителей на всей территории Советского Союза. Основные силы сосредоточены в ГУУР (Главное управление уголовного розыска) и в ГУБХСС (Главное управление борьбы с хищениями социалистической собственности). В этих управлениях в тесном взаимодействии с оперативными сотрудниками работает не менее полумиллиона платных осведомителей. Это шпионы внутри страны.

Организуя столь широкую систему политического и уголовного шпионажа, коммунистическая партия ведет себя подобно завоевателю во вражеской стране. Деятельность органов внутренних дел показывает это особенно четко.

С другой стороны, очень многие у нас никогда доносами не занимались, и большинство к доносчикам относится с отвращением. Неплохо было бы понять, что недоносящие действуют наперекор требованиям власти, что каждый честный человек в нашей стране –

это протест против существующей системы, активное сопротивление режиму.

СВОБОДА СОВЕСТИ

В 1964 году, когда я начал работать в прокуратуре Ленинского района Москвы, имея уже за плечами десятилетний опыт следственной профессии, Борис Борискин был еще юным стажером. Был он неглуп, в меру циничен и хорошо понимал, как надо делать карьеру в Советском Союзе. Всего лишь за три последующих года он взлетел на ошеломительную высоту: стажер, следователь, старший следователь городской прокуратуры, заместитель прокурора и – в двадцать шесть лет – прокурор Гагаринского района Москвы.

– Понимаешь, старик, – говорил мне новоиспеченный прокурор, – особых талантов у меня нет. Придется, значит, всю жизнь в прокуратуре трубить. А раз так, значит, надо жить в ладах с райкомом. И смотреть, знаешь, не в уголовный кодекс, а в рот секретарю райкома. И все будет в порядке.

Борискин действовал согласно своим жизненным правилам, когда ему было поручено вести дело Георгия Винса, известного баптистского проповедника, которого впоследствии – вместе с другими диссидентами – обменяли на двух пойманных в США шпионов.

Официально в Советском Союзе провозглашена свобода совести, но руководители партии опасаются, что религия может отвлечь молодежь от участия в строительстве «коммунистического общества», что руководители религиозных движений могут эту молодежь «морально искалечить». На этом основании запрещена деятельность религиозных общин свидетелей Иеговы, пятидесятников, адвентистов-реформистов, истинно-православных христиан, иннокентьевцев и некоторых других.

Георгий Винс и Геннадий Крючков были одними из руководителей группы чистых баптистов, отколовшейся в 1963 году от ЕХБ (евангельских христиан-баптистов). Всесоюзный Совет ЕХБ официально признавался властью, пользовался ее услугами и оказывал ей услуги, особенно во время поездок за границу, где представители ЕХБ выступали с заявлениями, нужными советскому правительству. Чистые же баптисты стремились ослабить влияние советской власти и коммунистической партии на верующих. Группа Винса и Крючкова была объявлена вне закона, и после очередного открытого выступления с требованием предоставить ей равные права с ЕХБ Винс и Крючков были арестованы. Дело это, как и все подобные дела, возбудил Комитет госбезопасности. Но там, как это нередко делается, решили его вести через подставной орган, в данном случае через прокуратуру.

Подставным следователем, как он сам

рассказывал, был Борискин, а фактически вели дело люди с Лубянки. Список свидетелей и самих свидетелей привозили ему офицеры госбезопасности. Они же изымали документацию у верующих. Гебисты доставляли следователя Борискина в воздушных лайнерах во все концы страны, где действовали запрещенные религиозные группы. В его распоряжение были предоставлены подслушивающие устройства, фото- и киноматериалы, информация о работе инициативной группы по созыву чрезвычайного съезда ЕХБ. Борискину давали прослушивать записанные на магнитофонную ленту телефонные разговоры, просматривать почтово-телеграфную корреспонденцию. А главное – знакомили с донесениями агентов, вкрапленных в среду верующих.

Экспертом, кстати, по этому делу был Федор Илларионович Гаркавенко, кандидат философских наук, заведующий редакцией атеистической пропаганды Политиздата. В описываемое время он как раз выпустил – под псевдонимом Федоренко – книгу «Секты, их вера и дела». Но вскоре выяснилось, что он слишком уж пользовался чужими мыслями и поленился даже переработать украденные тексты так, чтобы их не опознали. Гаркавенко чуть не упекли за плагиат. Но вместо Бутырской тюрьмы ловкий антирелигиозник оказался в КГБ в качестве эксперта по делам религии. Потягивая прохладное пиво в погребке Дома журналистов, Федор Иларионович рассказывал нам с Борискиным, что ЦК

тратит на антирелигиозную пропаганду миллионы, – да все без толку. Молодежь в Советском Союзе давно разочаровалась в официальной идеологии, марксизме-ленинизме, а где-то с начала шестидесятых годов «двинулась в религию». Это, пояснял Гаркавенко, не может не тревожить руководителей партии и правительства. Поэтому партия проводит «двухколейную политику»: с одной стороны, раз уж нельзя привить веру в марксизм, поощряется полная бездуховность. С другой – поощряется ненависть к верующим.

В Советском Союзе есть две группы законов, касающихся религии. Одна из них как бы защищает положение Конституции, где говорится о свободе совести (по статьям 142 и 143 Уголовного кодекса РСФСР нельзя препятствовать отправлению религиозных обрядов). Другая группа (например, статья 227, по которой был осужден глава пятидесятников И. Федотов), наоборот, оправдывает насилие над верующими.

Законы первой группы носят пропагандистский характер и на практике фактически не применяются. Я не знаю ни одного случая, когда кто-либо из представителей власти был бы привлечен к ответственности за запрещение проводить богослужение или за разгон верующих, собравшихся в молельном доме. Видя насколько верующие беззащитны перед лицом государства, хулиганы из числа атеистов порой расправлялись с ними на свой манер.

ГЛАВА БИРЮЛЕВСКОЙ ОБЩИНЫ

Передо мной, следователем Московской областной прокуратуры, сидит Иван Федотов, глава пятидесятников России. Это коренастый блондин с выразительными голубыми глазами, работающий помощником машиниста в Московском метрополитене. На столе в синей обложке лежит его дело, состряпанное не в милиции, не в прокуратуре, а в КГБ – в Управлении госбезопасности по городу Москве и Московской области.

– Когда вы, наконец, перестанете преследовать верующих? – в упор, словно это лично я и есть преследователь и мучитель верующих, – спрашивает Федотов.

Я молчу. Что я могу ему сказать? После небольшой паузы, Федотов продолжает:

– Вы, конечно, знаете, что по этому поводу говорил ваш тезка... Фридрих Энгельс?

Нет, я не знаю, что говорил по этому поводу мой тезка. Зачеты когда-то сдавал, а с тех пор мало интересовался. Если честно – вообще не интересовался. Но не могу же я признаться в этом подследственному.

– Что-то сейчас не припомню, – говорю я, неопределенно разводя руками.

– Энгельс говорил, что «преследование – наилучшее средство укрепить нежелательные

убеждения. Единственная услуга, которую в наше время можно оказать Богу, это провозгласить атеизм принудительным символом веры!»

Здорово сказано, думаю я. Этот Федотов не только свою христианско-евангельскую веру знает, но и классиков марксизма. Свою позицию аргументирует лучше, чем наш прокурорско-следственный аппарат!

Но и прокурорско-следственный аппарат тоже не дурак: он делает вид, что преследует Федотова вовсе не за веру... Что вы, за веру у нас никого не преследуют, а кто утверждает противоположное, тот клеветник, поскольку о свободе вероисповеданий говорится в самом важном нашем документе, в советской конституции. Федотов обвиняется не за то, что верит в Бога. И не за то, что клеветал на Конституцию. Он обвиняется в злостном хулиганстве.

Но ведь Федотов – глава религиозной секты, придающей особое значение Сошествию Святого Духа на апостолов. Разве такой человек может заниматься хулиганством?

Может. У нас в Советском Союзе возможно все. Участковый инспектор милиции поселка Бирюлево утверждает, что Федотов грубо оттолкнул его от двери, когда он пытался войти в его квартиру, чтобы проверить паспорта у молящихся. Результатом отталкивания явилось ранение.

У милиционера не было ордера на обыск, без которого он не имел права войти в жи-

лище без разрешения хозяина, но он тем не менее пытался вломиться, а Федотов его оттолкнул, причем было разбито стекло и поранена рука. Не участкового, а Федотова. Тем не менее, ранение фигурировало в милицейском протоколе как отягчающее вину обстоятельство.

Федотов и я, оба хорошо понимали, что участковый – только орудие. КГБ нередко заставляет других, чаще всего милицию, делать вместо себя разные грязные дела. Кагебистам во что бы то ни стало надо было разогнать Бирюлевскую религиозную общину, не брезгуя никакими средствами. Например, обвинив в хулиганстве Ивана Федотова, спокойного, уравновешенного человека, презирающего насилие и насильников.

Я подал своему начальнику, прокурору Новикову, рапорт, в котором написал: «считаю, что в действиях Федотова отсутствует состав уголовно-наказуемого деяния».

Хитрая лиса Новиков не стал меня стыдить, уговаривать, взывать к партийной совести. Он просто передал тоненькую папку с делом Федотова другому следователю, а на меня взвалил громоздкое хозяйственное дело о хищении картофеля и капусты. Будешь высовываться, дальше дел о картошке и капусте не пойдешь! – означал сей молчаливый начальственный жест.

Однако и новый следователь оказался не очень покладистым: он закончил дело так, что суд не смог приговорить Федотова более

чем к году исправительных работ, да к тому же по месту работы. Столь «мягкий» приговор возмутил чекистов. По заданию Комитета госбезопасности уже был подготовлен «документальный» фильм под названием «Чудотворец из Бирюлева», который должен был скомпрометировать пятидесятников и их руководителя. Чекисты хотели состряпать из дела показательный процесс – и вдруг такой конфуз: Федотова даже в лагерь не отправили!

Тогда шел 1960 год. Первым секретарем был Хрущев, «либерал», при котором преследование религии особенно усилилось, много действовавших православных церквей было закрыто. Произошел перелом и в отношении к религиозным сектам и их руководителям. По указанию Политбюро председатель КГБ, генеральный прокурор СССР и председатель Верховного суда СССР совместно разработали проект нового закона, который был вскоре утвержден на заседании обеих палат Верховного Совета. На основании этого закона в уголовном кодексе РСФСР появилась статья 227. Согласно этой статье руководители верующих, чья деятельность сопряжена с причинением вреда здоровью людей (например, призыв соблюдать строгий пост), а также с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности, наказываются тюремным заключением на срок до пяти лет.

Не прошло и полугода, как московские чекисты снова занялись Федотовым. Его вызывали на допрос, а в это время в его доме производился негласный обыск и совершались еще более незаконные действия: подбрасывалась запрещенная литература, монтировалось подслушивающее устройство.

В эти же дни в одной из центральных областей страны произошел трагический случай: какая-то верующая, доведенная до отчаяния тяжелой советской жизнью, в помутнении разума убила своего ребенка. Виновником этого убийства объявили Федотова: это он, якобы, своими проповедями довел несчастную – которую никогда в жизни не видел – до исступления и до преступного шага. В доме Федотова, кроме того, были найдены материалы, в основном религиозные, поступившие, по мнению гебистов, из-за границы. Весьма вероятно, что они сами и подбросили эти материалы.

За все эти «преступления» с Федотовым на этот раз расправились по-настоящему: его осудили на десять лет лишения свободы, как «соучастника убийства».

МУЧЕНИК ЗА ВЕРУ

Было это в конце шестидесятых годов в городе Чехове Московской области. Ранней весной на окраине города был заживо сожжен местный юродивый – девятнадцатилетний парнишка Иван Комаров. Когда в сопровождении начальника Чеховского городского отделения милиции Костюрина я приехал к месту происшествия, в костре, на котором принял смерть очередной христианский мученик, еще догорали последние угли.

Тесной толпой, сжав кулаки, молча стояли люди вокруг пепелища, и не миновать бы преступникам самосуда, если бы мы сразу разыскали преступников, умучавших парня, об ангельском характере и святости которого слагались в округе легенды.

Комаров был разносчиком церковной корреспонденции. От священника к священнику, от верующего к верующему носил он книги, журналы, брошюры. Местный священник Михаил Яковлев, бывший инженер-мелиоратор, сказал на допросе, что Комаров так хорошо знал православное вероучение, что мог бы поступить в семинарию, если бы не страдал какой-то душевной болезнью.

Священник поделился со мной и своими подозрениями по поводу возможных убийц.

Неподалеку от места происшествия был клуб строителей, куда ходили молодые каменщики, плотники, слесари. Они строили в то время Чеховский полиграфический комбинат. Сейчас там печатаются газеты и журналы, в том числе «Наука и религия». Многие из этих парней были комсомольцами. Часто слушали лекции на антирелигиозные темы – во времена «оттепели» Хрущев усилил гонение на Православную церковь.

– Не поискать ли вам преступников в среде молодых атеистов? – сказал священник.

– Да что вы, батюшка! – возмутился я. – Как вам только в голову могло придти такое! Комсомольцы действительно не верят в Бога и ведут антирелигиозную пропаганду, но чтобы убить, да еще так...

Но священник-то оказался прав!

В канавке, в метрах двадцати от пожарища, я обнаружил пустую бутылку из-под водки и два окурка. Уже к вечеру криминалист из НТО милиции сказал, что на бутылке обнаружен отпечаток пальца...

Милиции я дал задание: выявить очевидцев происшествия. Уже на следующее утро позвонил Костюрин: его ребята, кажется, нашли одного свидетеля или подозреваемого, пока не ясно. Обращался по поводу ожога в медсанчасть, но не в Чехове, а в соседнем городе – Серпухове.

У старого кирпичного барака Чеховского химзавода встретил меня участковый милиционер. В широком, плохо освещенном кори-

горе множество дверей. Без участкового я заблудился бы в этой огромной, на десятки семей, коммунальной квартире. Участковый постучал в одну из дверей

– Кто здесь?

– Милиция, отворите.

Дверь открылась и участковый вошел первым. На кровати лежал парень лет семнадцати, правая рука была в бинтах. В комнату набежали соседи. Участковый выручил меня и на этот раз, попросил посторонних убраться. Они разошлись, но я знал: встанут у дверей, будут подслушивать. И потому попросил участкового «создать условия». Когда мы с хозяином комнаты остались вдвоем, я спросил:

– Как вас зовут? Фамилия?

– Юнин, Сергей, – испуганно назвал себя парень.

– Я из прокуратуры. Очень рассчитываю на твою помощь, Сергей. Речь идет об убийстве. Расскажи, как произошло, что у тебя оказалась обожженной рука? Был ли ты там у костра, когда сожгли человека?

Юноша отпирался недолго – минут пятнадцать. Потом назвал фамилии тех, кто был активнее других: Бурлаков и Хлыстов. Это у них возникла безумная идея покуражиться над Комаровым...

Бурлакова и Хлыстова мы задержали прямо на стройке на глазах других рабочих. Зашли в вагончик, к прорабу.

– Они что, опять нафулиганили? – спросил

прораб. Чувствовалось, что он уже приложился к бутылке. – Сколько я их чумовых учу: приняли и по домам... Так нет, их в клуб тянет...

Вечером мне принесли заключение экспертизы: отпечаток пальца на бутылке принадлежал Хлыстову. Да и они не очень-то упирались: рассказали правду на первом же допросе... А на очной ставке комсомольцы-собутыльники на чем свет поносили друг друга, заодно описывая детали расправы над Комаровым.

Оказалось, что решение «попытать» верующего парня возникло под влиянием атеистических лекций в клубе, проводимых лекторами из областной комсомольской организации и из общества «Знание». Группа юнцов решила проверить, так ли уж крепки в своих убеждениях религиозные люди. Они затащили Комарова в лесок, привязали к сосне и расселись вокруг.

– Так говоришь, Бог есть? – пьяным голосом, нараспев спросил Бурлаков.

– Есть! – сказал Комаров.

– Вранье! – вмешался в разговор Хлыстов. – Признаешь, что Бога нет, отпустим.

– Господь есть! И он накажет вас за богохульство.

– Поповские бредни это. Так не признаешь?

Комаров перекрестился:

– Господи! Помоги этим грешникам понять их заблуждения!

Бурлаков предложил полушутя:

– А что, если ему подрумянить пятки? Может, тогда безбожником станет?

И вот уже Сергей Юнин притащил сухие ветки. Пятнадцатилетний Андрей Шаров поднес спичку... Им всем интересно было: когда же этот святоша испугается и отречется от своего Бога?

А Иван не испугался. Он просто смотрел на них и молчал. Молчал и тогда, когда вспыхнул сушняк и пламя поглотило его.

КРОВАВАЯ ПАСХА

В пятницу, 23 апреля 1961 года, в канун еврейской Пасхи, в подмосковном поселке Расторгуево были убиты зубной врач Исаак Борисович Землянский, его жена Ревекка и его младшая сестра Тамара. Труп Землянского был найден в прихожей своего дома, в метре от входной двери. Врач лежал на полу, правая рука его, перебитая в предплечье, как бы продолжала защищать лицо, левая прижимала к груди шляпу. Он был убит молотком, валявшимся у кованой, массивной, с многочисленными запорами и секретными замками двери, – в тот момент, когда входил в дом.

Уборная, где, по всей вероятности, хотела спрятаться от своих преследователей жена врача Ревекка Землянская, была буквально залита кровью. Отсюда кровавый след вел в гостиную, где лежала на дорогом персидском ковре возле старинного буфета хозяйка дома. На лице и руках ее виднелись широкие кровоподтеки, на шее зияла огромная рана, проникающая до трахеи. Шейный позвонок был сломан, а щитовидный хрящ вырван.

Кровь в этой уставленной хрусталем и антикварными вещицами из слоновой кости и старинного серебра, увешанной картинами и

устланной коврами роскошной квартире, была повсюду: подошвы приклеивались к полу. Словом, картина, открывшаяся глазам нашей оперативной группы, прибывшей на место убийства, была настолько ужасающей, что даже видавшие виды оперативники приумолкли. Осторожно обойдя труп хозяйки, мы прошли в кухню.

Там, уткнувшись лицом в стол, накрытый к обеду, сидела женщина. Это была младшая сестра Землянского – Тамара. Судебный медик Борис Градус, лысый мужчина с густой иссиня-черной бородой, привычным жестом натянув на пальцы резиновые перчатки, обсыпанные тальком, осторожно приподнял ее голову. Лицо было обезображено: левый глаз вытек от страшного удара, кости черепа были проломлены в нескольких местах, на смуглой, нежной коже щек повсюду виднелись ранки – овальные и ромбические. Подобные повреждения обычно бывают от ножниц. Вот и ножнйцы, длинные, узкие, в пятнах крови, валяются у стола.

Изо рта убитой эксперт Градус извлек клочок бумаги. Видимо, Тамара пыталась проглотить какой-то лист, исписанный мелким почерком. Я вижу – это идиш, язык моих предков, европейских евреев, которого я не знаю. Женщина привязана к стулу белесыми сыромятными ремнями. Ее пальцы в колотых ранках. Сомнений не было – Тамару Землянскую пытали.

Взгляд невольно скользит к ее портрету,

что висит в простенке: жизнерадостная брюнетка, карие лукавые глаза.

Беспорядок заметен лишь в двух комнатах – гостиной и кухне. Тут что-то искали, и, очевидно, нашли, потому что остальные шесть комнат этой капитальной зимней дачи в полном порядке.

Самое необычное поджидало нас впереди: на стене столовой мы увидели бурую, сделанную кровью надпись: «Жиды, убирайтесь в Израиль!»

*

Чем глубже погружался я в осмотр места происшествия, тем более странными представлялись мне обстоятельства дела.

В ящике стола, к примеру, была обнаружена толстая пачка денег – около двадцати пяти тысяч. Странные какие-то грабители: людей зверски убили, а денег не взяли!

– Не нравится мне все это. Тут политикой пахнет, – как бы угадав мои мысли, сказал капитан милиции Алексей Чупров, когда мы, закончив осмотр столовой, перешли в следующую комнату. Вместительная, выходившая окнами в сад, она выглядела необычно. Длинные столы, дюжина стульев, серебряный девятисвечник причудливой формы с шестиконечными звездами и двуглавым орлом. На полках еврейские молитвенники в потускневших переплетах. На подоконнике – коробка с мацой (почти запрещенным в СССР продуктом). Корица, бутылка красного вина

– следы приготовлений к еврейскому пасхальному обряду.

– Синагога, настоящая синагога, – слышится за моей спиной чей-то ржавый голос.

Это прикатило высокое начальство: Иван Парфентьев, начальник Московского уголовного розыска, одного из основных управлений Министерства внутренних дел. Подчиненные зовут Парфентьева «генералом», хотя в 1961 году, когда произошло описываемое убийство, высшие милицейские чины назывались еще по-революционному «комиссарами».

С приездом начальства дело пошло живей. Солидный подполковник Неугасов, начальник Ульяновского районного отдела милиции, на территории которого произошло преступление, его заместитель по оперативной работе Чупров, старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска Морозов и другие – развалившиеся в мягких креслах кабинета Землянского и неохотно слушавшие указания следователя, то-есть мои, обязательные в подобных ситуациях для работников милиции, – преображаются: одергивают мундиры, встают по стойке «смирно».

Парфентьев, мощный мужчина лет пятидесяти, усаживается разом на два составленных вместе стула.

– Служебно-розыскную собаку применяли? Отпечатки пальцев обнаружены? Соседей, родственников, знакомых опросили? Судимых в поселке выявили?

*

В некогда богатом купеческом селе Расторгуево, расположенном в получасе езды от Москвы, семья Землянских поселилась перед самой войной. После ее окончания, когда Исаак Землянский вернулся с фронта, а остальные – из эвакуации, зажили неплохо, открыли свой зубоврачебный кабинет. В пятьдесят втором, во времена «врачей-вредителей», когда частников прижали, кабинет пришлось закрыть, а глава семьи пошел служить хирургом-стоматологом. Через два года он вернулся к частной практике, хотя и службы на всякий случай не оставлял. Так и метался между поликлиникой и своим кабинетом.

Семья Землянских – религиозная. Борух Землянский, отец Исаака Борисовича читал писание на иврите, но детям передал только идиш. Времени не хватило: старика дважды ссылали. Первый раз в Биробиджан, на вольное поселение. Потом – в Магадан, за полярный круг. Оба раза «за сионизм».

Любовь к Богу, к своему народу старик передал детям. В семье часто говорили о переезде в Израиль. Старик Землянский встречался с тогдашним послом Израиля в Москве Голдой Меир. После этого Землянского пригласили в Московское управление госбезопасности. То, что ему там сказали, очевидно, произвело на старика немалое впечатление: он как-то сразу сник и ссу-

тулился, хотя от религии не отошел. Более того, чтобы не ездить в московскую синагогу, он решил приспособить для молитв свой собственный дом.

Кстати, в Москве одна синагога на четыреста тысяч еврейского населения. Считают, что посещать ее опасно: с помощью современной аппаратуры чекисты просматривают все, что происходит внутри и вокруг. Выявляют «связи» с иностранцами, подслушивают разговоры, выявляют еврейских активистов. Частенько именно отсюда берут след агенты политической и криминальной разведки.

И вот по субботам к вместительному дому Землянских потянулись евреи из окрестных мест. Потом и из Москвы. Незадолго до описываемых событий Борух Землянский умер от инфаркта, так и не осуществив своей мечты – прожить остаток дней в Израиле. Сын ничего не изменил в распорядке их домашней синагоги. Как и прежде по субботам туда приходили молиться евреи.

Семья Землянских – тихие, добросердечные люди, жившие, как выяснилось, душа в душу со всеми своими соседями, не просто убиты, – а зверски замучены. Кто убийцы? Каковы их мотивы?

Вопросы эти сверлили мне мозг, когда сидя в оперативной машине, снаряженной яркими желтыми фарами и пронзительным сигналом, я мчался по пустынным улицам Москвы, возвращаясь с места происшествия. В этот предрассветный час дежурная оператив-

ная группа: следователь, инспектор уголовного розыска, эксперт-криминалист, судебно-медицинский эксперт и проводник собаки-ищейки, – были немногими, кто не спал в восьмимиллионном городе...

Занятый своими мыслями, я и не заметил, как мы оказались на Петровке, у дома № 38, в длинном П-образном желтом здании Главного управления охраны общественного порядка города Москвы. До десяти, когда происходит сдача дежурства, оставалось еще четыре часа – могли послать еще на какое-либо задание.

Дежурная часть размещается в нескольких просторных залах. То там, то здесь на стенных табло загораются красные, зеленые, желтые лампочки – свидетельства уличных, квартирных, ресторанных драк, автомобильных аварий, квартирных краж, грабежей и убийств. За пультами – ответственный дежурный по городу, его заместители, дежурные различных служб: уголовного розыска, управления борьбы с хищениями социалистической собственности, наружной охраны. Периодически сообщают об оперативной обстановке в городе дежурные отдела регулирования уличного движения и пожарной инспекции.

Сегодня ответственный дежурный по Москве – подполковник милиции Юрий Бондаренко – красивый, статный мужчина. Подчиненные за глаза зовут его «викинг». Его охотно снимают для кинохроники, фотографи-

руют для газет и журналов. Подполковник сидит во вращающемся кресле. Смотрит участливо:

– Намаялся, следователь? Сочувствую. Но придется ехать снова. Два трупа. Убийство в Столешниковом переулке, дом восемь.

*

В те часы, когда я работал в квартире Землянских, – в Столешниковом переулке, в центре Москвы, убили скорняка Абрама Туниса и его жену. В квартире Туниса я понял, что убийства связаны между собой. И там и здесь погибли еврейские семьи. И там и здесь не обошлось без наводчиков: многочисленные запоры в доме Землянских не были сломаны. В глухую ночь Тунисы, известные своей осторожностью, без колебаний открыли дверь своим убийцам.

Квартира Тунисов тоже залита кровью. На телах жертв колотые раны, следы истязаний. Убийцы искали, как и в Расторгуево, драгоценности. Не выдержав пыток, супруги, очевидно, рассказали о тайниках: два из них были в стене, третий в полу. Тайники оказались пустыми. Должно быть, велики были ценности, хранившиеся там, если бандиты и в квартире Тунисов не тронули ни денег (мы нашли в разных местах около ста тысяч рублей), ни лежавших горкой в шкафу шкурок – собольих, куньих, лисьих. И, на-

конец, в квартире Тунисов, на широком зеркале была та же кровавая надпись: «Жиды, убирайтесь в Израиль!»

*

Вскоре в Москве произошло еще одно убийство, похожее на первые два. Преступники проникли в квартиру фотографа Михаила Моисеевича Пакина, человека весьма состоятельного – тоже, очевидно, с помощью наводчика. Жена фотографа, Софья Михайловна, бывшая одна в доме, видимо, знала одного из убийц, поскольку впустила их в дом. Более того: она написала записку мужу, который с утра работал в своем фотоателье на Красной Пресне. Примерно в двенадцать часов дня туда явился неизвестный, передавший записку Пакину. Тот занервничал, засуетился, сказал сотрудникам, что должен срочно ехать домой, так как внезапно заболела жена.

Убиты Пакины были зверски. Как и Тунисов и Землянских, их мучили, добиваясь выдачи драгоценностей. Софью Пакину обварили кипятком. Грудь и руки ее мужа изрезали ножом. Драгоценности, хранившиеся в тайнике за картиной, исчезли. А на окнах, мебели и зеркалах были кровью написаны те же антисемитские ругательства.

*

Если спросить у советского человека, какая из московских тюрем самая страшная, он, вероятно, ответит – Лефортовская. Или Владимирская, или Бутырская. Ни один из ответов не будет верным. Самая страшная тюрьма – «ДПЗ» – Дом предварительного заключения. Это внутренняя тюрьма Московского управления внутренних дел – московской милиции. Здесь, так сказать, творческая лаборатория советской криминальной полиции. Здесь мастера сыска, не брезгуя методами своих предшественников сталинских времен – от которых никогда и не думали отказываться, несмотря на все уверения в противном, – опробуют и новшества, изобретенные в Академии милиции. В эту тюрьму попадают те, кто не признается. Из нее же выходят, покаявшись во всех грехах, совершенных и несовершенных...

Советский закон, точнее – статья 90-я уголовно-процессуального кодекса (УПК РСФСР), дает милиции десять дней для представления доказательств вины задержанного. По истечении десяти дней дознаватели либо обязаны предъявить обвинение подозреваемому, либо освободить его. Но редко кому удается вернуться восвояси после десятидневного пребывания в качестве подозреваемого.

Братья Комаровы – известные хулиганы и грабители из Расторгуева – сидят в ДПЗ уже десятый день. Они подозреваются в

убийстве Землянских. Весь МУР бьется над тем, чтобы заставить их заговорить. Но вот пора уже идти с докладом к прокурору, а братья не внемлют ни ласке, ни силе. Сведения о том, что Комаровы причастны к убийству, были получены оперативным путем от агентуры, которую милиция имеет в преступном мире. В следственном деле, в официальных материалах сведений об агентах нет. Но они часто поставляют весьма ценные путеводные нити. Пользуясь этой информацией, прибавив к ней свое уменье выколачивать нужные показания, подручные Парфентьева к исходу десятого дня добиваются своего: братья корявым почерком пишут «чистосердечное признание». Братья Комаровы подверглись так называемой «камерной разработке»: все десять дней платные агенты Парфентьева под видом арестованных находились вместе с ними в камерах и выуживали у них нужные сведения.

Каких только названий не надавали в свое время этим осведомителям в сталинских лагерях и тюрьмах: «кукушка», «наседка», «утка». Сталинские времена прошли, а они остались и даже модернизировались в наши «демократические времена».

В камере пятеро. «Кому можно довериться?» – думает Анатолий Комаров. Нельзя в схватке с «лягавыми», смертными врагами, оказаться без союзника: нужна связь с «волей», нужен совет опытного уголовника. К Васильеву, «медвежатнику», специалисту

по взламыванию сейфов, душа не лежит, шумный парень, явно связан с «кумом» - начальником оперативного отдела тюрьмы. Гогуа, мошенник и спекулянт, глуп, ничего путного не посоветует. Барышников, фарцовщик, - хитрец, скользкий тип, продать может. А вот Чернявский и Мартынов - ничего мужики, степенные «хозяйственники-толкачи», не выдадут, можно вместе обмозговать поведение на допросе. И не ведает Анатолий, что профессиональные агенты - все пятеро. А Чернявский - подлинная фамилия его Черных - «мастер камерной разработки».

Постоянные вызовы из камеры в следственный кабинет для допросов выводят подозреваемого из себя. Операция эта носит название «подогрева». Часов пять допрос, часов пять «остывание» в камере, где каждый сокамерник тоже своего рода следователь. Потом снова допрос с участием трех-четырех специалистов по «расколу». Допрос этот в протоколе не фиксируется.

Когда мне поручили ведение следствия по делу Землянских, я начал с официального допроса Анатолия Комарова. Комаровы - соседи Землянских, жили с ними на одной улице. Они хорошо знали потерпевших, были осведомлены об их богатствах. Были знакомы с их сыном Ефимом, который, по их словам, и «навел» на убийство.

Объяснения Комаровых текут складно до определенного момента. Когда дело доходит до деталей, братья начинают путаться, проти-

воречат друг другу и материалам дела. Я понимаю, что муровцы переусердствовали, и в конце концов заявляю, что не подпишу постановление на арест Комаровых, которые, без сомнения, нехорошие люди, но Землянских, по всей видимости, не убивали.

Исстари между прокуратурой и милицией существует тайная вражда. Руководители двух ведомств советской юстиции с удовольствием подставляют друг другу ножку, стараясь выслужиться перед общим хозяином – отделом административных органов коммунистической партии. Начальник Московской милиции за наглухо закрытой дверью своего кабинета приказывает, например, подчиненным: «Попадется кто из прокуратуры пьяным на улице – доставлять немедленно в вытрезвитель, а донос о моральном разложении блюстителя законности, несовместимом с пребыванием на столь ответственном посту, тут же отправлять с фельдъегерем в МГК КПСС». Прокуратура, естественно, не остается в долгу. Прокурор Москвы Мальков сто раз наставлял подчиненных: «О любых нарушениях законности, допущенных милицией, сообщать лично мне, я тут же свяжусь с первым секретарем горкома товарищем Гришиным. Чем больше мы выявим злоупотреблений властью со стороны МВД, тем лучше будут выглядеть наши показатели и отчеты».

Каждый прокурорский работник впитал в себя мысль: не верь милиции! Я тоже не верю. И собственный опыт – к тому времени семи-

летний – подсказывал: ведомственные интересы, в данном случае – раскрытие любыми средствами особо опасного преступления, о котором известно в горкоме партии и прокуратуре республики, – для милицейских чинов превыше истины.

Я был убежден, что признания Комаровых – творчество начальника розыска и его компании, не более, чем попытка «закрыть» дело. С этим своим неверием и портфелем с протоколами я отправился на Новокузнецкую, 27, в Мосгорпрокуратуру на доклад к начальству.

Ожидаю аудиенции. В кабинете беседуют двое, прокурор Москвы Михаил Мальков и его первый заместитель Павел Солонин. Маргарита Петровна, секретарь прокурора, вышла, не прикрыв дверей, двойных, с тамбуром. Изобретены такие двери, «предбанник», еше при Сталине. На сей раз «предбанник» не сработал и я слышал, как прокурор с заместителем говорили о том, что Московский городской комитет партии в настоящее время считает основным злом в стране техническую интеллигенцию, что на втором месте по опасности, по мнению комитета, стоит творческая интеллигенция, на третьем – сионисты, на четвертом – молодежь, и лишь на пятом – преступники всех мастей и калибров.

Тем временем подошли прокуроры отделов, старшие следователи. Начинается совещание. Прокурор, невысокий, упитанный человек, тусклым голосом сообщает, что партию вол-

нует положение на «юридическом фронте». Тревожит увеличение количества умышленных убийств в Москве, число которых за год перевалило за тысячу. Слово «партия» произносится им как имя живого человека, которого следует не просто уважать, но и бояться. Рассказывая о трех загадочных убийствах, которые он объединил одним словом «еврейские», Мальков сообщил, что «товарищи из КГБ» любезно поделились с ним информацией: некоторые лица еврейской национальности, в том числе потерпевшие Землянский, Тунис и Пакин, обращались к советскому правительству с ходатайством о переезде к родственникам в государство Израиль.

– Этот факт, – возвышает голос прокурор, – мы не можем оставить без внимания! Отнестись к нему мы должны по-партийному. – Тут он почему-то посмотрел в мою сторону. – Мы не можем позволить, чтобы ценности, добытые этими людьми нечестным путем, перешли по наследству детям этих жуликов. – Прокурор впервые назвал убитых «жуликами». – Не может быть, чтобы начальник ОБХСС не имел материала на скорняка, фотографа и врача. Кстати, – Мальков обращается прямо ко мне, почему это до сих пор не арестован сын Землянского? Парфентьев сказал мне, что сынок действовал заодно с убийцами?

– Ничего подобного, – говорю я. – В следственном деле таких сведений нет.

Парень, действительно, не образец для подражания - играет на бегах, водит сомнительные знакомства, любит женщин. Но разве этого достаточно для ареста?

Мальков задумывается. Видно, что он недоволен таким оборотом дела.

- Попробуйте закрепить агентурные данные МУРа следственным путем. В конце концов пусть они рассекретят одного или двух из своих агентов, - наконец произносит он, - для такого серьезного дела на это можно пойти.

- Михаил Григорьевич, - говорю я, - я не работник уголовного розыска, а следователь прокуратуры. Моя задача - собирать не слухи, а доказательства. Для ареста Ефима Землянского оснований нет!

Воцаряется тишина. Я рассматриваю красивое окно кабинета. Этот старинный особняк некогда принадлежал богачу Прохорову, который подарил его своей любовнице. В ее спальне теперь размещается московский прокурор. Доклада у меня не получилось, прокурору я больше не нужен. В подавленном настроении покидаю кабинет.

«Боевик какой-то, - думаю я, - а не нормальное уголовное дело. С какой стати детей погибших загонять в тюрьму? За что, собственно? Только за то, что у их отцов была хорошая специальность, золотые руки и неудачная национальность?»

*

Прошло два месяца. К этому времени следствие по расторгуевскому убийству как бы раздвоилось. Парфентьев и его служба считали, что Землянских убили Комаровы совместно с Ефимом, сыном убитых. В подтверждение своей версии уголовный розыск приводил следующие доводы: Комаровы – отъявленные мерзавцы, такие пойдут на все. Они спелись с младшим Землянским, а тому не нравилось, что отец отдает много денег еврейской общине. Какая-то доля правды в этом была: ряд знакомых и друзей Землянских подтверждали, что Ефим часто сетовал на расточительство отца и жадность матери. Ефиму очень хотелось прибрать к рукам бриллиант «Северная Пальмира», купленный дедом в двадцатые годы у вдовы бывшего петербургского сановника. В наши дни бриллиант оценивался в пятьдесят тысяч рублей. Нравились Ефиму и кольца, браслеты, ожерелья восемнадцатого века, представлявшие тоже немалую ценность.

Основным козырем в системе доказательств Парфентьева было признание Комаровых. Но генерал понимал, что недетализированные, не закрепленные другими доказательствами голословные признания мало что стоят. По этому он и стремился заполучить санкцию на арест Ефима Землянского. Начальник Московского сыска был уверен: в

ДПЗ младший Землянский признается в убийстве родителей.

Я придерживался другой версии. И мне казалось, что я напал на след.

Через неделю после кровавых событий в Расторгуево я решил пройти по пути, который проделала знаменитая муровская ищейка Диана сразу после убийства. Взяв в помощники местного участкового инспектора милиции Калачева, я отправился в служебную прогулку. Медленно, заходя в каждый дом, шли мы по поселку. Казалось, что это напрасный труд: в первые два дня после убийства сотрудники милиции уже опросили большинство жителей округи.

К вечеру мы добрели до железнодорожной платформы Битца. Именно здесь овчарка потеряла след в тот день. И именно здесь я кое-что вспомнил. Сотрудники угрозыска говорили, что после трех часов дня 23 апреля братьев Комаровых видели в компании дружков возле железнодорожной платформы. Но возле какой платформы? Около Расторгуево! А ищейка привела к платформе Битца. Так ведь это же совершенно меняло дело! От дома Землянских до платформы Расторгуево чуть больше километра, до платформы Битца – четыре. Значит, рассуждал я, совершив убийство в 14 часов 40 минут, Комаровы должны были проделать путь в четыре километра до Битцы, а потом пройти еще более пяти километров, чтобы к трем быть у

платформы Расторгуево. Девять километров за 20 минут?

На следующий день в сопровождении Калачева я снова отправился в путь, все более расширяя радиус поиска. Участковый милиционер расположился ко мне и под аккомпанемент его забавных рассказов мы прошагали с десяток километров. Привал сделали возле дома, одиноко стоявшего у кладбища. Здесь-то я и нашел ценного свидетеля – пастуха колхоза имени Ленина по имени Сорока.

В тот трагический день Сорока пас стадо коров в овраге у речки, за садами возле Расторгуево. В двенадцать ноль три, уточнил Сорока, явно похваляясь своей памятью, к нему подошли трое: степенный мужчина и двое парней. Парни крепкие, не здешние, не Комаровы, этих хулиганов он знал. Один очень высокого роста, атлетического сложения, «борец, такие в цирке выступают». Второй тоже не хлипкий, но ростом пониже, жилистый. Присели рядом, от приглашения закусить отказались. Мужчина – черноволосый, интеллигентный, в очках, оправа золотая, с портфелем, – вежливо сказал, что все они недавно завтракали. Так как вышли они из лесу, пастух сделал вывод, что пришли дальней дорогой от станции Битца. Разговор шел о погоде, о видах на урожай, об итогах хоккейного чемпионата и о прогнозах начавшегося только что футбольного сезона. Парни не без гордости сообщили, что они

тоже спортсмены, на днях вернулись из Молдавии, где были на спортивных сборах. И действительно, ребята были бронзовыми от загара, пышущие здоровьем. Тот, что повыше, все вертел в руках сыромятный ремешок. На вопрос пастуха, зачем пожаловали из столицы сюда, в глушь, ответили: «Друг захворал, приехали из Москвы навестить». В половине первого все трое разом встали, сказав, что им пора, и направились в переулок.

Третьим в том переулке был дом Землянских.

Через два часа с четвертью – было 2.45, пастух Сорока уже отогнал свое стадо от поселка, – трое вернулись из переулка. На этот раз они не шли, а почти бежали. Тот, что повыше, держал в руке зеленую матерчатую сумку. Сорока помахал им рукой, подзывая к себе: скучно одному – с коровами не потолкуешь. Но тех как подменили. Они пробежали мимо, не обратив на утреннего знакомца никакого внимания. Путь держали по направлению платформы Битца...

Теперь я был убежден, что нахожусь на верном пути. На следующий день – еще одна удача: швейцар кафе на Серпуховке обнаружил пачку каких-то бумаг, перевязанных сыромятным ремнем. Бумаги оказались документами Землянских. Положили пачку в сливной бачок уборной, скорее всего два парня, которые пили коньяк рано утром. Это и обратило на себя внимание швейцара: кафе

находится в рабочем районе, и обычно посетители по утрам спиртного не заказывают. Описание парней сходилось с тем, что дал пастух.

Тем временем кольцо подозрений все теснее сжималось вокруг Ефима Землянского. Один за другим появлялись на свет материалы, порочащие молодого инженера. Долг приятелям на ипподроме – десять тысяч рублей, долг карточный – семь тысяч. Невест у Ефима оказалось тоже семь. Одна другой лучше. На их фоне особенно выделялась одна: стройная сероглазая девица с красивым иностранным именем Зитта. Усевшись перед начальником МУРа и милостиво разрешив угостить себя сигаретой, она охотно отвечала на все вопросы. Зинаида Ивановна Крылова, – так звали девицу, – хотя ей было всего 15 лет отроду, уже успела сбежать из Института трудового воспитания несовершеннолетних, а проще из колонии для малолетних проституток. Толстого генерала она называла «мой дорогой» и погнала его на первый этаж за чашечкой кофе. Хитрый Парфентьев галантно сбегал в буфет за кофе и ловко выжал из глупой девчонки нужные ему сведения.

Из колонии Зинаида-Зитта сбежала к Ефиму Землянскому, который обещал на ней жениться, хотя как он собирался это осуществить оставалось тайной: брачный возраст в СССР – с 18 лет. Как-то в минуту откровения Ефим сказал, что Зитта ему до-

роже родителей и что он никогда не расстанется с ней – чего бы это ему ни стоило.

Показания Крыловой комиссар Парфентьев расценивал как доказательство, что у Землянского-младшего созревал план устранить родителей.

Подвели Землянского и приятели. Они на допросе поначалу утверждали, что провели 23 апреля вместе с ним. Обедали в ресторане «Якорь», ездили на стадион «Динамо», а потом побывали у «девочек» в гостинице «Советская». Но пройдя школу Парфентьева, они заявили, что не могут ручаться за то, что Ефим не покидал их надолго в день убийства, и что встретились они с ним где-то в четыре часа дня, а не в два, как уверяли раньше. Алиби Землянского рухнуло. И если бы не мое упрямство, сидеть бы женолюбцу на хлебе и воде в камере Петровской тюрьмы.

Обрывок за обрывком, лист за листом, строчка за строчкой – собирал я только что высушенную, истерзанную тетрадь с записями необычной для СССР организации – Расторгуевской еврейской общины. Несколько лет просуществовала эта религиозная организация со своей казной, уставом, порядками. Официально она нигде не была зарегистрирована, а значит была незаконной, подпольной. Ничего «подпольного» ее члены не делали: молились, учили иврит, изучали историю евреев.

То, что написано на идиш, переводит Аркадий Соломонович Свет, мудрый человек, выпускник Варшавской гимназии. Он крупный инженер, которого я нередко приглашал как эксперта по так называемым «строительным делам». Аркадий Соломонович долго молчит, потом оглашает перевод. В январе 1961 года тридцать еврейских семей – всего сто три человека – обратились в Совет Министров СССР с просьбой отпустить их в Израиль. Просьба по тем временам необычная. (Легальный выезд евреев из СССР начался в 1970 году.) Мотивы: вера, язык, традиции. Основания: в палестинских землях проживают близкие родственники, расселившиеся там в предвоенные годы и после Второй мировой войны. Евреи предложили за себя советскому правительству выкуп: драгоценности, деньги – на общую сумму три миллиона рублей. В списке членов общины есть имена Землянских, Тунисов, Пакиных. Лист тетради, на котором выписаны фамилии, разорван пополам. Одну из этих половинок эксперт Градус извлек изо рта Тамары Землянской.

Вот почему бедная девушка хотела проглотить бумагу: она пыталась спасти членов своей общины!

Я еду на завод имени Владимира Ильича – искать убийц. То, что мне нужно ехать именно туда, во многом решила за меня одна из чудеснейших наук – криминалистика. Экспертиза установила, что сыромятные ремни – те, что были найдены на месте преступ-

ления, и те, которыми были перевязаны документы, обнаруженные швейцаром кафе, идентичны. И изготовляются для промышленных целей только на московском заводе, носящем имя и отчество Ленина. Кроме того, я выяснил, что спортивная команда этого завода ездила весной на сборы на свою базу, находящуюся в Молдавии, под Кишиневом. С помощью научно-технического отдела управления милиции я создал фотороботы молодых людей, которых видел пастух Сорока в Расторгуево.

С настроением охотника, который уже почти видит дичь, вошел я в кабинет заместителя директора завода по кадрам. Предъявил удостоверение. Объяснил причину прихода. Попросил показать мне личные дела рабочих. Мой собеседник вежливо, но твердо ответил, что удовлетворить мою просьбу не может:

– Наше предприятие режимное. Требуется разрешение управления госбезопасности.

– Не беспокойтесь, сейчас мы все уладим, – успокаивал меня через час Саморуков, начальник следственного отдела Мосгорпрокуратуры.

Он достает из стола справочник секретных телефонов и набирает номер. И я уже вижу, как меня допускают к документам, как я выбираю мужчин, похожих на «тех», предъявляю для опознания Сороке и швейцару кафе. И как под давлением улик «те» со-

знаются и указывают на организаторов убийства.

– Ничего не получается, – мрачно произносит Саморуков, кладя трубку на рычаг. – Говорят: пришлите отдельное требование, проверку и опознание проведем сами.

Вот те и на! А ведь в законе записано: прокуратура осуществляет надзор за органами безопасности!

Следующую неделю я провожу за письменным столом. Строчу запросы, письма, отдельные требования. В КГБ. В МВД. В Молдавию. По месту работы. По месту жительства.

В один из этих дней ко мне является Ефим Землянский, запыхавшийся, взволнованный.

– Лучше посадите, но не измывайтесь! – чуть ли не плачет он.

– В чем дело?

– Ваш «хвост» преследует меня по пятам. Это не жизнь, а каторга! Если вы считаете, что я мог поднять руку на мать, ведите в тюрьму!

Приходится вступать в переговоры с всесильным Парфентьевым. Объяснять ему, что наружное наблюдение, которое он установил за Землянским, никуда не годится, если какой-то мальчишка смог разгадать хитрости матерых сыщиков славной советской милиции. О том, что сыщики очевидно попадались ему на глаза нарочно, что это был способ давления, я упоминать не стал. Комиссар милиции

обещает сделать одолжение - навести порядок, кроме того сообщает, что Комаровым предъявлено обвинение в другом преступлении - злостном хулиганстве, расследованием которого занимаются следователи МВД.

Проходят еще три недели. Ответа из КГБ нет. Через месяц приходит лаконичное письмо на красиво оформленном бланке, за подписью заместителя председателя Комитета государственной безопасности генерал-полковника Перепелицына: «Установить лиц, совершивших убийство граждан Землянских и якобы работающих на режимном предприятии, не представилось возможным».

Три месяца минуло с того дня, как я впервые познакомился с этим делом. Из следователя я превратился в жалобщика, обивающего пороги высокого начальства: прокурора республики, секретаря городского комитета партии, отдела административных органов ЦК КПСС. Я прошу разрешить мне розыск преступников и опознание среди рабочих завода им. Владимира Ильича. Они отвечают: не положено, подобная работа - прерогатива госбезопасности.

Однажды вечером в моем кабинете раздается телефонный звонок.

- Нам необходимо увидеться, - сказал незнакомый голос. - Приходите вечером к входу Центрального парка. Я подойду к вам. Это очень важно!

В детективных романах следователи ходят на свидание с потерпевшими, пьют водку с

подозреваемыми, гуляют в парках с обвиняемыми. В жизни так не бывает или почти не бывает: это противозаконно, за такие проделки могут выгнать со службы. Но я решился. Почувствовал – голос искренний, серьезный и расстроенный.

Интуиция меня не подвела.

– Добрый вечер! Это я звонил. Предположим, что меня зовут Лева.

– Очень приятно. Чем могу служить?

– Пойдемте к Москве-реке. Там меньше шансов, что подслушают. Услышат – я пропал.

– Что за страхи? И почему вы не пришли ко мне в прокуратуру? Там безопаснее.

– Ошибаетесь.

– Не понимаю.

– Сейчас поймете. Я из Расторгуева. Меня послала община, вернее, то, что от нее осталось. Нашей общины больше нет. Ее разогнали. Вы хотели найти палачей, убивших Землянского, Пакина, Туниса...

– Еще найдем! Им не миновать кары, – не очень уверенно перебиваю я.

– Ошибаетесь еще раз. Не найдете: КГБ не допустит.

– Какое отношение имеет к этому Комитет госбезопасности?

– Все испортил мой старший брат. Запутался в валютной сделке с каким-то австрийцем. Его взяли. Видимо, здорово напугали! Короче: он стал на них работать.

– И дальше?

– Это мой брат приходил с убийцами к

Землянскому, Тунису и Пакину. Его знали, ему открыли.

Я долго молчу, рассматривая водную гладь реки.

– Где сейчас ваш брат?

– Не знаю. Исчез. Но при последней встрече он рассказал мне все. Его заставили, понимаете? Но он не мог больше носить в себе этот груз. Боюсь, что он покончил с собой... Или с ним покончили.

– Вы подтвердите свои показания на следствии?

– Никогда в жизни! Я не хочу лежать как Исаак Борисович на Востряковском кладбище. Неужели вам до сих пор не ясно: бандитов послали люди с Лубянки! Они хотят отбить у евреев охоту эмигрировать!

Я не верил ему. Вернее – боялся поверить. Это было слишком страшно...

– А надписи? Они подтверждают, что их писали антисемиты!

– Или под антисемитов...

Не попрощавшись, он ушел.

*

Первое сентября 1961 года я запомнил навсегда. К десяти утра я привез в следственное управление прокуратуры Москвы три пухлых тома следственного дела, возбужденного по факту смерти Землянских. В приемной были также два других следователя. Они расследовали дела Туниса и Пакина. Мы

приехали, чтобы признать свое поражение: три дела были приостановлены за нерозыском преступников.

Они не найдены и поныне...

"В УСЛОВИЯХ, ПРИБЛИЖЕННЫХ К БОЕВЫМ"

Преступление это, происшедшее вскоре после убийства Землянских, Тунисов и Пакиных, потрясло жителей Москвы и Московской области. В одну ненастную ночь в подмосковном дачном поселке Малаховка загорелась синагога. В Москве была всего одна синагога, в Малаховке – вторая.

Пока местные пожарники согласовывали, кому выезжать, синагога продолжала гореть. То, что от нее осталось, в конце концов с трудом потушили. Вызвали следователя.

На место происшествия приехал опытный криминалист Александр Александров. Мы дружили с ним с первого курса юридического института и секретов друг от друга не держали.

В глубине здания, где хранилась Тора, Александров нашел труп старика-сторожа – с перерезанным горлом. А там, где стены не обвалились, кровью старика были сделаны надписи. Это были антисемитские ругательства, самое «невинное» из которых гласило: «Жиды, убирайтесь в Израиль!» Чем тщательнее осматривал следователь место пожара и убийства, тем яснее для него становилось, что тут действовала не шайка в минутном

припадке жажды разрушения, что это – политическая акция, подготовленная хладнокровно и тщательно.

В стране в это время начался подъем еврейского самосознания: создавались кружки по изучению еврейской истории, многие евреи впервые ощутили себя частью древнего и талантливого народа. Многие из них «пошли в религию», начались открытые разговоры об эмиграции в Израиль.

Саша Александров, выходец из культурной русской семьи, начисто лишенной антисемитского душка, решил во что бы то ни стало раскрыть преступление, хотя и ясно себе представлял, что перед ним задача не из легких. Ему было хорошо известно, что партия дала установку «придавить к ногтю» евреев, причастных ко «второй экономике» – недаром на жаргоне ОБХСС все дела о левом производстве и торговле, вне зависимости от национального состава их участников, именовались «еврейскими делами». И он не очень удивлялся, когда в ОУР, уголовном розыске, не смог найти никого, кто пожелал бы заняться делом о поджоге малаховской синагоги. Он решил действовать в одиночку, обратился за помощью к населению, которое обычно в советских условиях не очень охотно помогает следственным органам. Но в данном случае те, кого принято называть «простыми людьми», были настолько возмущены убийством и поджогом, что помогали Александрову чем только могли. За полтора

месяца он опросил свыше трехсот жителей Малаховки и шаг за шагом, крупицу за крупицей собрал сведения о всех посторонних лицах, приходивших в синагогу за последний месяц. И обнаружил трех забулдыг, которые выдавали себя за маляров и плотников и предлагали свои услуги для проведения капитального ремонта здания.

«Маляров» арестовали, и на допросе они признались, что убили сторожа и сделали надписи его кровью. Образцы же надписей они получили от тех, кто за определенную сумму нанял их для совершения убийства и поджога.

Теперь предстояло самое трудное – отыскать тех, кто давал «заказ» на это гнусное преступление. Преодолевая одно препятствие за другим и теперь уже рискуя тем, что сам окажется с перерезанным горлом, Александров в конце концов «расколол» организаторов убийства и поджога. Ими оказались ответственные работники Управления КГБ по Москве и Московской области. Но ведь и они не могли совершить такое дело по собственной инициативе и прихоти, и над ними было начальство, распоряжения которого они привыкли неукоснительно выполнять...

Вскоре после этого в Западной Германии началась серия разрушений еврейских кладбищ и поджогов синагог – якобы сторонниками возрождающегося национал-социалистского движения. Оказалось, что перед тем, как заняться этими акциями, люди из «хо-

зяйства» генерала Агаянца (Отдела «Д» Первого главного управления КГБ СССР, специализирующегося на дезинформации), решили проверить свою подготовку на поджоге Малаховской синагоги и убийстве ее сторожа, провести, так сказать, генеральную репетицию «в условиях, приближенных к боевым»...

Когда следователь Александров дошел до этой черты, дело у него забрали и недвусмысленно приказали во избежание крупных неприятностей держать язык за зубами.

ПОБОРНИК ЗАКОННОСТИ

8 января 1977 года на станции метро «Щелковская» в Москве взорвалась бомба. Погибли семь человек, тридцать получили ранения. В связи с этим академик Сахаров сказал иностранным корреспондентам, что КГБ может использовать взрыв в метро как повод для усиления давления на диссидентов. Вскоре после этого Сахарова вызвали в Прокуратуру Союза ССР, где заместитель генерального прокурора СССР Гусев предупредил его об уголовной ответственности за ложное утверждение о том, что взрыв в Московском метро – провокация органов власти, направленная против диссидентов.

А еще через месяц, 23 февраля 1977 года газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью того же Гусева. Это был первый случай, когда советский прокурор давал объяснение западной общественности. Гусев, в частности, писал, что заявление Андрея Сахарова о причастности властей к преступлению не могло быть оставлено без внимания прокуратуры, так как согласно Конституции СССР органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов. Поскольку же действия

Сахарова подпадали под действие статей 70 и 190-1 Уголовного кодекса, то он и был приглашен в прокуратуру*.

Гусев напомнил, что еще 16 августа 1973 года с академиком проводилась беседа о том, что его деятельность – принявшая форму устного и письменного подстрекательства, направленного на дискредитацию советской политической системы, мирной внешней политики компартии и советского государства, возобновления советско-американских дружеских отношений, – незаконна. Гусев подчеркивал, что Сахаров давал различные «советы» западным политическим лидерам, членам парламента, американским конгрессменам о том, как им следует обращаться с Советским Союзом, и призывал к политическому шантажу страны, гражданином которой он является. Исходя из соображений гуманности, Советский Союз применяет к Сахарову и некоторым другим лицам лишь меры морального и предупредительного характера. Вместе с тем, заявлял Гусев, подобная гуманность неправильно расценивается иностранной прессой как результат внешнего дав-

---

* Статья 70 УК РСФСР говорит об агитации и пропаганде, проводимой в целях подрыва или ослабления советской власти, а статья 190-1 УК РСФСР предусматривает ответственность за систематическое распространение клеветнических измышлений, порочащих советский политический и общественный строй.

ления на советские власти которые якобы вынуждены считаться с западным общественным мнением. Гусев обращал внимание на то, что в разговоре с ним Сахаров якобы подчеркивал свое исключительное общественное положение и заслуги, которые ему давали право нарушать существующие законы. Но поскольку принцип равенства граждан перед законом в СССР распространяется на всех без исключения, солидно добавлял Гусев, Сахарову было сказано, что и он за нарушение этих законов может быть привлечен к ответу...

*

Годы утекают как вода, но память хранит былое. Сергея Ивановича Гусева я помню с тех пор, как он в начале шестидесятых годов занимал должность председателя исполкома Ленинского райсовета депутатов трудящихся Московской области.

Окончив Московский юридический институт, Гусев начинал в Ленинском районе Московской области. Сначала он был народным судьей районного суда. Через несколько лет он стал секретарем партийной организации суда и прокуратуры. В 1956 году его взяли на работу в аппарат райкома партии. А еще через два года - назначили на ответственный пост председателя исполкома Ленинского райсовета.

К тому времени Хрущев уже закончил «великое освоение» целинных и залежных

земель, и решил, что пришло время бороться с обманом и коррупцией в сельском хозяйстве: продуктов питания, несмотря на великие победы, по-прежнему не хватало. Хотя поступавшие с мест в ЦСУ (Центральное статистическое управление) отчеты выглядели великолепно: председатели колхозов, исполкомов, директора совхозов и секретари райкомов приписывали тысячи грузовиков с зерном, сотни вагонов с говядиной, десятки эшелонов со свининой. Однако приписанное, к сожалению, в пищу не годилось. По сводкам ЦСУ страна утопала в изобилии, а люди стояли в очередях за продуктами первой необходимости.

Хрущев понял, что дальше так продолжаться не может, и, надо отдать справедливость, принимал это близко к сердцу: личный официант Хрущева – Сергей Ковалев рассказывал мне, что после очередного пленума по сельскому хозяйству, вскрывавшему очередной провал, Хрущев закрывался в персональном ресторанчике Дома Союзов, напивался там до чертиков и рыдал как обиженный ребенок.

– О чем плачете, Никита Сергеевич? – спрашивал его Ковалев.

– Великий русский народ жалко!

Накормить великий русский народ Хрущев не сумел, но кое-кто был при нем разоблачен. Например, первый секретарь Рязанского обкома партии Ларионов, заготовители которого за казенный счет скупали скот в

Молдавии, Грузии, Украине, а Ларионов все это под видом рязанской продукции сдавал государству. Его прославляли в газетах, показывали по телевидению, прочили даже в министры сельского хозяйства. Но обман был раскрыт – Ларионов застрелился.

*

Подобных дел – хотя и не с таким финалом – в ту пору было немало. Мне тоже пришлось расследовать одно из них.

– Разберитесь, пожалуйста, вот с этим, – сказал мне в середине октября 1960 года прокурор Ленинского района Московской области Иван Петрович Новиков, протягивая зеленую папку. – Недостача на Бутовской плодоовощной базе. Двести восемьдесят пять тысяч – сумма не маленькая.

Действительно, дело было нешуточное. По акту ревизии с баланса овощехранилища были списаны сотни тонн испорченных овощей, фруктов, картофеля. Объясняли этот печальный факт плохим состоянием складов, в которых невозможно было удовлетворительно хранить овощи. Настораживало то, что уж очень там выглядело все гладко.

Первым делом я изъял из бухгалтерии подлинные первичные документы и две недели их разбирал. Подозрение вызвала пачка накладных: поперек каждой из них почерком заведующей базой Алымовой было написано:

«аннулировано». Это означало, что хотя накладная была выписана, товар в магазины отправлен не был.

Вызванная на допрос Мария Алымова оказалась молодой кокетливой бабенкой, вполне в себе уверенной. Она, конечно, подтвердила версию ревизоров, а уходя как бы невзначай обронила:

– Если что понадобится, заходите! Помидоров там, огурчиков, фруктов, с дорогой душой. У нас, кстати, и высокое начальство бывает, товарищ Гусев, например. На обслуживание никто не жалуется. Так что милости просим!

Упоминание о связях в высоких кругах на меня должного впечатления не произвело. Почти месяц я просидел в нетопленых архивах различных московских автобаз, из многих тысяч товарно-транспортных накладных выбирая те, где было указано: «Бутово. Московская область. Овощи.» Мне было ясно, что для того, чтобы транспортировать продукцию, которая якобы сгнила, Алымова должна была подкупать шоферов. Я нашел таких водителей, вместе с ними объехал десятки магазинов и установил, что примерно половина из них получала и возила овощи и фрукты, списанные как испорченные. В действительности же они были проданы, а барыши пошли Алымовой и директорам. За год добыча составила около семисот тысяч рублей, из которых Алымовой досталось примерно триста тысяч. Конечно, досталось не все: приходилось подку-

пать председателей колхозов, отпускавших неучтенную продукцию, подмазывать начальство, откупаться от ревизоров, работников ОБХСС, торговой инспекции, платить шоферам и грузчикам...

Но и под напором собранных мною доказательств Алымова не сдавалась, надеясь на помощь могущественных покровителей – председателя райисполкома и секретаря райкома. Председатель райисполкома Гусев и первый секретарь райкома Цепков действительно вели переговоры с прокурором Новиковым о прекращении дела. Но я продолжал заниматься расследованием. Почуяв реальную опасность, Алымова решила подкупить и меня: принесла хозяйственную сумку, полную денег. Когда же, вместо того, чтобы взять деньги, я начал составлять акт на их изъятие, Алымова разрыдалась и, грозя кому-то кулаком, начала говорить:

– Я все скажу, только не губите! Вы что, думаете, я одна воровала? Все они возле моей базы кормились. Я ведь деньги эти с ними делила... Как с кем? С теми, у кого ордена да звания! Сатин (бывший третий секретарь райкома, позже начальник Ленинской районной заготовительной конторы МОСПО) данью нас всех обложил... «У тебя, Маша, база побольше, чем у других, говорит, будешь платить в сезон 15 тысяч! У кого поменьше, те 10 тысяч платят!» И попробуй не принеси: за ним Гусев, за ним Цепков! Я думала, что хоть у Гусева совесть проснет-

ся, защитит меня... Так нет... Чего скрывать теперь, мы с ним в близких отношениях были. Я его никогда не обижала: и деньги давала, и фрукты, и ягоды, в любое время года. Да разве я одна!

Я начал разматывать ниточку приписок и злоупотреблений на базе Алымовой, а потом и на других базах и складах Ленинской заготконторы. Выяснилось, что только за последние пять лет в лучшем по Московской области Ленинском районе миллионы рублей от продажи сотен тонн овощей, фруктов, картофеля пошли в карманы жуликов. И все эти заведомо фальшивые сводки в последние годы подписывал и представлял в ЦСУ и правительственные органы председатель Ленинского райисполкома товарищ Гусев!

В конце года по итогам сбора урожая в газетах были опубликованы фамилии награжденных орденами и медалями. Среди награжденных орденом Трудового Красного Знамени был и наш вор - председатель исполкома Ленинского райсовета депутатов трудящихся Сергей Иванович Гусев.

В группу воров входил также именитый колхозный вожак страны, председатель колхоза имени Владимира Ильича в Горках Ленинских, дважды Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР Иван Андреевич Буянов. Следствие установило, что вторая звезда Героя была получена Буяновым незаконно. Сам Хрущев на XXII

съезде КПСС обнял Буянова на глазах у всех, расцеловал и сказал: «Буянов – маяк, лучший председатель колхоза у нас в стране! Дорогие товарищи, берите пример с Буянова! Учитесь выращивать такие высокие урожаи, какие получает он!»

А вот поди ж ты, и «маяк» не устоял перед деньгами какой-то Алымовой. Она призналась, что передала ему из рук в руки две тысячи рублей за то, что «маяк» выписал ей липовую накладную на семьдесят тонн капусты и картофеля.

– Где деньги, Иван Андреевич? – стараясь быть повежливее со знатной персоной, спросил я Буянова на допросе.

– Деньги? Какие деньги?

– За картофель, вот по этой накладной за номером 55621898.

– Ах, по этой! В колхозной кассе, конечно, можете проверить.

– Проверили. Этих денег вы в кассу не сдавали.

– Чего ты придираешься? Не сдал еще, значит, сдам! Запамятовал, значит. Дел-то у меня знаешь сколько? Прорва!

– Так ведь год уже прошел с той поры, – не отставал я, – неужто ни разу не вспомнили, что должны колхозу немалую сумму?

– Слушай, следователь, а я вижу ты – сталинист! – начал разыгрывать негодование Буянов. – Ты под меня не копай! Я знаешь, кто? Я с Лениным работал, а ты...

Он работал и со Сталиным. Даже был у

того в фаворе. Но говорить об этом в годы «оттепели» избегал – Иосифа Виссарионовича только что развенчали.

Так мы и расстались. Очень веских доказательств для ареста и привлечения к уголовной ответственности депутата Верховного Совета, председателя Комиссии законодательных предположений одной из высших палат – Совета Союза – у меня не было: изобличительные показания Алымовой, конечно, серьезным доказательством быть не могли, их можно было расценить как оговор. Я решил на время отступить и держать Буянова под наблюдением, хоть расшибиться в лепешку, но доказать, что он не чист на руку. И снова, в который раз, переоценил свои силы, возможности следователя в борьбе с бесчестием сильных первой в мире страны социализма.

Предварительное следствие подходило к концу. Итоги можно было суммировать так:

На протяжении десяти лет в Ленинском районе действовала организованная преступная группа, куда входили Алымова и другие. По договоренности с руководителями ряда колхозов и совхозов они создавали излишки продукции на складах. Часть денег попадала «наверх» – в райком и райисполком, секретарям райкома Цепкову и Никишову, председателю исполкома Гусеву. Ранней весной с базы шли в Москву на колхозные рынки и в магазины десятки грузовиков со свежими парниковыми огурцами и помидора-

ми, клубникой, ранним картофелем, шампиньонами. Выручку делили между собой Алымова, Сатин, Буянов и еще несколько человек.

Шли годы. Население России изнывало в очередях (мой личный рекорд: пять часов простоял за килограммом соленых огурчиков), а Алымова и компания не уставали «солить» свои денежки. За десять лет, как определила экспертиза, они присвоили не менее десяти миллионов рублей!

Думаете, что это дело из ряда вон выходящее? Сколько таких алымовых и сатиных в пятнадцати союзных республиках? Рукопись этой книги в основном написана еще в 1979 году. Но актуальность ее отнюдь не пострадала, а наоборот, находила подтверждение уже в советских публикациях в дни, когда она готовилась к печати. Вот, например, что было опубликовано в газете «Труд» от 5 октября 1986 г.: «Хищение государственного или общественного имущества – наиболее распространенная форма извлечения нетрудовых доходов, о чем свидетельствуют данные ЦСУ СССР и судебной статистики за последние 10–15 лет. Достаточно сказать, что в одном лишь 1985 году общая сумма выявленных недостач в народном хозяйстве, включая потребкооперацию, составила почти миллиард рублей. Шестая часть этой огромной суммы – результат хищений всех видов, в том числе растрат, краж и т. д. Возмещается же причиненный ущерб всего на 55–60

процентов, что во многом объясняется недостатками в работе оперативного и следственного аппаратов, учреждений Министерства юстиции СССР»*.

Автор этих драматических строк - наш старый знакомый... С. И. Гусев!

Действительно, волна экономических преступлений буквально захлестнула наше народное хозяйство. Вот заметки журналиста с совещания в Прокуратуре СССР:

«Хозяйственные преступления. Обкатанные, как морские голыши, эти слова не вызывают особых эмоций. Что стоит за сухим юридическим термином? Приписки, хищения, взятки - самые, пожалуй, уродливые явления, доставшиеся нам в наследие от периода застоя. Редкий газетный номер обходится без рассказа о деяниях не чистых на руку людей. «Ростовское дело», «московское», «хлопковое», «золотое»**.

Вот лишь несколько примеров.

---

* «Безучастных быть не должно». Первый заместитель председателя Верховного Суда СССР С. И. Гусев рассказывает о проблемах борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. «Труд», 5.10.86., с.4.

** «Где плохо лежит». Заметки с совещания в Прокуратуре СССР «Социалистическая индустрия» 16. 6. 87, с. 3.

Отрывок из судебного очерка «Дело о хлопке»: «Сложнейший экспертизой, назначенной следствием, выявлено: только с 1978 по 1983 год приписано было 4,5 миллиона тонн хлопка-сырца. Государству это ежегодно стоило сотен миллионов рублей. Резонно спросить: неужели до экспертизы ничего невозможно было увидеть? Неужели не было видимых специалисту симптомов экономической болезни? В том-то и суть, что были... Прекрасно видели и понимали всю аномальность сокращающегося выхода волокна. Прекрасно понимали, почему год от года катастрофически растет себестоимость хлопка. Да и представить только – хлопкоочистительная отрасль, дававшая прибыль в 250 миллионов рублей, в 1983 году уже принесла убытки в 149 миллионов... Битва за урожай сменялась битвой за приписки. Есть письменное свидетельство директора завода о том, как товаровед приемного пункта отказался принимать хлопок, в котором примеси сора доходили до 50 процентов: «Приехал представитель района с работниками БХСС. Товароведа за руки подтащили к весам и, угрожая, заставили принять...» В этой обстановке и создавался своего рода преступный синдикат во главе с «шефом», министром хлопкоочистительной промышленности УзССР Усмановым. Синдикат, объединивший материально ответственных лиц, расхитителей и ответственных должностных лиц, наделенных административно-распорядительными функциями. В структуре этих

взаимосвязей практически любое действие должностного лица (даже входящее в его прямую обязанность) обусловливалось получением «суммы». Платили за все – за покровительство, за продвижение по службе, за избавление от грозящих неприятностей. В покаянном письме Генеральному прокурору СССР Тен, бывший заместитель Усманова, писал: «Мы жрали, пили, давились у корыта с дармовой похлебкой...»*

В Верховном суде РСФСР: «Верховным судом РСФСР рассмотрено уголовное дело по обвинению руководителей Главного управления торговли Мосгорисполкома, расследованное Прокуратурой РСФСР. За получение взяток и злоупотребление служебным положением осуждены: бывший начальник Главного управления торговли Трегубов Н.П. – к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества; бывший первый заместитель начальника Главного управления торговли Петриков А.А. – к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Кроме того, к различным срокам наказания осуждены 23 других работника торговли. В целях устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, Верховным судом РСФСР вынесены частные определения в адрес Мини-

---

* Е. Жбанов. «Дело о хлопке». «Известия», 5. 9. 86, с. 6.

стерства торговли СССР и Исполкома Моссовета»*.

Отрывок из очерка «Анатомия взятки»: «Эти дела Прокуратура СССР отнесла к особо важным. За последние годы на скамье подсудимых оказались руководители некоторых министерств Узбекистана и Российской Федерации, управлений торговли Москвы и Ростовской области, Госкомнефтепродукта СССР. Вместе с ними перед судом предстали их подчиненные. Взятка спаяла их круговой порукой, сформировала служебные нравы, диктовала производственные решения. Вот лишь одно, но типичное из свидетельских показаний: «С приходом Кондратькова в Министерство легкой промышленности РСФСР стал устанавливаться следующий стиль работы: вместо инженерных расчетов торгашество, обход правовых решений. В результате сложилась порочная практика взаимных услуг, покровительства, укоренилось взяточничество»...**

Но вернемся к нашему делу. Как поступить с Алымовой и тридцатью другими расхитителями, я знал. Сложнее было с председателями колхозов, с директорами совхо-

---

* В Верховном суде РСФСР. «Советская Россия», 11. 9. 86, с. 4.

** Л. Телень. «Анатомия взятки». «Социалистическая индустрия», 6. 3. 87, с. 3.

зов и с другими должностными лицами из районной и областной номенклатуры. Мои сомнения и раздумья, как это уже бывало, разрешили другие.

Меня и прокурора Новикова вызвали в райком партии. В кабинете первого секретаря кроме «хозяина» Цепкова сидел Гусев.

Мне и шестидесятилетнему прокурору сесть не предложили. В мою сторону вообще никто и не глянул. Разговор вели с Новиковым. Опытного прокурора отчитывали как мальчишку:

– Чего это вы затеяли, Новиков? Пытаетесь ошельмовать всю районную парторганизацию? И вы думаете, что мы это допустим? – кричал Гусев. – Неужели вы, опытный работник, не понимаете, что ваши действия и действия вот этого, – в этом месте Гусев, не поворачивая головы, кивнул в мою сторону, – можно квалифицировать как антипартийные?!

Печальны были результаты разговора: старшего советника юстиции Новикова сместили с поста прокурора. Против меня возбудили уголовное дело «по фактам нарушения социалистической законности при ведении следствия». Мне грозил если не тюремный срок, то явное увольнение из органов прокуратуры. Уцелел я чудом, спас меня, сам того не зная, Хрущев: он затеял административную реформу с городскими и сельскими районами. Ленинский подмосковный район переименовали в Ульяновский, влили в «зе-

ленную зону» столицы, и я перешел в подчинение от областных к городским властям. На следующее же утро после появления в газетах этого указа, ко мне домой позвонила замначальника следственного отдела Московской городской прокуратуры Иванова и сказала мужским басом:

– Я вам советую, дружок, больше в этом районе не появляться. Принято решение перевести вас в Мосгорпрокуратуру вместе с делом Алымовой.

Так я оказался на Новокузнецкой, в городской прокуратуре. Дело же было приказано расчленить на две неравные части. Алымову, Сатина, четверых заведующих базами и 15 директоров московских овощных магазинов разрешили судить. Об остальных же, в том числе и о товарище Гусеве, – забыть.

Все еще надеясь добиться правды, я написал письмо Хрущеву. Письмо было аргументировано приложенными документами, цифрами, подписями. Все эти документы тщательно проверил и сброшюровал один из самых опытных экспертов-бухгалтеров Москвы Поликарпов. Я писал, что десятки эшелонов сельскохозяйственной продукции были приписаны в Ленинском районе Подмосковья, – а лица, подписавшие фиктивные документы, получили самые высокие правительственные награды.

По этому письму состоялось расширенное заседание Московского городского комитета партии. Факты, указанные мною, подтверди-

лись. И были объявлены выговоры: Гусеву, Цепкову, Никишову, Буянову и некоторым другим. Правда, без занесения в личное дело...

*

Но не прошло и года как все они были повышены по службе. Цепков стал генерал-лейтенантом внутренней службы, начальником Главного управления внутренних дел Мособлисполкома. Никишов – заведующим сектором ЦК КПСС. Буянову еще при жизни поставили бронзовый памятник. Он и по сей день высится в Горках Ленинских. Буянов его, впрочем, заслужил: второго такого жулика трудно отыскать...

Что же касается Гусева, то он сделал умопомрачительную карьеру: прокурор Московской области, заместитель прокурора РСФСР, заместитель Генерального прокурора СССР. Сейчас он – первый заместитель председателя Верховного Суда СССР. И автор статей, осуждающих хищения.

Вот как объясняет Гусев катастрофическое положение, создавшееся в советском народном хозяйстве: «Снижение ответственности в деле сохранности народного добра, наметившееся в 70-е годы, сейчас дает свои печальные плоды. За последние пять лет число осужденных за хищения (без учета мелких) возросло по сравнению с 1971–1975 гг. на 39,2 процента. Значительная доля приходится на аппарат государственной торговли и по-

требительской кооперации. Например, в прошлом году из общего числа лиц, осужденных за хищения социалистической собственности, 13 процентов составили работники этих сфер обслуживания, причем почти четвертая их часть - за хищения в особо крупных размерах»*.

Как видим, от имени и по поручению партии проводил и проводит коррупционер Гусев беседы. Учит «правонарушителя», академика Сахарова, и других. Разъясняет, что в Советском Союзе законно, а что нет...

---

* «Безучастных быть не должно». Первый заместитель председателя Верховного Суда СССР С. И. Гусев рассказывает о проблемах борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. «Труд», 5. 10. 86, с. 4

РАССТРЕЛЬНОЕ ДЕЛО

Поезд подходил к Новочеркасску, бывшей столице Войска Донского. Адвокат, расплатившись за чай и постель, стал пробираться к выходу. Он спешил. Было уже около полудня, а заключенным, как он знал, разрешают встречу с адвокатами только до часу дня.

Опытный юрист, проработавший в коллегии не один десяток лет, он, пожалуй, никогда еще не вел дела, подобного этому. Собственно, его адвокатская работа почти закончилась. Он защищал клиента Бориса Андрианова в суде первой инстанции – Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда, и во второй, кассационной – Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Потом он составлял жалобу в порядке надзора и был на приеме у председателя Верховного суда Российской Федерации Смирнова. Повсюду, отвергнув его доводы, оставляли приговор в силе. Сейчас он ехал на свидание с подзащитным скорее для того, чтобы выполнить свой адвокатский долг. Единственное, на что еще надеялся адвокат, был Президиум Верховного Совета РСФСР, который мог помиловать Андрианова. Ходатайство о помиловании было направлено президенту респуб-

лики уже более двух месяцев тому назад, а ответа все не было.

Новочеркасская пересыльная тюрьма как будто ничем не отличалась от сотен других тюрем Советского Союза: такое же добротное кирпичное здание, возведенное руками заключенных и постоянно пребывающее в состоянии капитального ремонта. Те же красочные транспаранты. Один из них, который он видел и в Южно-Сахалинске, и в Томске, и в Рязани, особенно умилял адвоката: «Решения съезда партии – в жизнь!» Можно было подумать, что основная задача партии в том, чтобы помещать людей в лагеря, где они в поте лица боролись бы за выполнение решений съезда.

– Я к Андрианову, – срывающимся от спешки голосом сказал адвокат, протягивая в узкое окно с надписью «дежурный» свое удостоверение и разрешение суда на встречу с заключенным.

– Опоздали к Андрианову, гражданин адвокат, – отозвался мордастый старшина. – Свидания дать не можем.

– Как это «не можем»? – не понял адвокат. – Взгляните-ка на часы, молодой человек, сейчас только двенадцать. У меня еще есть время.

– Не-а, нету у вас времени, гражданин адвокат! – с издевкой ответил старшина. – Приговор приведен в исполнение...

*

Тем и отличается Новочеркасская тюрьма от сотен других советских тюрем, что специально предназначена для расстрелов. Сюда свозили и свозят тех из заключенных, кому определена «вышка», высшая мера наказания. А смертных приговоров приводится в исполнение в нашей стране от семисот до тысячи в течение года. Поэтому таких «специализированных» тюрем в стране несколько.

Думая, что старшина что-то напутал, адвокат поспешил к начальнику тюрьмы. Принял его довольно молодой подполковник внутренней службы Тимофеев, явный представитель новой волны. Усадил за длинный ореховый стол, в мягкое кожаное кресло. Даже предложил «Боржоми». А потом неспеша, словно врач тяжелобольному, объяснил, что служба есть служба, даже такая неприятная, как проведение казни. Что подзащитный его Андрианов только вчера расстрелян. Расстрелян по всем правилам, с соблюдением всех инструкций. В пристутствии прокурора по надзору за местами лишения свободы, представителя из министерства внутренних дел и, разумеется, врача.

– М-да, опоздали на какие-то сутки, – посочувствовал адвокату подполковник Тимофеев.

– Тут что-то не так! Какая-то ошибка! – не соглашался адвокат. – Верно, Президиум Верховного Совета республики отказал в

помиловании, не успев уведомить меня. Но ведь есть еще одна инстанция, Президиум Верховного Совета страны.

– Так считают очень многие, – ответил подполковник. – Однако это неверно. В отношении лиц, совершивших преступления на территории России, последняя и окончательная инстанция – Президиум Верховного Совета РСФСР. А ответ от председателя Президиума Верховного Совета РСФСР товарища Яснова уже прибыл фельдпочтой. Там сказано: «Ходатайство осужденного и его защитника отклонить. Приговор немедленно привести в исполнение».

Начальник тюрьмы продолжил:

– Чтобы зэк не мучился и не страдал, мы идем на маленькую хитрость. Оглашая ответ из республиканского президиума, разъясняем зэку, что у него есть еще одна попытка – обращение к председателю Президиума Верховного Совета СССР. Ничего не подозревающий заключенный успокаивается, пишет прошение лично товарищу председателю. И с надеждой выходит из помещения. Он даже не догадывается, что это последняя минута его жизни: он ожидает положительного ответа от главы государства! В этом и проявляется гуманизм советской власти!

*

...Вчера же с утра происходило так: Андрианов сидел в одиночке и вспоминал свою

жизнь. Последнее преступление Андрианова, – а водилось их за ним не один десяток, одних только судимостей было семь, – состояло в том, что он поджог два дома в Бирюлеве: дом своей сестры Тоньки и дом ее соседей Тихоновых. Если бы только «петух», пустяк, отмотался бы, не от такого уходил. Да вот беда: поджог обернулся убийством!

А началось все вот как. Андрианов пропился до нитки с какими-то снабженцами в «Славянском базаре», наутро нужно было опохмелиться, да пустой был, как начинающий карманник. На станции Бирюлево-товарная, где временно жил, встретил Ваньку Злобина, спекулянта и богача – мальцами познакомились в лагере. Злобин завел к себе, показал полированный гарнитур, сказал, что могарыч по старой дружбе поставит обязательно и деньжатами выручит, но есть у него к другу одна просьба, может, даже пустяк: «Спали Аньку Тихонову, мою падчерицу, тебе это раз плюнуть. Она, скотина, еще в пятьдесят пятом, когда я из лагеря вернулся, лишила меня прописки в моем же дому, который мне от первой жены-покойницы достался. Десять лет зуб на нее точу!»

За труды Злобин пообещал сотенную, а жена его жалобно так пропищала: «Сделай это, Борис Алексеич, обижен не будешь!»

Андрианов тоже не лыком был шит. Решил: «Опохмелюсь, деньжат возьму, а поджог – ну уж нет! Сами пускай поджигают. Попугаю этих Тихоновых, могарыч отработаю и буде!»

Темной летней ночью, после того, как они втроем осушили ведро бражки, Злобин сказал:

– Пора! – и протянул Андрианову металлическую канистру с бензином. Он и жена проводили пьяного Андрианова до угла, подсобив нести железные ломы.

– А для чего ломы-то? – спросил Андрианов.

– Двери и ставни припрешь, – объяснил Злобин.

А супруга его добавила тоненьким голоском:

– Поаккуратнее, Боренька, проследи, ради Бога, чтоб никто не сбег!

Тут Андиранов вдруг припомнил, что и у него залежалась обида. Пять лет назад, когда померла маманя, осталось наследство: мебель кой-какая, старый дом и сберкнижка на триста пятнадцать рублей девяносто копеек. Андрианов был как раз в лагере, и сестра Тонька и братан Васька прикарманили его треть. Такой подлянки Андрианов простить им не мог и вдруг спьяна решил, что пришло время рассчитаться.

Получилось все навыворот. Андрианов хотел спалить дом сестры, а Тихоновых только попугать: зачем брать грех на душу, этой Аньки он сроду не видывал. Но пламя, подзадоренное керосином, сразу же охватило дом Тихоновых, а с Тонькиным вышла невезуха: огонь, начавший было лизать сыроватые доски забора, вскоре погас, а подойти

ближе мешала шальная псина, привязанная у крыльца. Анна Тихонова и ее семилетний сын сгорели заживо. Спаслись лишь две младшие дочери.

– Эх, – сокрушался потом Андрианов, – зачем только я этих людей погубил? Что они мне сделали?

Он припомнил и сам поджог, и пепелище, куда он пришел наутро вместе с другими жителями Бирюлева посмотреть, как выносят трупы Анны Тихоновой и ее сынишки, который до того обгорел, что ножки его отвалились, когда пожарный нес его к машине. Может и признался Андрианов на следствии потому, что все стоял перед его глазами мальчишка с обгоревшими ножками...

О многом передумал Андрианов, сидя в камере смертников, ожидая результаты последней просьбы о помиловании. И чем больше думал, тем больше проникался уверенностью, что не только он один виноват, что так сложилась его шальная жизнь.

Вот раннее детство. Ему, Борьке, пять. Разгоряченный детской игрой, прибегает домой с улицы. Отец тянет его за рукав, отводит в чулан и бьет наотмашь по лицу. Борька даже не понимает: за что?

– Рубаху, гаденыш, смотри, как изорвал! – кричит отец. – Мне на нее неделю ишачить надо!

Когда мать вступается за мальчика, отец бьет и ее, худую, изможденную, почти девочку. Сколько Андрианов помнил себя в

детстве, отец всегда бил и жену и троих своих детей. Из-за порванной рубашки, из-за разбитой тарелки, а то и так, «для порядка».

И впервые почувствовал себя Борис в безопасности, когда его худого, голодного, с синяком под глазом сосед Рябов привел в шайку воров-домушников. Им позарез нужен был оголец его комплекции. С той поры, когда он ужом пролез сквозь узкую щель форточки в чью-то богатую квартиру в «Доме правительства» возле кинотеатра «Ударник», началась для Бориса воровская жизнь, продолжавшаяся все эти годы. Поначалу он занимался квартирными кражами. Когда подрос, воровской «пахан» его отправил к школе - отбирать деньги у учеников. Потом он выучился на карманного вора: лазил по карманам в трамваях и троллейбусах. Через годок стал грабить людей на улицах. А там - взломы магазинов, сберкасс, даже банков...

Сидел Андрианов семь раз. И было у него в обшей сложности сорок семь лет лагеря. Дел же уголовных за ним было не менее двух сотен.

После седьмого лагеря он «остепенился» и решил податься в «хозяйственники». Нанялся в одном из колхозов Виницкой области в «толкачи»: ездил с Украины в Москву добывать запасные части к автомашинам, тракторам и комбайнам. Для этого получал в подотчет кругленькие суммы и пропивал их со

своими старыми и новыми друзьями - ворами и чиновниками различных министерств и ведомств. Работенка была «непыльная».

*

...Грохот ключа в замке прервал размышления Андрианова. В камеру вошел надзиратель и уважительно, как работники тюрьмы всегда обращаются к старой воровской гвардии, попросил к начальству. «Может, помиловка пришла», - подумалось Андрианову.

Андрианова привели в большую комнату, где он никогда не бывал. Там сидел начальник тюрьмы и еще какие-то люди. Начальник протянул бумагу с гербом и печатью. Сказал, что это ответ из Президиума Верховного Совета РСФСР.

«Ваше ходатайство оставлено без удовлетворения», - прочитал Андрианов и похолодел: неужто в расход?

Однако начальник тут же добавил:

- Не расстраивайся, Андрианов, вот бумага, пиши прошение председателю Президиума Верховного Совета СССР.

С возродившейся надеждой Андрианов написал прошение и пошел перед конвоиром по коридору. Повели его не обычным путем, мимо клуба, а налево, туда, где медсанчасть, и это показалось Андрианову странным. Смутная тревога опять стеснила грудь. Почему-то привиделось лицо отца, искаженное уже не злобой, а отчаяньем. И его ладонь,

широкая, как лопата, занесенная для удара. Потом никогда ранее не испытываемое чувство жалости к отцу овладело им. И налетело еще видение: начальник депо, где всю жизнь проработал отец, тщедушный такой человечишко, последними словами ругает отца за какую-то мелкую провинность. И отец, такой огромный и сильный, стоит перед начальником по стойке «смирно», а лицо испуганное и жалкое, как у ребенка.

Больше Андрианову уже ничего не привиделось. Когда он приостановился перед дверью с надписью «выход», сзади раздался еле слышный хлопок выстрела. И Андрианов ничком упал на цементный пол. Тут же открылась амбразурка, ловко замаскированная в стене, оттуда выглянуло круглое лицо, и бодрый голос громко отрапортовал:

– Задание выполнено, товарищ подполковник!

*

Ровно через сутки адвокат возвращался в Москву. Он как всегда спешил. Было одиннадцать, а в двенадцать на Баррикадной, в Мособлсуде оглашался приговор по его еще одному «расстрельному делу». Молодой рабочий до смерти исколол ножом начальника цеха за то, что тот отказался выписать ему тринадцатую, поощрительную зарплату. «Будем надеяться, что уж это дело я не проиграю», – подумал старый адвокат, выходя на широкий перрон Казанского вокзала.

Дела он действительно не проиграл: парню дали «червонец» – десять лет, но адвокат то ли от усталости, то ли еще почему-то спал в ту ночь плохо, мучился кошмарами. Снился ему сон, будто бы он продолжает ехать в поезде в Новочеркасск, только не пассажиром, а машинистом. Ведет состав хорошо и умело, как вдруг, неизвестно откуда вырастает мужик, длинный, неуклюжий, точь в точь его подзащитный Андрианов. Опускается на колени и кладет голову свою на рельсы, как на плаху, а сам смотрит на адвоката жуткими своими глазами и шепчет, шепчет что-то неясное. Жмет адвокат на тормоз, да ничего уж поделать не может: разогнался поезд, не остановишь...

Адвокат – старый, больной человек, сам отсидевший безвинно восемь лет в сталинских лагерях, проснулся среди ночи от сильного сердцебиения. Проглотил нитроглицерин, малость успокоился и стал мучительно вспоминать, что же такое шептал увиденный им в страшном сне Андрианов. Когда ж, наконец, вспомнил, даже отмахнулся: надо же, приснится такая чушь!

Шептал же тот бескровными своими губами вот что: «Смилуйся над нами, гражданин председатель Президиума Верховного совета! Не дави, помилосердствуй, дай народу помиловку, чего тебе стоит!»

ПОДРОСТОК НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Говорить о детской преступности в СССР я умышленно начал с «конца». Конца жизни Бориса Андрианова, дело которого я расследовал, когда работал в прокуратуре Московской области. Так, мне думается, лучше виден путь человека, чье детство было безрадостным. Потому что именно в детстве следует искать истоки человеческих трагедий. Проблема детской преступности сегодня волнует всех – и на Западе, и на Востоке. Почему, – разводят руками социологи, – в наш цивилизованный век мальчишки и девчонки калечат и себя, и других? Нью-Йоркские газеты, к примеру, сообщают, что подросток столкнул Рене Кац под колеса электропоезда. А в Советском Союзе я сам расследовал дело двоих юнцов, Юрия Плотникова и Андрея Говоркова, которые задушили приятеля, чтобы завладеть его мотоциклом.

Американцы не скрывают: в полицейских участках США находятся досье на 2,5 миллиона юношей и девушек от 10 до 17 лет, совершивших за свою короткую жизнь серьезное преступление. В системе специальных служб Министерства внутренних дел СССР, ведающих профилактической работой с несовершеннолетними, на конец 70-х годов храни-

лось почти 3,5 миллиона дел на юношей и девушек, не достигших совершеннолетия. Этих цифр, разумеется, нет в обычной советской печати. Все советские исследования о причинах преступности – засекречены. Тем не менее эти вопросы чрезвычайно волнуют людей в России: они хотят знать, каков нравственный облик молодого поколения, которое в недалеком будущем займет ведущее положение в обществе. Действительно ли это поколение такое, как это пытается представить официальная пропаганда?

Посмотрим, что на этот счет говорят официальные источники.

«Основной тенденцией динамики преступности несовершеннолетних, – говорится в «Криминологии», солидном научном труде, – в социалистическом обществе (как и преступности в целом) при анализе за длительный период, является ее сокращение. По сравнению с 1940 и 1946 годами число несовершеннолетних, совершивших преступления, как и число преступлений с их участием, значительно сократилось». (Криминология, Москва, 1976, с. 285–286).

Если дело обстоит именно так, то почему не публикуются абсолютные цифры?* Мой лич-

---

* Впервые за многие десятилетия абсолютные данные, говорящие о преступности в СССР, были оглашены в МВД СССР лишь 14. 2. 1989 г. ("Эта статистика открыта впервые", "Известия", 14. 2. 1989). – Прим. авт.

ный опыт говорит о другом, о том, что преступность среди несовершеннолетних в Советском Союзе неуклонно растет. Буквально толпы подростков наводняют коридоры прокуратур и следственных отделов милиции – будь то в сельской местности, будь то в городе. Ежедневно тысячам из них предъявляются обвинения в убийствах, изнасилованиях, разбоях и кражах.

Я перечитал десятки работ и статей о детской преступности в СССР. Везде одно и то же: хотя в определенные периоды преступность среди подростков не уменьшается, в конечном итоге якобы наблюдается общая тенденция снижения ее уровня. Только в двух местах я нашел слова, приближающиеся к правде. «В ряде городов и районов преступность среди несовершеннолетних не снижается». Сказал это академик В. Кудрявцев («Правонарушения: их причины и предупреждение», Москва, 1977, с. 10). И еще одно свидетельство – замначальника МУРа А. Егорова: «К сожалению, выросла преступность среди несовершеннолетних» («Известия», 29. 6. 1987). А профессор Миньковский, которого считают одним из наиболее авторитетных исследователей детской преступности в СССР, утверждает: «Относительно невелика и доля несовершеннолетних в общей преступности. Опубликованные данные, относящиеся к отдельным областям и республикам, указывают на колебания этой доли от 3–4 до 9–10 процентов. В крупных городах

она может быть и несколько большей». (Криминология, 1976, Москва, с. 286).

Но прикинем: десять процентов – это много или мало? В 1976 году всего в СССР было осуждено 976.090 человек. Если верить профессору Миньковскому, среди них было не более 90.000 мальчиков и девочек до 18 лет. В действительности же в 1976 году по моим данным к уголовной ответственности было привлечено около двухсот тысяч подростков. Добавлю к этому, что многие нарушения, – озорство, драки, мелкие кражи, – совершаемые подростками, не регистрируются. На юридическом языке про них говорят: «Не представляют большой общественной опасности».

Однажды брошь, принадлежавшая какому-то африканскому королю и удивительным образом оказавшаяся в шкатулке жены советского президента Подгорного, пропала. Подозревать вроде было некого – к Подгорным ходили разве что члены Политбюро. И президентша совсем было собралась выгонять молоденькую горничную, чтобы хоть на ком-то сорвать досаду, когда выяснилось, что брошь взяли внуки Подгорного и обменяли на коллекцию марок, о чем стало известно их учительнице.

Только от одной четверти до одной трети даже выявленных дел о преступлениях несовершеннолетних поступают в товарищеские суды и в комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкомах. Многих юных пра-

вонарушителей передают на поруки учебным заведениям или коллективам трудящихся. И еще одна причина того, что дела несовершеннолетних не доходят до суда – возрастной ценз. Лишь по некоторым тяжким преступлениям, таким как убийство, изнасилование, разбойное нападение ответственность предусмотрена начиная с четырнадцати лет.

Часты случаи, когда следователь негодует, а поделать ничего не может. «Озорство это, а не преступление!» – услышал я однажды от прокурора, которому докладывал не о какой-нибудь краже голубей, а о том, что пятеро подростков в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет из подмосковного поселка Внуково убили сторожа склада.

В первый же день следствия я узнал, что Вася Волочаев, Сережа Краснов и остальные трое давно состояли на учете в детской комнате милиции. Инспектор по детской работе лейтенант милиции Капитонова хорошо знала проделки своих питомцев:

– Залезали в пустующие дачи, обворовывали продуктовые ларьки: брали оттуда шоколад, папиросы, вино, банки с кофе.

– Но вы не упоминаете, – указал я, листая досье, – что тут есть и кое-что похлеще. Вот, скажем, попытка изнасилования под угрозой ножей и охотничьих ружей. Почему же вы не взяли эту группу под особый контроль?

Как я и предполагал, в статистическую сводку проделки малолетних преступников

включены не были: ни одного из их многочисленных проступков в отчетах не значилось.

– Это не преступления, – защищалась Капитонова. – Мы называем это проступками. И потом, меры были приняты. С подростками велась воспитательная работа. Родителей оштрафовали.

Если говорить о реальных размерах детской преступности в СССР, то по самым скромным подсчетам это не менее полумиллиона случаев в год. За последний период увеличилось число тяжких преступлений, совершаемых детьми, в первую очередь насилий над личностью. В 1977 году особо тяжкие преступления составляли двенадцать процентов от общего числа преступлений. В 1979 году эта цифра выросла еще на пол-процента.

На детскую преступность, сильнее чем на взрослую, влияют факторы демографические. Изменение численности соответствующей возрастной группы, образовательной структуры взрослого населения, доли городских жителей, количество распавшихся семей, – все это существенно влияет на условия жизни подростков, на уровень их социального поведения. Подавляющее большинство преступлений совершается не деревенскими детьми, а городскими – до 75 процентов.

К анализу причин детской преступности в СССР подходят весьма робко. Исследователи не решаются говорить всю правду, по-

скольку она заключается в том, что корни детской пресутпности в Советском Союзе, как и повсюду в мире, – социальные. Их следует искать в самом жизненном укладе. У нас же говорят об «издержках воспитания», недостаточной идеологической работе, о необходимости уделять больше внимания досугу подростков и т.п. И все сходятся в том, что «построение социализма в стране создает принципиальную возможность для искоренения преступности среди несовершеннолетних, как и преступности в целом».

Считается, что преступность сама по себе не что иное как остатки «болезни» прошлого, коренящиеся главным образом в сфере быта. Что у некоторых подростков возникают искаженные нравственные представления в результате влияния на них чуждых взглядов и привычек. Но ведь криминогенные особенности – не врожденные, они формируются в отрицательной атмосфере среды, которая, с марксистской точки зрения, и есть общество. Иными словами – причины преступности кроются в самом советском обществе.

Ячейкой общества, как и повсюду, в СССР считают семью. Действительно, семья интенсивно влияет на формирование личности. И дефекты семейного воспитания во многих случаях – первопричина деформаций в более зрелом возрасте. Как пример возьмем хотя бы дело Андрианова. А таких примеров не счесть. По данным выборочного исследования, из семей, в которых бытует атмосфера вза-

имной грубости, преступники выходили в десять раз чаще, чем из семей с нормальными взаимоотношениями. В 30-40 процентах случаев было установлено наличие прямого отрицательного примера со стороны родителей и других старших членов семьи: злоупотребление алкоголем, жестокость, аморальное поведение.

*

В 1976 году я защищал во Фрунзенском суде Москвы подростка, который обвинялся в хулиганстве. Мой подзащитный вошел в ресторан с двумя девушками, но швейцар их остановил:

- Переоденьтесь, молодые люди. В шортах вход воспрещается!

Молодые люди, словно не слыша, попытались пройти мимо. Швейцар хотел их задержать и был сбит с ног ударом подростка.

На суде свидетели рассказывали, что такой грубой площадной брани, которую изрыгал парень, когда его вели в участок, они давно не слышали.

- Объясните, подсудимый Тихонов, - спросил судья Денисов, - кто вас научил так сквернословить?

- Родители, - был ответ.

Родители же у него были вот какие: отец - Юрий Тихонов, - заведующий отделом ЦК ВЛКСМ; мать - начальник секретариата Министерства связи СССР.

Среди причин детской, да и молодежной преступности, бросается в глаза низкий образовательный и культурный уровень как детей, так и родителей. В конце шестидесятых - начале семидесятых годов совместно с профессорами Московского университета С. Остроумовым и Н. Кузнецовой я принимал участие в обследовании осужденных, не достигших совершеннолетия. Шестьдесят два процента из них должны были по своему возрасту иметь среднее образование, но таких оказалось только 6,6 процента.

Неблагоприятное бытовое окружение, связи и контакты по месту учебы, работы или жительства тоже одна из причин преступности. Подростки стремятся к объединению. В группе веселее проводить досуг, появляется уверенность в своих силах, усиливается активность. Вместе интереснее слоняться по улицам, выпивать, даже совершать преступления. По этой причине 70-75 процентов преступлений несовершеннолетних носят групповой характер. Несовершеннолетние преступники неправильно и искаженно толкуют такие понятия как взрослость, смелость, дружба. Они стремятся подражать внешнему виду и поведению своего лидера.

*

В середине шестидесятых годов в центре Москвы выросло здание универмага «Детский мир». Он был открыт торжественно: с музы-

кой и цветами, а ленточку перерезал сам министр торговли СССР. Но уже через две недели «Детский мир» был временно закрыт, и в магазин прикатил другой министр – внутренних дел: торговый центр обворовали! Десятки отделов, сотни секций и прилавков были разорены, кассовые аппараты вскрыты, манекены раздеты догола и расставлены в неприличных позах. Преступники не только грабили, но и веселились.

Расследуя грабеж в универмаге, МУР работал с предельной нагрузкой. Была просмотрена картотека на всех, кто был судим, состоял на учете, числился под гласным и негласным надзором. Были выставлены посты на всех аэропортах и вокзалах. Но «Детский мир» ограбили... дети. Пятерых веселых грабителей, самому старшему из которых едва исполнилось четырнадцать лет, задержали на Курском вокзале, когда они отправлялись в Грузию – отдыхать на добытые деньги.

Вдохновителем и организатором шайки был Олег Кононов, яркорыжий парень, напоминающий героя Марка Твена. Он продумал всю операцию до деталей. К концу торгового дня мальчишки забрались по лестнице в подсобное помещение и там спрятались в пустых ящиках. Как только все стихло, «пятеро смелых» отправились в прогулку по залам. Авторитет Кононова был непререкаем. Мальчишки боялись его и любили.

Совпадение ряда обстоятельств было причиной преступлений, совершенных Катюшей

Петелиной, задумчивой пятнадцатилетней девочкой с васильковыми глазами. Дело это я расследовал еще на Кубани в первые годы своей следственной практики.

Родители Катюши, люди бедные, отдали ее в няньки. Но странные дела творились в семьях, где она работала. Вначале скончался ребенок агронома, потом директора местного клуба, потом учителя физкультуры. Никто не ставил смерть детей в связь с присутствием в доме няньки до тех пор, пока дело об очередной смерти не попало к нам в прокуратуру. Вместе с экспертом Акишиным мы тщательно осмотрели труп и обнаружили на шее умершего ребенка следы рук человека. Экспертиза неопровержимо установила: ребенка задушили! Катя Петелина призналась, что умертвила четырех младенцев в нашей Старо-Минской и еще троих в станицах соседнего Кущевского района. Как и в чеховском рассказе «Спать хочется» мотив был прост: дома заставляли много работать по хозяйству, а потом до одури сидеть с ребенком. Катя была до предела переутомлена. Она душила детей, чтобы иметь возможность выспаться.

*

В конце семидесятых годов судья Ждановского райсуда Москвы Л. Галанина рассматривала дело об убийстве. В качестве защитника пригласили меня. Дело было полное драматизма.

Некто Кротов, пьяница и садист, систематически издевался над женой и сыном, тихими, робкими людьми. Глава семейства придумывал изощренные способы издевательства: бил их, отключал в квартире газ, свет, телефон, не пускал их на работу, в школу, в гости, не давал денег на еду и одежду, заставлял целовать руку, в которой держал плеть.

Не выдержав издевательств, мать предложила сыну убить отца. Так сын, четырнадцатилетний мальчик, и сделал. Дождавшись, когда пьяный отец уснул, он нанес ему смертельный удар молотком, а затем они вместе с матерью отвезли труп по частям в лес и там закопали.

*

Криминологи полагают, что 30 процентов преступлений детей происходит при подстрекательстве взрослых. Некоторые советские криминологи называют две причины, которые ведут несовершеннолетних к преступлениям, но мне они кажутся малоубедительными. Первая – это «отрицательное влияние книг и кинофильмов» на авантюрные темы. Думается, что здесь мы имеем дело не с причиной, а с катализатором настроений, которые и без того существуют в молодежной среде. И совсем уж придуманной в духе «держи вора!» выглядит упоминание среди причин преступности «воздействия буржуазной пропаганды», которая якобы сознательно пытается

«духовно растлить неустойчивых лиц из среды молодежи, используя для этой цели радиопередачи, туристские и торговые контакты и т. д.» (Криминология, Москва, 1976, с. 295). При чем здесь западные страны, коль само советское общество – живая пропаганда для расцвета детской и юношеской преступности? Протестуя против насильственного внедрения «идеалов коммунизма», подростки часто демонстративно и дерзко пренебрегают правовыми и моральными нормами общества. Миллионы советских подростков выражают – к сожалению, уродливым способом – свой протест против общественных отношений, пропитанных ложью, жестокостью и принуждением. «Зачем, – говорят они, – исполнять требования общества, которое все провозглашает какие-то идеалы, но даже и не думает воплотить их в жизнь?» Юность, которой присуща жажда искренности и справедливости, особенно болезненно переживает коммунистическое ханжество. Известны многочисленные случаи, когда подростки ненавидели родителей лишь потому, что чувствовали фальшь их поведения.

Одним из последних дел в моей карьере адвоката в Советском Союзе было дело Егорова, Егоренкова и Корика. Работая авиамеханиками в Шереметьевском аэропорту, они похищали с борта американских и японских авиалайнеров часы, зажигалки, инструменты. Сомнений не было: подростки воровали, чтобы

насолить своим родителям. Ненависть к родным, казалось бы самым близким людям, объединила этих ребят. В камере Корик, симпатичный парнишка с умными карими глазами, обливался ледяной водой и глотал сосульки.

– Что ты делаешь? Прекрати сейчас же! – вмешивались сокамерники.

– Хочу простудиться и умереть! Может, хоть в этом случае эти равнодушные слоны, мои родители, попереживают!

Отец его был начальником одного из управлений ЦСУ, мать – начальником отдела в Министерстве пищевой промышленности. На свидания с родителями не выходил ни один из юношей: «Нам не о чем с ними разговаривать!»

– Почему ты не хочешь встречаться с отцом? Ведь он так сокрушается, даже плачет Он же тебя любит! – убеждал я одного из них, Сашу Егоренкова.

– Вы говорите, любит? Такой карьерист и эгоист, как он, никого не может любить. Мать он бросил, меня только и знал, что в угол ставил. А как он издевается над людьми на работе! Нет, не могу и не хочу его видеть!

Отец Саши был оперативным сотрудником Лефортовской тюрьмы, той самой, где сидят политзаключенные.

*

Истоки детской преступности надо искать в семье. Но семья не отгорожена сте-

ной от общества. И зародыши рецидивной преступности следует искать также в плохом отношении к преступнику со стороны общества. Рецидив, как правило, следствие равнодушия общества к человеку. Хотя, конечно, и влияние семьи ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Исследования показали, что наиболее криминогенными являются семьи, где процветает пьянство, брань, где детей бьют, а родители лгут друг другу и ребенку.

Политические, экономические, расовые, национальные и другие проблемы, раздирающие советское общество, влияют и на уровень преступности. На наших глазах Советский Союз захлестывает волна насилия и вандализма. Если бы средний советский человек имел возможность читать ежедневно оперативные сводки милиции, он пришел бы в ужас. Для судей же, следователей и прокуроров – это будни.

Конечно, о таких фактах, как действия вооруженных групп, пресса неохотно, но сообщает. На моей памяти лишь два судебных процесса, которые освещались газетами и показывались в документальном кино: дело вооруженной пулеметами, автоматами и ручными гранатами банды из Ростова-на-Дону и «рижское дело» – вооруженное нападение с двумя убийствами на банковских инкассаторов. Когда им надо, парни достают и пистолеты, и ружья, и автоматы. Но они довольствуются и ножами, зонтиками с зато-

ченными наконечниками, ломиками и просто дубинками.

Итак, три с половиной миллиона досье хранятся в сейфах и архивах отделов профилактики и детских комнатах милиции! Скольким же из этих молодых людей суждено когда-то разделить судьбу бывшего моего подопечного Бориса Андрианова? Я уже никогда не смогу ответить на этот вопрос. Но задумываются ли над ним власти в моей стране?

НАШ МОЛОДОЙ СОВРЕМЕННИК

Даже согласно официально одобренным советским источникам молодежь от 18 до 25 лет стоит на первом месте среди всех возрастных групп по количеству совершаемых преступлений.

Согласно данным, опубликованным известным советским статистиком профессором Сергеем Сергеевичем Остроумовым, автором официально одобренной властью книги «Советская судебная статистика", 38 процентов всех преступлений совершает молодежь в возрасте до 25 лет. Среди расхитителей так называемой социалистической собственности – молодежь составляет 32 процента, среди хулиганов – 34 процента. Правонарушители в возрасте до 25 лет совершили 84,6 процента всех разбойных нападений, 64,4 процента изнасилований, 38,9 процента убийств. Даже по официальным данным, преступность в СССР – молодая.

По каким же «направлениям» развивается преступность среди молодежи? В чем ее причины? Не следует ли ключ к пониманию причин преступлений молодежи искать – как это делают исследователи во многих странах – в несправедливости самого общества? Может быть, преступление – своеобразный про-

тест молодого человека вообще, а советского в особенности, против несовершенства общества?

Если корни правонарушений в среде несоврешеннолетних принято искать в неблагополучии семьи и недостаточном влиянии школы, то истоки правонарушений совершеннолетних молодых людей лежат в большей степени в самом обществе. Это и понятно. В возрасте от 18 до 25 лет юноша и девушка ищут свое место в жизни, в обществе. Именно в этот период происходит интенсивное формирование системы взглядов, привычек, навыков поведения, системы социальных связей и отношений. Конечно, степень интеллектуальной, социальной, моральной, волевой зрелости с возрастом меняется. Однако основы поведения, заложенные в юношеском возрасте, дают о себе знать на протяжении всей жизни. В юности человек уже не так, как ребенок, связан с семьей, со взглядами родителей, его тянет в «общество», к сверстникам, а также к старшим друзьям, как правило, представителям той же, что и он профессии. Молодой человек соизмеряет свои личные взгляды со взглядами общества, принимает или отвергает их. Этот аспект взглядов молодого человека особенно важен, потому что фальшь доктрин общества, расхождения между словом и делом, между провозглашенным и осуществленным, воспринимается в юности более болезненно, чем в зрелом возрасте. Формирование мировоззрения начинается не с дея-

тельности социальных институтов, как принято считать, а со среды, которую условно, можно разделить на микросреду (двор, подъезд, неформальная группа) и макросреду. Макросреда - это положение дел в обществе в целом, это тот фон, на котором происходит формирование взглядов, нравственных устоев молодых людей. Конечно, нельзя отмести и личные данные человека, подготовленные генетическим началом и духом семьи, а также микросредой и конкретными причинами и условиями, которые толкают молодежь на проступки и преступления. И тут хотелось бы отметить, что нельзя полагаться только на санитарно-карающие меры репрессивных служб в борьбе с социальными язвами социализма, в том числе и в молодежной среде. Ибо это лишь запаздывающая реакция власти на проявление глубинных противоречий, свойственных советскому обществу.

В СССР можно выделить две основные группы общеуголовной преступности, в том числе преступности среди молодежи. К первой группе следует отнести посягательства на «социалистическую» и личную собственность, спекуляцию, обман покупателей, взяточничество и другие преступления, совершаемые по корыстным мотивам. Ко второй - посягательства на жизнь и здоровье личности и преступления, совершаемые из хулиганских побуждений. Цель корыстных преступников прежде всего - нажива и желание

получше приспособиться к существующему строю. Так что среди второй группы больше бунтарей, чем среди тех, кто совершает корыстные преступления. Если преступники второй группы, как правило, стоят внизу социальной лестницы, то преступники первой группы подчас занимают ответственные посты, направляя свою молодую энергию на «делание карьеры».

Так, из 1260 опрошенных секретарей комитетов комсомола с правами райкома 28 процентов отметили карьеристские настроения у коллег, стремление использовать служебные связи в личных целях, достичь высокой должности, не церемонясь со средствами. Около 12 процентов секретарей считали легкомысленным отношение своих коллег к жизни, семье, браку. Социологи отмечают, что следствием потребительской философии является упадок творческой и социальной активности личности, бездуховность, рост своекорыстия и зависти, лжи, беспринципности и преступности, в том числе взяточничества и воровства. Следует отметить, что именно на комсомольскую работу, а потом часто и на партийную, идут не те, кто испытывает потребность в работе с молодежью, а те, кто стремится быть поближе к дефициту, благам разного рода, зарубежным поездкам*.

---

* И.М. Ильинский. Наш молодой современник. Журнал «Социологические исследования» 2/1987, с. 16–22.

Молодые люди берут пример со своих отцов. Отец этот не всегда родной, но всегда – духовный: старшие передают свои идеалы и опыт молодым. Ограниченность их жизненного опыта, резкое неприятие законов «социалистического» общества, где партия лишает человека свободы действовать на свой риск, – обуславливают стремление юноши утвердить свою самостоятельность, его сопротивление требованиям семьи, «коллектива», комсомольских и партийных вожаков.

*

За день до моего отъезда из СССР у меня дома зазвонил телефон:

– Здравствуйте, вы меня узнаете?

– Кто это говорит?

– Саша Лобанов.

– Не может быть! Ты же в тюрьме!

– Я освободился. Условно-досрочно. Но не в этом дело. Включите-ка телевизор, там Кубарева показывают!

Я включил. Во весь экран сияла физиономия жизнерадостного человека. Он оживленно жестикулировал, что-то объяснял толпившимся вокруг него людям. Это был Кубарев, знатный хлебороб страны, Герой социалистического труда, кандидат сельскохозяйственных наук, депутат Верховного совета РСФСР, председатель колхоза «Ленинский Луч» Красногорского района Московской области. Тот самый Кубарев, с которого

брал пример бывший комсомолец Александр Лобанов.

С телеэкрана Кубарев говорил о новой советской Конституции, о ее преимуществах перед конституциями западных стран. О честности и порядочности, о преемственности поколений, об обязанности советских людей хранить социалистическую собственность как «зеницу ока». Люди старшего поколения обязаны передавать свой богатый опыт молодежи, внушал депутат, нажимая на «моральный кодекс строителя коммунизма».

А я вспомнил судебное дело, по которому комсомолец Лобанов получил шесть лет заключения, хотя эти шесть лет следовало дать депутату Верховного совета РСФСР Е. В. Кубареву.

Лобанов был в 1975 году студентом Московского авиационного института (МАИ). В высшее учебное заведение он попал из армии: три года прослужил на границе с Китаем в особых пограничных войсках КГБ. Кроме того, Лобанов уже успел закончить техникум и поработать в различных учреждениях. Познав основы советской жизни, он понял, что обычным путем приличных денег не заработаешь. Жизненного успеха, – а в его понимании успех этот ассоциировался с властью и с деньгами, – следует добиваться путем комсомольской, а затем профессиональной партийной карьеры. Лобанов расска-

зывал мне, что до того, как он встретил Кубарева, он во всем, даже в манере говорить, подражал первому секретарю ЦК ВЛКСМ Павлову.

Услышав это, я расхохотался, благо разговор происходил наедине – в московской тюрьме «Матросская тишина». Карьера Павлова, в то время уже министра по делам спорта, проходила на моих глазах. Я знал, что по дороге на «Олимп» Павлов «съел» своего приятеля Льва Никифорова, комсомольского вожака третьего курса Института физкультуры, где они вместе учились. Павлов сначала напоил Никифорова до бесчувствия, а потом донес, что тот в пьяном виде валяется на тротуаре. Сделал он эту гадость по «идейным соображениям» – уж очень ему хотелось занять его пост. После этого у Павлова все пошло гладко: он стал секретарем комсомола института, первым секретарем районного комитета комсомола, первым секретарем Московского горкома ВЛКСМ, первым секретарем ЦК ВЛКСМ и, наконец, председателем Спорткомитета СССР. На этом поприще Павлов развил такую мафиозно-гангстерскую деятельность, что в сравнении с ней дела сицилийской мафии кажутся детскими проделками. Он за долю в бизнесе сдавал своим дружкам на откуп стадионы и дворцы спорта страны, входил в сговор с западными фирмами при сооружении спортивных арен, брал дань с тренеров, отправляемых на работу за рубеж...

Лобанов тоже поначалу блистал на комсомольском поприще. Его сделали секретарем комитета комсомола первого курса института и рекомендовали для работы как командира комсомольского строительного отряда.

Дело в том, что в 70-е годы правительство совместно с ЦК ВЛКСМ решило создать строительные бригады во всех высших учебных заведениях страны. Этим они убивали двух зайцев: колхозы, совхозы, фабрики и заводы получали недорогую рабочую силу, а студенты, у которых за зиму подводило животы, получали возможность подработать в течение летнего или, как говорят в СССР, «трудового семестра». Идея сама по себе может и неплохая. Но, как многое в нашей стране, она была быстро и успешно извращена.

Отряд, которым командовал Саша Лобанов, строя коровники, обрел всесоюзную известность. О его работе в «Правде» появилась статья, снабженная фотографиями: на одной «бойцы» отряда с вожаками колхоза; на другой Саша и председатель колхоза «Ленинский Луч» Кубарев пожимают друг другу руки.

Между тем, командир лучшего в стране коровникостроительного отряда стал медленно, но верно спиваться. Узнав, что отряд удостоила вниманием сама «Правда», к Лобанову приехали сперва операторы Центрального телевидения, потом наведались из Цент-

ральной студии документальных фильмов. Потом из горкома. Затем из обкома. После – из ЦК комсомола. Все хвалили и подносили грамоты. А Саша закатывал им одну за другой попойки – на средства отряда. И хотя отряд ввел у себя «сухой закон», было принято, в порядке исключения, решение: «разрешить командиру А. Лобанову употреблять крепкие спиртные напитки в дневное рабочее время в связи с тем, что это вызвано производственной необходимостью». Без выпивки невозможно было «выбить» строительные материалы у руководителей колхоза и стройкомбинатов, а без выпивок с комсомольскими работниками нельзя было получить «Красное знамя» и связанные с этим премии.

И надо же было случиться, что в самый «звездный час» – когда отряд добился премии горкома комсомола, которое вручалось лишь лучшим из лучших, когда имя командира отряда уже было внесено в список для награждения орденом «Трудового Красного Знамени», – все лопнуло. Лобанова арестовали.

Следователь Московской областной прокуратуры Анатолий Хабибулин, молодой, но уже располневший от сидячей работы человек, спросил:

– Где восемнадцать тысяч рублей четыре копейки, сумма недостачи, выведенная при внезапной ревизии?

– Десять тысяч по частям передал Кубаре-

ву. Восемь разошлись на банкеты для партийных и комсомольских работников.

– Объяснение не принимается, – сказал следователь Хабибулин на следующий день, посовещавшись с прокурором Московской области Кузнецовым. – Мы не можем порочить знатного хлебороба – члена парламента РСФСР. Не можем слушать клевету на товарищей из райкомов, обкома и ЦК комсомола! Иди в камеру. Думай! Через неделю скажешь, что надумал. Останешься при старых показаниях – пеняй на себя.

Неделю просидев в тюремной камере и наслышавшись от сокамерников о проделках следователей, которым ничего не стоит подвести человека под «вышку» (расстрел), Лобанов понял, что Хабибулин не шутит. Следователю не составит труда сказать ревизорам, чтобы те увеличили сумму недостачи до двадцати пяти тысяч рублей. А это уже дало бы следствию возможность квалифицировать преступление по статье 93-1 Уголовного кодекса, которая предусматривает смертную казнь.

Через неделю Лобанова снова привели на допрос.

– Надумал? – дружелюбно спросил следователь. Он не сомневался, что оценив обстановку, неглупый парень изменит показания.

– Нет, врать не буду! Я же комсомолец! – решительно сказал Саша. – Десять тысяч отдал Кубареву. Восемь истратил на нужды отряда и приемы товарищей из ЦК ВЛКСМ.

– Ну и дурак! А я хотел тебя из-под стражи до суда освободить...

На следующий же день Хабибулин свел командира отряда и председателя колхоза на очную ставку. Вот ее запись.

Протокол очной ставки

25 октября 1975 года г. Москва

Старший следователь прокуратуры Московской области юрист 1 класса Хабибулин А.Н., с соблюдением требований статей 141, 162–163 УПК РСФСР, в помещении следственного изолятора № 1 ГУВД Мосгорисполкома произвел очную ставку между обвиняемым Лобановым А.С. и свидетелем Кубаревым Е.В, поскольку в их показаниях имеются существенные противоречия.

Свидетель Кубарев предупрежден об уголовной ответственности по статьям 181, 182 УК РСФСР за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний.

Подпись Кубарева.

На вопрос следователя: знают ли они друг друга и имеют ли личные счеты, допрашиваемые заявили, что друг друга знают около года, но взаимоотношения между ними нормальные.

Вопрос Лобанову: Обвиняемый Лобанов, объясните – какова причина недостачи денег в кассе отряда, ответственность за которую

возложена на вас, как на командира отряда?

Ответ: Я не отрицаю того, что ревизия правильно подсчитала сумму недостачи и что я должен нести за недостачу ответственность, но я категорически утверждаю, что не брал ни копейки для своих личных нужд. Я уже писал и в своем объяснении, и в протоколе допроса, и в жалобах на имя первого секретаря ЦК ВЛКСМ Тяжельникова, а также на имя первого секретаря МГК ВЛКСМ Пастухова, что ввиду неопытности и конкретных обстоятельств, в которые был поставлен, передавал деньги гражданину Кубареву, сидящему со мной на очной ставке, а также тратил их на приемы, устраиваемые в честь приезжавших в отряд ответственных работников ЦК ВЛКСМ, обкома и горкома комсомола. Деньги в сумме десяти тысяч я лично передал Кубареву в шесть приемов. Происходила передача в его служебном кабинете.

Вопрос Кубареву: Слышали ли вы показания Лобанова и подтверждаете ли их?

Ответ: Показания его я слышал, но считаю их оговором.

Вопрос Лобанову: Объясните, Лобанов, каковы мотивы, по которым вы передавали деньги председателю колхоза «Ленинский Луч»?

Ответ: Дело все в том, что когда я знакомился с делами отряда и разговаривал с предыдущим командиром отряда, он сразу же предупредил меня, что если я хочу, чтобы студентам начислялись «хорошие деньги»,

чтобы строительные материалы доставлялись на объектив бесперебойно, чтобы колхоз снабжал нас свежими продуктами, я должен делиться деньгами с председателем колхоза. Вначале я не очень поверил этому. Однако, как только мы приступили к работе, я убедился, что мой предшественник был прав. С первых дней стройка остановилась: не подвезли бетон. Нам не выдали лопат и рукавиц. Ребята голодали, так как колхозный кладовщик наотрез отказался продавать нам мясо, молоко, овощи. Именно тогда общее собрание постановило, чтобы я вошел в «контакт» с председателем, как поступали многие командиры отрядов, что работали в этом колхозе в предыдущие годы. Смирив гордыню и успокаивая себя тем, что «делаю добро» для большинства, я пошел на поклон к Кубареву. Он встретил меня холодно. Однако, услышав мой намек о вознаграждении, переменил тон и сказал, что лично во всем разберется и накажет начальника стройцеха и кладовщика. В тот день я вручил ему первую тысячу рублей.

И с этого дня все переменилось к лучшему. Стройматериалы стали доставляться бесперебойно, нам выдали спецодежду, стали кормить телятиной, привозили даже клубнику. И результаты не замедлили сказаться: отряд вышел в лучшие. Теперь перед каждым подписанием у Кубарева нарядов я приносил ему деньги: то тысячу, то полторы, а то и две тысячи рублей. Он брал, говоря, что

берет не для себя, а на «нужды колхоза». Я верил ему и думаю, что он говорил правду: я убедился в том, что у колхоза тысячи дыр, которые нужно латать. При этом каждому нужно дать взятку: и Сельхозтехнике, и Госснабу, и даже Госплану.

Вопрос Кубареву: Вы продолжаете настаивать на своих показаниях?

Ответ: Разумеется. Кроме того, мне хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство. Как-то мне сообщили, что Лобанов потерял комсомольские деньги. Рассказывали, что он ехал в электричке из Красногорска в Москву, был пьян, чемоданчик с деньгами положил на полку, а сам заснул. Когда же проснулся, то чемоданчик-то тю-тю, «свистнули», как говорится. А в чемоданчике те десять тысяч. Не так ли, Лобанов?

Вопрос Лобанову: Вы слышали то, что сказал свидетель Кубарев? Поясните следствию об этом эпизоде.

Ответ: Я действительно потерял портфель, только в нем были не деньги, а грязные носки, роман «Три мушкетера» и книжечка «Устав КПСС». Я в партию подавал.

На вопрос следователя, имеют ли они дополнительные вопросы друг к другу, лица, между которыми производилась очная ставка, заявили, что они настаивают на своих показаниях и вопросов друг к другу не имеют.

Протокол прочитан, записан правильно, правильность записи показаний подтверждаем:

Подпись Кубарева
Подпись Лобанова
Старший следователь Хабибулин (подпись)

Как видите, Лобанову, как утопающему, подавали «соломинку» – выдуманную версию о пропаже чемоданчика с десятью тысячами. Но он за «соломинку» не уцепился. Если бы парень наплевал на свои принципы и соврал, он бы выкарабкался из дела и, следовательно, из тюрьмы: пропажа денег есть «халатность», то есть преступление неумышленное, за которое лишение свободы дается лишь в исключительных случаях.

Все попытки Лобанова добиться правды ни к чему не привели. Он и его отец, начальник цеха крупного авиационного завода, писали во все инстанции. Никто не откликнулся: ни Прокуратура СССР, ни Центральный комитет партии. У всех было одно мнение: мальчишка свои прегрешения решил переложить на плечи уважаемого человека. Более того: прокурор области Кузнецов отдал распоряжение вменить в вину Лобанову ложный донос.

И все же мне удалось спасти Лобанова (в деле которого я выступал как защитник, будучи в начале 1969 г. принятым в Московскую городскую коллегию адвокатов) от большого срока. За годы труда на ниве пра-

восудия я усвоил главное – адвокат может помочь своему клиенту только если владеет оружием противника. А пятнадцать лет, проведенных до этого в прокуратуре, научили кое-чему: демагогией я овладел неплохо.

Я разработал такой план защиты: что бы ни говорили Кубарев и его подчиненные, какое бы недовольство ни высказывали судья и прокурор, я буду требовать возвращения дела на доследование для привлечения к уголовной ответственности председателя колхоза и его подручных. Я понимал, что судья, имея указания областного комитета партии, ни под каким предлогом не допустит привлечения к судебной ответственности «члена парламента», пойдет на уступки. Ведь советский судья – слуга двух господ. С одной стороны он должен слушаться руководителей обкома. Но с другой – есть еще высшая правовая инстанция, Верховный суд РСФСР. А он подчиняется уже Центральному Комитету партии. И что скажут члены Верховного суда, увидев явно неправосудный приговор, сказать трудно.

Случилось так, как я ожидал: представитель обвинения, молодой помощник прокурора Химкинского района Московской области Юдин рвал и метал. Он то просил председательствующего отвести мои вопросы, то не соглашался с ходатайствами о допросе прежних командиров стройотрядов, то просто требовал объявить защитнику замечание с занесением в протокол судебного заседания.

Судья Сарычев поначалу носил маску беспристрастности. Но в середине процесса, увидев, что защита рушит один бастион обвинения за другим, переполошился. И было от чего: не выдержав напряжения, упал в обморок в зале начальник стройцеха, сник под показаниями студентов заместитель Кубарева. Да и сам Кубарев то и дело принимал стимулирующие лекарства и хватался за сердце.

Вот какая сцена произошла в самом финале, перед прениями сторон. В девять часов утра, как только я сошел с автобуса, ко мне подошел Юдин.

– Товарищ адвокат, мы с судьей хотели бы с вами поговорить с глазу на глаз, конфиденциально.

– Давайте поговорим,

– Попробуем вместе решить, что делать дальше, – без обиняков начал Сарычев, как только мы вошли в его кабинет. – Создалась неприятная ситуация. Если вы, товарищ адвокат, будете ходатайствовать о направлении дела на дополнительное расследование, мы будем вынуждены это сделать. В результате у нас с прокурором будут крупные неприятности. Но дело даже не в этом. Чего вы добьетесь, товарищ адвокат? Разъяренные следователи, а вы можете поверить мне, что в прокуратуре области очень сердиты, «накрутят» вашему Лобанову столько, что действительно парню придется влепить лет пятнадцать! Как они поступят с Кубаревым,

вопрос другой. Может быть, его тоже придется усадить на скамью подсудимых. Но ведь вашему подзащитному от этого лучше не станет?

– Не станет, – ответил за меня прокурор.

– Поэтому я и предлагаю: – продолжил судья, – вы оставляете Кубарева в покое, Юдин в своей речи просит дать Лобанову восемь лет, а я, учитывая смягчающие обстоятельства, даю минимальное наказание, предусмотренное этой статьей – шесть лет. Договорились?

Все, что сказал о грозящей Лобанову опасности Сарычев, было чистейшей правдой. Если исходить из интересов обвиняемого, то противозаконная сделка между мной, судьей и прокурором – единственная возможность ему помочь. А я ведь именно на это и бил, когда приступал к реализации своего плана защиты.

– Хорошо! – немного помолчав, ответил я.

Лобанова приговорили к шести годам лишения свободы. Но отбыл он лишь половину срока и был освобожден досрочно ввиду хорошего поведения в лагере.

*

Рабочий коллектив, утверждает пропаганда, положительно влияет на молодых людей, формирует передовую пролетарскую мораль. Мой опыт говорит о прямо противоположном. Я знал десятки молодых рабочих, севших на

скамью подсудимых, и не мог не обратить внимания на то, что многих из них разложило именно советское «производство» - завод, фабрика, колхоз, совхоз, торговая фирма. В Советском Союзе в таких случаях заводят речь об отрицательном влиянии отсталых людей, о вредных обычаях, о пережитках прошлого в сознании людей. Но никто ни слова не скажет о том, что хотя в нашей стране очень много пишут и говорят о необходимости поддерживать молодежь, проявлять о ней заботу, на деле же существующие сегодня порядки только способствуют разложению этой молодежи.

Я согласен с директором ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка Игорем Карпецом, который сказал: «Я не говорю о том, что молодежь не должна отвечать за свои поступки, а тем более преступления. Но давайте оглянемся на себя. А то привыкли последнее время восклицать: «Ах, у нас молодежь плохая!» Да, есть среди молодежи и преступники, и тунеядцы, а наркомания имеет почти исключительно молодежную «прописку». Но кто их делает плохими? Мы с вами...»*

---

* Идейно-политическое становление молодежи: опыт проблемы (обсуждение за «круглым столом» редакций журналов «Политическое самообразование» и «Социологические исследования»). «Социологические исследования», 2/87, с. 26.

*

Двадцатитрехлетний рабочий Быковского машиностроительного завода Виктор Хламкин рос в малокультурной рабочей семье, в которой не считали необычными ни судимость, ни дикий пьяный дебош в день какого-либо революционного праздника. Отец Виктора был трижды судим за злостное хулиганство. К водке он приучил сына еще в девятилетнем возрасте. Не лучше была обстановка на заводе. Когда мы, юристы, слушали в суде показания рабочих и инженеров, товарищей Хламкина по работе, то только плечами пожимали – настолько убогими были интересы этих людей. Говорили все только об одном – о выпивке. «Хорошим» по их понятиям был тот человек, кто поднесет другому кружку пива или полстакана водки. «Плохим» – тот, кто кружку и стакан не поднесет. И чуть ли не предателем тот, кто не пьет совсем.

В тот злополучный день, 25 июля 1976 года, у Хламкина не было денег на выпивку Однако после окончания смены он зашел в пивную. Здесь мастер цеха Иван Бубнов «обмывал» свой уход в отпуск. Короткое рукопожатие, и вот уже юноша пьет водку с годящимся ему в отцы пятидесятилетним мастером. «Выпито в тот раз было не так уж много, пожалуй, грамм по восемьсот на рыло!» – рассказывал потом Хламкин. Выпив все, что у них было, друзья поехали к Хламкину домой и добавили. Когда же

Хламкин потащил Бубнова в пристанционный ресторан, чтобы выпить, тот уперся:

– Не могу больше, ведь завтра с утра уезжаю в Сочи!

– К морю еще успеешь, отец. Вот поставишь еще одну бутылочку, тогда и отпущу.

– Никуда я больше с тобой не пойду!

– А я сказал: пойдешь!

Пьяная ссора кончилась тем, что Хламкин убил мастера, нанеся ему десять ударов кирпичем по голове.

Московский областной суд под председательством Макаровой приговорил убийцу (которого я защищал как адвокат) к десяти годам лишения свободы.

В судебном заседании выяснилось, что на Быковском машиностроительном заводе мало кто из рабочих не совершил когда-либо хоть одного преступления и не попадал в вытрезвитель. На суде много говорилось о том, что директор завода и его партийные и профсоюзные подручные ставили молодых рабочих на самые тяжелые участки, вымогали у них деньги, не заботились об их бытовых условиях...

*

Широк в СССР и поток открытой, уличной, насильственной преступности. Так в 1976 году за преступления против личности было осуждено 186013 человек, за хулиганство – 235215. Повторю: половину этих преступлений совершила молодежь. И тут уме-

стно отметить, что молодежь формирует свои ценностные ориентации в сравнении с отцами. Механизм сравнения работает двояким образом – либо следование «заветам отцов», либо неприятие, отторжение от того, что исповедывали отцы. Интересно, что если юноши из группы «корыстные преступники» как правило принимают «заветы отцов», то молодежь из группы «насильственные преступления» не принимает идеологию отцов – бунтует против устоявшихся традиций!

Вот еще несколько типичных случаев, описание которых есть в моем архиве.

Солнечным июльским утром пенсионер Михайлов шел в магазин. По дороге ему повстречался симпатичный юноша в белоснежной рубашке и узких брюках. Это был Юрий Чернов, житель подмосковной деревни Остров: он был вежлив, начитан, хорош собой. Образование – десять классов. Комсомолец.

– Простите, – сказал он, – наша банда состоит из шестнадцати человек. Прошлой ночью мы играли в карты и проиграли... вас. Поэтому я вынужден вас убить. Впрочем, – продолжал великодушно Чернов, – если вы отдадите мне все деньги, которые есть при вас, я вас пощажу.

Через неделю другой случай. К работнице гипсового завода Митиной возле автобусной остановки подошел симпатичный юноша.

– Ваша жизнь проиграна в карты. Но надеюсь, у вас есть деньги?

Подобный же случай произошел со сто-

рожем Поповым.

– Вы проиграны в карты... Деньги на бочку!

Возле поселка Видное Чернов догнал девушку. Валентина Кукушкина смогла предложить ему лишь два рубля – небогат советский человек. Получив деньги, Чернов отправился в ближайшую чайную. Выпил, а вот закусить уже не успел.

Сидя передо мною, следователем, он отшучивается:

– Я же никого не тронул пальцем. У меня и ножа-то не было. Не дали бы денег – честное слово, не обиделся бы!

– Скажите, – спрашиваю я, – а кто подсказал вам идею ваших шуток?

– Мой дядя, – ответил Чернов, добродушно улыбаясь. – Он, как и я, ненавидит моего отца. То есть, своего братца.

Отец Юрия – передовик сельского хозяйства, директор совхоза. Он, как сказал сын, уж больно охоч до чтения морали молодому поколению. Вот сын и приготовил папаше свою месть – совершал преступления не совсем обычным способом...

*

В Советском Союзе немало пишут о необходимости поднять культурный уровень населения. Строятся новые клубы, кинотеатры, школы. Однако от всех этих культурных «очагов» несет казенщиной. Всех заставляют думать и поступать как все. Неудивительно

поэтому, что молодые люди хотят выделиться, противятся «обезличке». Однако и это желание порой приводит к преступлению.

Саша, сын известных киноактеров Тихонова и Мордюковой, решил выделиться. На встречу Нового Года он пригласил к себе юные дарования. Изображая мушкетеров, ребята вошли в раж и Саша уколом шпаги тяжело ранил друга. Лишь вмешательство врачей спасло того от смерти.

– Все лезут в нашу личную жизнь, – зло говорит мне на допросе народная артистка СССР Нонна Мордюкова. – Подумаешь, мальчик нечаянно ткнул другого! Оставьте моего сына в покое. Он отмечен печатью гениальности, он только что получил из Мосфильма приглашение на съемки!

*

В СССР на все существует запрет: целоваться на людях нельзя, внебрачные связи – тема обсуждения на комсомольском собрании. А запрет как раз и порождает преступление.

Сын известного генерала И. Новиков и его закадычный друг А. Сапильняк, мать которого была главным рентгенологом Министерства здравоохранения СССР, любили «позабавиться». Необычайно красивый Сапильняк знакомился с миловидной девушкой и назначал свидание. Когда же девушка переступала порог огромной генеральской квартиры, – на

улице Горького, напротив Центрального телеграфа, в самом центре Москвы – в дело вступал Новиков: его задачей было напоить даму до пьяна. После этого «мальчики» насиловали жертву, порой приглашая друзей. Производя при этом фото- и киносъемку происходящего. Под утро же, когда жертва приходила в себя, друзья показывали ей свежеотпечатанные снимки, предупреждая: если вздумаешь пожаловаться, то будешь опозорена на всю жизнь!

Новиков и Сапильняк понимали, что боясь бесчестия, девушка выполнит любое их требование. Требовали же они обычно, чтобы девушка выкрала у родителей деньги и ценности и вместе с ними вернулась на улицу Горького для последующих любовных утех. И надо сказать, что за исключением одного – рокового для них – случая, их «метода» действовала безотказно. По делу прошли 260 потерпевших – молодых красивых девушек. Тут были и простушки, впервые приехавшие в столицу, и девушки из интеллигентных семей, например, внучка одного из сталинских идеологов. Все они несли на улицу Горького все, вплоть до бабушкиных бриллиантовых серег.

Суд приговорил обоих негодяев к расстрелу. Затем, правда, Верховный суд республики заменил расстрел пятнадцатью годами. В процессе следствия я выяснил, что папы обоих насильников тоже отличались склонностью к слабому полу. А вовлек их в ор-

гии их начальник, – он постоянно устраивал их в задней комнате фотоателье, в котором они работали.

*

А вот – жертва молодежной «бдительности». Пропагандистский аппарат страны десятки лет беспрерывно призывает к ней твердя, о шпионах-империалистах. Особенно интригующи телепрограммы, которые ведут международные обозреватели Ю. Жуков, В. Зорин, В. Дружинин. Люди безусловно знающие и неглупые, они столь умело манипулируют фактами, что у многих телезрителей возникает иллюзия правдоподобия. «Американские милитаристские круги готовятся к разрушительной атомной войне», «ЦРУ постоянно засылает в СССР шпионов», «Американские парашютисты могут быть сброшены в отдаленные места страны – будьте бдительны!»

И вот нашлись люди, которые не только этому поверили, но и погубили человека.

Семья Григория Дзегоева жила в Орджоникидзе. Григорий, военный летчик, прилетел в 1974 году к родителям в гости.

– Веселый был Григорий, – рассказывала мне его мать, – все песни пел. Ему бы певцом быть, голос как у соловья, а он в летчики пошел. «Певцом, – говорил – мама, я еще стать успею. Сначала брата на ноги поставить надо. А сейчас деньги нужны, чтобы брата вылечить. Где я еще такие заработаю?» Чуть ли не половину своего жалованья нам

отдавал. Брата жалел, тот полиомиелитом болел.

В день приезда Григорий Дзегоев пошел на другой конец города к невесте. И не вернулся. Кто-то из окрестных жителей счел его подозрительным – мол, ходит тут – озирается, местности не знает, а сам маскируется, специально переоделся в военную форму, вынюхивает чего-то!

А он, действительно, искал дом невесты, потому что она переехала.

Решив, что это выброшенный на парашюте американский шпион, бдительные граждане сообщили в милицию. И там поверили! Окружили Григория, кричат: «Шпион, сдавайся!» А тот растерялся и побежал. Милиционеры за ним, открыли стрельбу, загнали в сарай – там его и прикончили.

Работников милиции, пристреливших летчика, привлекли к суду за превышение власти... Но потом отпустили, посчитав происшествие недоразумением.

ГДЕ ВЫ ВИДЕЛИ ЖИВЫХ НАРКОМАНОВ?

Осенью 1976 года ко мне на Таганку, в юридическую консультацию № 10 Москвы, где я работал адвокатом, пришли родители Игоря Абишева, сержанта ракетных войск, преданного военному трибуналу за употребление наркотиков. Эти люди искали «хорошего адвоката», который мог бы добиться освобождения их сына из тюрьмы. Я сразу сказал, что мне его вызволить вряд ли удастся – тем более, что только что был опубликован закон об усилении уголовной ответственности за продажу, покупку и употребление наркотических средств, вследствие чего преступление, совершенное Игорем, стало «актуальным»: за него будут преследовать строже, чем раньше. Однако Абишевы меня уломали.

Начал я с того, что постарался разузнать все новое, что касалось производства, перевозки и торговли наркотиками... Дело в том, что в этом вопросе я не был совсем новичком: за 13 лет до этого, в 1963 году, я написал статью об изготовлении наркотических средств в СССР и спекуляции наркотиками в Москве. Материал собрал солидный, специально ездил во Всесою-

зный институт лекарственно-ароматических растений (ВИЛАР), где мне сообщили, в каких союзных республиках выращивают мак и коноплю, как обрабатывают травы, как нелегально транспортируют сырье. Я отнес статью в газету «Известия» – редактору по отделу советской внутренней жизни товарищу Феофанову.

Товарищ Феофанов прочитал материал и покачал головой:

– Где вы, дорогой товарищ, видели в нашей стране живых наркоманов? Вон там, – он указал на карту Западной Европы и Америки, – наркомания – бич. Социальное зло: двадцать миллионов зарегистрированных наркоманов! У нас же, к счастью, такого безумства нет! Ваш материал мы опубликовать не можем!

А когда я пытался ему доказывать, что наркомания у нас все-таки существует и что об этом можно прочесть в деле, принесенном в редакцию, то Феофанов назидательно сказал:

– Не то читаете, товарищ следователь. Не то читаете... Вы это прочтите, – и он протянул мне справочник Главлита, где черным по белому было написано: наркомания в СССР – тема, запретная для газет и журналов!

Я понял, что в своем стремлении бороться со злом нарушил – и не в первый раз – строгий советский этикет, заговорив о том, о чем положено молчать. Во всяком случае до «сигнала сверху». Действительно, вместо

того, чтобы бегать в ВИЛАР, надо было раскрыть на соответствующей странице хотя бы Большую Советскую Энциклопедию, где – уже в издании 1928 года, когда советская власть была совсем еще молодой, – сказано: «Причиной наркомании является эксплуатация угнетенных классов... беспросветность существования, неуверенность в завтрашнем дне».

Это – в капиталистических странах. У нас же: «Растущее с каждым днем благосостояние, ликвидация безработицы, громадный подъем культурного уровня населения, оздоровление быта создали благоприятную обстановку для ликвидации наркомании». А если так было в 1928 году, то в 1963 году хуже никак не могло быть, потому что не могли же ухудшаться благосостояние, ливидация, подъем и оздоровление, если у кормила продолжала стоять все та же мудрая партия... Товарищ Феофанов был по-своему прав: он видел жизнь не в ее реальном виде, а так, как указывала партия.

*

Реальная же жизнь, на которую следовало не обращать внимания, протекала тут же, невдалеке от моей юридической консультации. В сквере на Таганской площади, где был один из центров нелегальной торговли наркотиками, можно было наблюдать такую картину: изможденный, желтушного цвета юноша

вертится около темноокого мужчины в барашковой шапке.

– Нужен гашиш. Сто граммов. Уступи, пожалуйста!

– Бери, дарагой, хоть дэсять кило! Только дэньги плати!

– Почем?

– Как везде: три рубля за «баш».

– Хорошо. Давай на триста рублей.

«Баш» – грамм анаши в сигаретке-самокрутке на этом рынке стоил тогда от одного до трех рублей – в зависимости от качества травы. Морфин, героин, кокаин, опиум – десять рублей за грамм.

Этот семнадцатилетний мальчик-наркоман с лихорадочными глазами, конечно, нигде не работал. И родители, естественно, трехсот рублей на пьянящую траву ему не дали бы. Он же без нее жить уже не может – и совершает преступление. Уже намного позже, в 1987 году, я узнал, что согласно исследованию двадцать два процента наркоманов тратят на приобретение своего зелья от 1000 до 3000 рублей в месяц!*

Преступления, впрочем, наркоманы часто совершают и не для того, чтобы достать денег на наркотики, а просто так, без види-

---

* Как милиция борется с наркоманией. Беседа с начальником Главного управления уголовного розыска МВД СССР В. Панкиным. «Известия», 13.5.1987

мой нормальному человеку причины. Вот один из многочисленных тому примеров.

Анатолий Васильев, Олег Разуваев и Сергей Климов, все трое несовершеннолетние, достав гашиша, посасывали свои «цыгарки» в сквере у метро «Рязанский проспект». К ним подошел неизвестный мужчина.

– Друзья, подскажите, где тут дом девять? Друга ищу. У него новоселье.

– Сейчас покажем.

Подростки завели Владимира Николаевича Гаврикова – так звали мужчину – в безлюдное место.

– Что-то, друзья, мы вроде не туда зашли? – нерешительно огляделся он.

– Туда, туда! Вон за тем забором девятый дом и будет.

Гавриков хотел что-то сказать, но его повалили и начали избивать. Куражились около часа.

На утро его нашли мертвым.

*

Другой случай. Спотыкаясь, расталкивая прохожих, по Цветному бульвару брели двое парней. Возле кинотеатра «Мир» они столкнулись с двумя молодыми рабочими и затеяли ссору. И вот уже один из рабочих, Владимир Попов, лежит на земле с ножевой раной в груди. Парней ловят, доставляют в ми-

лицию. Ни в чем плохом они до сих пор не были замечены. Откуда же этот дикий взрыв? Что вызвало его из глубины подсознанья? Гашиш.

– Что ощущаешь ты, когда куришь? – спрашиваю я наркомана Робинзона Крузо.

– В первые несколько минут чувствую, как медленно-медленно кровь бьет в голову. Движения становятся неуверенными, все во мне замирает, тело, руки, ноги, голова немеют. Единственное чего хочется – чтобы блаженство подольше продлилось.

Робинзон Крузо, Романов и Гапон, дело которых я заканчивал как следователь в конце шестидесятых годов, – отпетые наркоманы и умелые воры. По странному совпадению у одного из них фамилия героя знаменитого романа, другой – однофамилец последнего русского царя, а имя третьего вызывает в памяти известного попа, инициатора печально знаменитого шествия к Зимнему Дворцу 1 января 1905 года. Эта троица намеревалась выкрасть ценнейшие вещи, в том числе облачения русских патриархов за последние пять столетий, хранившиеся в музее Новодевичьего монастыря в Москве. Когда я спросил искусствоведов-экспертов о цене этих великолепных реликвий, усыпанных драгоценными камнями, они ответили: «Сокровища эти бесценны». Но тем не менее, это была бы обычная попытка кражи, и я не упомянул бы о ней, если бы не одно обстоятельство:

преступники собирались бежать с украденными сокровищами на Запад.

– Зачем? – спросил я их. – Ведь вы могли продать ценности и в Советском Союзе.

– Понимаешь, – ответил за всех Робинзон Крузо, – ведь мы курим. А доставать курево трудно. Я уж тебе правду скажу: на «мокрое дело» однажды чуть не решился, до того покурить хотелось. Думал, пойду в аптеку да и пристукну кого-нибудь там, если добром не дадут наркотик. Ну, вот, а в Швеции или там в Америке, говорят, с этим делом просто...

Группа преступников, которую возглавлял Олег Горбачев – их судили в 1977 году в Москве – специализировалась на краже наркотиков из московских аптек. Они их продавали на черном рынке – в том числе и в упомянутом сквере на Таганской площади. При расследовании дела выяснилось, что из 75 человек купивших у Горбачева наркотики (покупателей было, конечно, больше; я говорю о тех, кого удалось обнаружить), 30 совершили преступление в состоянии наркотического опьянения.

«Главная цель для наркоманов – раздобыть деньги для покупки наркотиков, – говорит В. Панкин, начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР. – Хотя вся преступность, порожденная наркоманией, невелика, но и тут обольщаться цифрами не стоит. 40 тысяч преступлений в год, которые в

среднем совершаются на почве наркомании, – сами по себе чрезвычайно опасны»*.

*

В оперативной сводке Главного управления уголовного розыска МВД СССР то и дело мелькают сообщения: поймана с поличным группа спекулянтов наркотиками. Изъято сто килограммов гашиша. При посадке в самолет в багаже обнаружено десять килограммов гашиша. При продаже морфина задержана шайка преступников. Еще одна группа, весьма разношерстная. В ней жители Алма-Аты, Риги, Куйбышева, Подмосковья... У них изъято четыре килограмма анаши...

В 1976 году мне пришлось заниматься делом братьев Красносельских, спортсменов-скалолазов, мастеров спорта. В течение трех лет они возили со Ставропольщины тюки с наркотиками – в Москве их уже поджидали оптовики, которые затем снабжали торговцев в розницу. Братьев выдал пойманный с поличным перекупщик Гуннов, после чего в городе Железнодорожном был задержан старший Красносельский. Вскоре в его квартиру, где была засада, явился младший брат, неся на плече двадцатикилограммовый мешок. После этого старший впал в депрес-

---

* Как милиция борется с наркоманией. Беседа с В. Панкиным. «Известия», 13.5.1987.

сию: не сумел предупредить брата, загубил ценный груз! Он перестал есть и общаться с сокамерниками. Врачи нашли, что его нервная система и мозг, ослабленные наркотиками, не выдержали потрясения. Эксперты-товароведы установили, что за три года Красносельские заработали около миллиона рублей.

Но о загубленных жизнях, о разрушенном здоровье в СССР в то время широкой публике ничего не сообщалось – о наркомании в СССР не писали газеты и журналы, не вещало радио, их не показывали на телевидении. А между тем число людей, употреблявших наркотики, с каждым годом увеличивалось и увеличивается, особенно среди молодежи

Еще раз процитируем начальника уголовного розыска страны Панкина: «В нашей стране на учете состоят 46 тысяч наркоманов. Это те, кого медики официально считают больными людьми. На наш взгляд, приблизительно столько же людей так или иначе пользуются или уже пробовали наркотики. Но география этого явления расширяется. В 1984 году было зафиксировано 75 тысяч людей, употребляющих наркотики (но тех, кого медики не считают больными). В первом квартале этого года цифра таких людей возросла до 123 тысяч, за те же три года увеличилось число признанных больными и требующих излечения на десять тысяч. И что особенно страшно в этих таблицах употребляющих наркотики, мы фиксируем 14 тысяч

несовершеннолетних. Стопроцентно гарантировать точность этих данных мы не можем: и дело здесь не в желании что-то приукрасить. К сожалению, ни медицина, ни милиция не располагают сколько-нибудь эффективными техническими средствами, позволяющими выявить наркоманию на ранней стадии»*.

Панкину вторит и А. Егоров, начальник московского городского уголовного розыска – МУРа: «Волнует нас и проблема наркомании. Если год-два назад в Москву поступали наркотики растительного происхождения, то сегодня дело изменилось. Наркоманы в основном пользуются самодельными препаратами, добывая их из различных компонентов, которые есть в открытой продаже. За этой, если так можно выразиться, «самодеятельностью» не успевают ни милиция, ни медики»**.

Теперь мы видим, как власть потворствовала такой социальной болезни как наркомания. В шестидесятые годы «ее не было» – не хотели замечать. В восьмидесятые болезнь «открыли» – и не знают, как лечить. Сейчас при психоневрологических диспансерах созданы специальные наркотические лечебные центры. В одной Москве тридцать – по числу

---

* Как милиция борется с наркоманией. Беседа с В. Панкиным. «Известия», 13.5. 1987.

** Московская милиция. «Известия», 29. 6. 1987

городских районов. А ведь еще в 1960 году в той же Москве было не более полутора тысяч наркоманов...

*

Как видим, сержанту Игорю Абишеву, родители которого пришли ко мне за помощью, было где доставать наркотики. Его судьба сложилась так: он ушел из Высшего технического училища имени Баумана, попал в армию и был в весьма удрученном состоянии: не бросил бы учения, не пришлось бы подвергаться бесконечной муштре и слушать на политзанятиях о том, как американские милитаристы стремятся к восстановлению капитализма в России. А потом стало еще хуже: Игоря назначили секретарем комсомольской организации части и пришлось самому кормить ребят политической жвачкой.

Все это угнетало умного, начитанного юношу. Пользуясь своим положением и тем, что его ракетная часть была недалеко от столицы, Абишев часто ездил в Москву. Стал пить, но водка забвения не приносила. С тем, что приносит забвение, он познакомился на вечеринке у начальника медсанчасти, капитана Катина.

В кабинете собралось несколько человек. Пригласили медсестер. Пили спирт. Под гитару пели песни Окуджавы и Высоцкого. Танцевали и выходили целоваться в операционную. В разгар веселья Катин задал за-

гадку: «Что слаще вина и женщин?» А когда никто не отгадал, раскрыл дверцы аптечки, где лежали ампулы, таблетки, шприцы.

– Наркотики! – сказал Катин. – Наркотики слаще всего на свете. Все позабудешь. И боль, и армию, и невзгоды!

– Дай попробовать! – стали шутить мальчики в офицерской форме.

– Уколите и нас, – кокетничали девушки.

Абишев закатил рукав гимнастерки:

– Давайте мне первому.

Катин набрал в шприц желтой жидкости... Вскоре по телу Игоря разлилось неизъяснимое блаженство.

– Здорово! Чувствую себя, как в раю. – Он откинул голову и залился счастливым смехом.

– Давай, доктор, и мне. Всем в рай хочется, – наперебой приставали к Катину остальные.

– К наркотикам привыкать надо, – объяснил врач. – Лучше покурите. У меня гашиш есть. Начнем с него.

*

А двадцать пятого июля 1976 года произошло ЧП – чрезвычайное происшествие, которое могло окончиться всемирной катастрофой. Шестеро военнослужащих подъехали к полигону ракетного воинского соединения, предъявили пропуска, прошли на секретный объект, заступили на ночное дежурство. Включив

автоматику, они привели в движение механизмы вывода ракет стратегического назначения. И когда из подземных шахт показались носы огромных ракет, старший по званию нажал кнопку «пуск»*.

Еще мгновение и ракета подняла бы свой ядерный заряд в небо, а через сорок минут опустила его, может быть, на Нью-Йорк. После чего последовали бы ответные удары по Москве, Ленинграду...

Лишь находчивость дежурного по части майора П. Сидорова, который переключил си-

---

* «Известия» впервые опубликовали статью, рассказывающую о тех, кто дежурит «у кнопки» с Первым номером. Майор В. Шпаков на вопрос: «Что испытываете, когда нажимаете кнопку?», отвечает: «Я уже здесь много лет, но, пожалуй, к этому привыкнуть невозможно. Ведь не на кнопку от звонка надо жать. Когда идет отсчет секунд, слышишь даже стук своего сердца. Вы знаете, на Западе уже не раз объявлялись ложные ракетные тревоги. В прессе сообщалось, что за ядерными пультами, случалось, сидели наркоманы. К чему это могло привести – вам, наверное, понятнее других...» (С. В. Щербина «Первый номер у красной кнопки», «Известия», 6.8.1987).

Думается, что заявление о том, что «за ядерными пультами, случалось, сидели наркоманы», относится к СССР и навеяно нашим рассказом, который несколько лет тому назад был опубликован и включен в книгу «Земля преступлений», вышедшую в Швеции и Японии. – Прим. автора.

стему управления ракет на себя, лишила этих шестерых возможности обрушить водородную бомбу на западное полушарие.

Произошло же это по той причине, что военнослужащие ракетной части стратегического назначения, расположенной возле подмосковного города Голицыно, заступили на вахту в глубоком наркотическом опьянении.

Одним из них был Игорь Абишев...

На следующий день в Голицынскую воинскую часть прибыла комиссия во главе с заместителем министра обороны маршалом Соколовым. Был издан секретный приказ. Наркоманов отдали под трибунал. Предъявили обвинение по статье 224 Уголовного кодекса. Статья предусматривает ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, употребление и сбыт наркотических веществ.

Данный казус послужил основанием для внесения в воинское законодательство статьи 15-1 (нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих – с максимальным сроком наказания 15 лет). Этот состав преступления был введен спустя несколько лет после случая в Голицыно, 15 декабря 1983 года.

*

Когда же советские руководители наконец поняли, что наркомания – болезнь, запу-

щенная до опасных пределов, было созвано совещание шефов прокуратуры, суда, ведомств внутренних дел и государственной безопасности. На совещании стоял один вопрос – как бороться с этим «новым» видом преступности. По данным специалистов, лишь 10 процентов наркоманов выздоравливают после лечения. В горбачевское время эту тему пришлось открыть. Советская печать, наконец, заявила во всеуслышанье, что наркомания в СССР существует, что это бич, с которым у правоохранительных органов нет рецептов для борьбы.

Беда в том, что советские лидеры не любят обращаться к истории. А если бы обратились, то обязательно вспомнили русского социолога С. Первушина. В своей работе «Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей», изданной в 1912 году, он писал, что так называемый «наркотический» вид алкоголизма обусловлен неудовлетворенностью собою и окружающим миром. Здесь наблюдается противоречие между безграничностью человеческих устремлений и ограниченностью средств для их осуществления. Наркотики – средство забыться, снять напряжение, разрядиться, отвлечься от тягот жизни.

Вопрос этот не простой. Незаконная торговля наркотиками приносит громадный доход, и это одна из причин ее роста во всем мире. Но казалось бы, что именно в Советском Союзе, с его мощным репрессивным ап-

паратом, борьбу против наркомании можно было бы вести успешнее. Однако это не так – по той причине, что торговлей наркотиками у нас руководят не только профессионалы своего дела, как в остальном мире, но и некоторые из руководителей самого этого аппарата, политические деятели крупного масштаба. Братья Красносельские с их миллионом, банда Олега Горбачева и другие, которых удалось захватить, несмотря на внушительные для обычного человека масштабы их «работы», – всего лишь мелкие сошки. Настоящие же главари остаются в тени и продолжают действовать.

Наркотики поступают из Азербайджана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, с Кавказа (из районов Приэльбрусья), где мафии, в том числе и промышляющие наркотиками, возглавляют местные партийные боссы, находящиеся в тесной связи с боссами столичными. Ведь могли же при Полянском, члене Политбюро, в то время, когда он был главой «кубанской мафии», представители местных властей жестоко избивать прибывших из Москвы следователей – без каких бы то ни было для себя последствий. Советским миллионером стал и заместитель министра здравоохранения СССР Э. Бабаян, возглавлявший долгие годы управление, ведающее наркотиками. Не отстал от него в наживе и Г. Пархоменко, начальник Главного аптечного управления Москвы.

Большим успехом советской юстиции мож-

но было в 1975 году считать арест секретаря Ферганского обкома партии Рахимова, оказавшегося одним из оптовых торговцев, руководителем, да и то, по-видимому, не самым главным, опийной мафии Узбекистана. В его доме при обыске нашли восемьсот тысяч рублей деньгами, на три миллиона рублей бриллиантов, на полтора миллиона рублей опиума. По его указанию – за взятки – назначали руководителей районных организаций, по его распоряжению продавали в жены несовершеннолетних девочек. У самого Рахимова, одного из руководителей партии, которая «является высшей формой общественно-политической организации» и «руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» – был гарем из пяти жен.

Рахимов в суде не назвал «крестного отца узбекской мафии», который возглавлял деятельность своеобразного концерна по сбыту наркотиков. Это сделал другой подсудимый – первый секретарь Бухарского обкома КП Узбекистана – Каримов. Его дело – через 12 лет после дела Рахимова – рассматривал Верховный Суд СССР. В судебном разбирательстве выяснилось, что Каримов, используя свое ответственное служебное положение, систематически брал взятки от многих должностных лиц в крупных размерах, а также сам дал взятки ряду других лиц. За совершенное преступление, сообщает

газета «Известия» (4. 6. 1987.), первый секретарь обкома приговорен к исключительной мере наказания – расстрелу*.

Каримов сообщил фамилию «крестного отца узбекской мафии»: им был член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь КП Узбекистана – товарищ Рашидов. Думается, что раскрыл эту тайну Каримов лишь потому, что к этому времени Рашидова уже не было в живых.

---

* Президиум Верховного Совета СССР 4 марта 1988 г. издал Указ о помиловании Каримова, заменив смертную казнь 20 годами лишения свободы («Аргументы и факты» № 7, 1989 г.).

СЛУЧАЙ У КИТАЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА

Наконец-то в Москве первый по-весеннему теплый день. Старшина милиции Михаил Князев с наслаждением набрал в легкие свежего весеннего воздуха, как-то не по казенному потянулся к ярким лучам солнца и сделал всего два шага в сторону. В сторону от своего поста. Только спустя много дней, устав от бесчисленных объяснений и рапортов, Князев понял, какую роковую ошибку он этим допустил.

Ибо в тот самый момент двое неизвестных - коренастые, крепкие мужчины - ловко проскочили мимо разомлевшего было постового и уже отчаянно стучались в огромные кованые двери.

Князев знал: велика Москва, а отступать некуда! Граница Советского Союза проходит здесь, у порога этих дверей. Дверей посольства Китайской народной республики!

Поскольку инструкция запрещала постовому допускать кого-либо кроме сотрудников посольства КНР внутрь помещения, Князев ухватил одного из нарушителей за руку и с чувством выполняемого долга применил болевой прием борьбы «самбо». Не выпуская первого, Князев ударил второго по лодыжке

своим милицейским сапогом. Тот упал на асфальт, ударившись головой о каменную ступеньку, но тут же вскочил, и между неизвестным и Князевым завязался короткий, но жаркий бой.

Все это, однако, грозило перерасти в дипломатический скандал: кто-то уже открывал изнутри двери посольства - к неизвестным спешила подмога. Правда, и к Князеву со стороны Мичуринского проспекта устремились на помощь три милицейские фигуры. Между тем двери распахнулись, и необычайно крупный для китайца двухметрового роста начальник внутренней охраны посольства на плохом русском языке прокричал, что представители КНР готовы принять у себя двоих посетителей. И хотя Князев делал отчаянные усилия, чтобы предотвратить проникновение нарушителей на китайскую территорию, китаец, обхватив визитеров за талии, буквально вырвал их из рук старшины и внес в подъезд. Битву у священной границы Князев проиграл. Это понимал и он сам, и его три товарища, которые, тяжело дыша, стояли у ворот посольства. Двери захлопнулись, все стихло...

*

Леонид Ильич Брежнев был не в духе. КГБ Узбекистана проглядел назойливых греков - Ламбракиса и Апостолу, а стране это может дорого стоить: международный скандал, неприятности с европейскими ком-

партиями, ухудшение взаимоотношений с Китаем.

Вот уже несколько лет, как спасаясь от «черных полковников», в СССР прибыла компартия Греции. Политбюро КПСС решило поселить греков, – а их было несколько тысяч, – в Ташкенте. Поначалу греческие коммунисты вели себя тихо и мирно. Получали неплохое денежное содержание, охотно подписывали все документы, полностью поддерживая позицию КПСС по любым вопросам. Но затем неожиданно на очередной партийной конференции в греческой компартии произошел раскол. Большинство, которое тут же окрестили оппозицией, высказалось за выезд из Советского Союза, считая, что компартия СССР сошла с позиций международного рабочего движения и скатилась в болото оппортунизма и государственного капитализма. Оппозиционеры считали, что есть лишь одна компартия, стоящая на марксистских позициях – это компартия Китайской народной республики.

И вот прокитайская фракция греческой компартии поручила своим лидерам Ламбракису и Апостолу связаться с посольством КНР в Москве и просить правительство Китая дать разрешение семи тысячам греческих коммунистов на въезд в Китай.

Чтобы не провалить операцию, Ламбракис и Апостолу о своей отлучке из Ташкента не поставили в известность МВД Узбекской ССР, хотя юридически греческие эмигранты

считались лицами без гражданства и не имели права передвигаться по территории Советского Союза без соответствующего разрешения органов Министерства внутренних дел.

Ламбракис и Апостолу тайно вылетели в Москву. Но какой-то осведомитель, член греческой компартии, донес в Комитет государственной безопасности Узбекистана о готовящемся «злодейском ударе в спину». Машина КГБ была поднята на ноги, но сработала нечетко. По чьей-то нерадивости, а может быть благодаря богатому опыту подпольной работы, грекам удалось ускользнуть от «хвоста». В Москве они незамеченными подошли к посольству КНР и после схватки, которая только что была описана, попали в посольство, где на одиннадцать часов у них была назначена встреча с послом Китайской народной республики.

Магнитную запись их восьмичасовой беседы должны были привезти в ЦК КПСС с минуты на минуту сотрудники госбезопасности. Можно себе представить, что эти отщепенцы успели наболтать послу! Вот почему был хмур и немногословен генеральный секретарь ЦК КПСС. Политбюро, конечно, согласилось с его предложением: коммунистов-оппозиционеров, как только выйдут из посольства, арестовать и осудить как обыкновенных уголовников, не придавая делу политической окраски.

Проведение «греческой операции» было

возложено на прокуратуру столицы. Прокурор Москвы государственный советник юстиции второго класса Михаил Григорьевич Мальков внимательно выслушав Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Романа Андреевича Руденко, сразу ухватил суть дела: политическое событие надлежало представить как обычную уличную драку и сопротивление милиционеру. А поскольку Китайское посольство находилось на территории Ленинского района Москвы, реализация задуманного была поручена районному прокурору Леониду Васильевичу Пархоменко, педантичному юристу с умом хитрого русского мужика.

Ламбракис и Апостолу вышли из Китайского посольства поздним вечером. Они были в приподнятом настроении: китайцы соглашались принять греков. Оживленно переговариваясь, шли оппозиционеры мимо здания посольства КНР, растянувшегося на целый квартал. На автобусе 187 маршрута Ламбракис и Апостолу благополучно добрались до метро. В вестибюле станции «Университетская» они немного задержались: решали, ночевать в Москве или сразу лететь в Ташкент.

– Едем в аэропорт, – сказал Ламбракис. – Тут недалеко до Внуково, в Ташкенте нас и так заждались...

– Вы поедете с нами! – прервал его высокий, интеллигентного вида человек, выросший

словно из-под земли. – Шуметь или сопротивляться не рекомендую.

Четверо других уже держали Ламбракиса и Апостолу за руки.

Наутро прокурор Ленинского района Пархоменко возбудил против греков уголовное дело по статьям 191-1 части второй (оказание сопротивления работнику милиции при исполнении им обязанностей по охране общественного порядка, когда действия виновного сопряжены с насилием) и 206 части второй (хулиганство) Уголовного кодекса РСФСР. Хулиганство, как определяет статья, это «умышленные действия, грубо нарушающие обещственный порядок и выражающие явное неуважение к обществу». Лидерам же греческой оппозиции было предъявлено обвинение не в обычном, а квалифицированном, злостном хулиганстве, то есть действиях, отличающихся исключительным цинизмом или особой дерзостью. Короче говоря, Ламбракису и Апостолу предстояло провести в тюрьме от одного года до пяти лет.

Расследование дела прокурор района поручил старшему следователю прокуратуры Ленинского района Москвы. Так оно попало в мои руки.

Наша прокуратура размещалась в центре Москвы на Зубовской площади, неподалеку от международной телефонной станции. «Обслуживали» мы и центр столицы – Красную площадь, Кропоткинскую улицу, Манеж, – и «периферию» тоже – Московский университет

на Ленинских Горах, «Мосфильм», Центральный стадион им. Ленина «Лужники» Когда прокурор передавал мне дело, Ламбракис и Апостолу были уже арестованы и препровождены в Бутырскую тюрьму.

Дело выглядело так. На первом листе материалов следствия красовался рапорт старшины милиции Князева. Он доносил: «18 апреля 1966 года, находясь при исполнении служебных обязанностей, я подвергся хулиганскому нападению со стороны граждан Ламбракиса и Апостолу. При этом они оторвали три оловянные пуговицы с изображением герба Союза Советских Социалистических республик, сорвали погон милицейского звания «старшина», и кто-то из них укусил меня за ухо, что относится к разряду тяжких телесных повреждений, повлекших обезображение лица».

Трое свидетелей, также сотрудники милиции, в один голос подтверждали показания постового. Они показали, что двое людей нерусской национальности (в СССР ваше внимание всегда фиксируют на национальности того, о ком идет речь - узбек, еврей, грузин...) неожиданно набросились на постового, охранявшего посольство, повалили его на землю и стали зверски избивать. На уговоры прекратить свои противозаконные действия они отвечали бранью и активизацией своих усилий по отношению к старшине милиции, который вел себя образцово.

Когда я приступил к допросу очевидцев,

то вместо обычных милицейских удостоверений они предъявили книжечки сотрудников Комитета государственной безопасности: майор КГБ, капитан КГБ, старший лейтенант КГБ...

– Я объясню вам, товарищ следователь, обстановку, – сказал высокий мужчина, тот самый, который руководил задержанием лидеров оппозиции в вестибюле станции метро.

Он оказался генералом Кудрявцевым, начальником одного из управлений КГБ. Приехал он к нам в прокуратуру на «Чайке» – на этих правительственных автомобилях полагалось кататься лишь очень большим сановникам: министрам, секретарям обкомов, крупным генералам.

Генерал КГБ Кудрявцев был очень мил, демократичен и искренен.

– Китайское и американское посольства в Москве, – разъяснил он, – как наиболее важные с определенной точки зрения, охраняются нами, то есть силами КГБ. Остальные – спецполком милиции. Правда недавно принято решение расширить круг особо важных объектов. Однако поставить у ворот того или иного посольства человека в форме майора госбезопасности мы, как вы сами понимаете, не можем. По правде сказать, мы также не можем по закону задержать кого-либо, кто хочет войти в посольство, но допустить это было бы ошибкой. Вы меня, надеюсь, понимаете? – Генерал многозначи-

тельно помолчал и вдруг предложил: – Если не возражаете, мы можем съездить к посольству, так сказать, к месту происшествия...

– Здесь у нас шесть постов, – пояснил Кудрявцев, когда мы прибыли, – одновременно дежурят десять сотрудников. И как они этих греков проворонили, ума не приложу! Придется, видно, менять систему охраны. А за дело вы не беспокойтесь, окажем всемерную поддержку, – доброжелательно улыбнулся на прощанье генерал.

Осмотрев посты и сопоставив панораму места происшествия с показаниями милиционеров-чекистов, я понял, что свидетели говорили, мягко говоря, неправду. Их посты были расположены на таком расстоянии от места дежурства Князева, что они при всем желании не могли за одну-две минуты добежать до места драки. Следовательно, при «схватке» они не присутствовали, и я имел дело с лжесвидетелями в званиях капитана и майора КГБ...

Между тем обвиняемые объявили голодовку.

«Мы участники антигитлеровского сопротивления в годы Второй мировой войны, – говорили они на допросах. – Каждый имеет по полтора десятка наград от разных правительств мира. Никогда мы никого не обманывали, не обманываем и сейчас. На милиционера мы не нападали. А визит в посольство был заранее согласован с послом Ки-

тая. Милиционер сам напал на нас, когда мы пришли на встречу с сотрудниками посольства. Не он, а мы оказались избитыми, вот, глядите, синяки, кровоподтеки. Нам совершенно ясно, что советское правительство решило расправиться с нами вовсе не за то, что мы якобы избили милиционера, а за то, что мы, греческие коммунисты, решили уехать из Советского Союза и рассказать всему миру, что СССР далек от подлинного социализма, как Арктика от Антарктиды. Политическое дело превращено в уголовное. Мы даже в фашистских застенках не видели того, что творят с нами сейчас.»

Обвиняемые отказались от услуг адвокатов и переводчиков. Голодовка их длилась уже около месяца.

Судебно-медицинская экспертиза определила, что и у Князева, и у обвиняемых на теле есть легкие телесные повреждения. Ухо же у старшины было в полном порядке. Характер телесных повреждений подтверждал объяснения Ламбракиса и Апостолу и противоречил показаниям сотрудников государственной безопасности. Следствие зашло в тупик.

Я пошел к Пархоменко, моему непосредственному начальнику, и сказал ему, что не вижу состава преступления в действиях Ламбракиса и Апостолу. Я позволил себе усомниться даже в показаниях мужественного Князева. Принимая во внимание личность обвиняемых, я не видел ни малейших мотивов,

которые бы побудили их напасть на милиционера. Закончил я предложением дело прекратить, а обвиняемых освободить, принеся им необходимые извинения.

Пархоменко выдвинул контрпредложение: посоветовал мне «заткнуться». Ибо решение об осуждении греческих коммунистов принял не он и даже не Генеральный прокурор СССР, а недавно назначенный Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев, личную резолюцию которого об аресте греческих лидеров ему на днях показывал Генеральный прокурор Руденко.

Но я не заткнулся и, проклиная свой упрямый характер, отправился на прием в Прокуратуру РСФСР, минуя прокурора Москвы.

Прокурор Российской Федерации Владимир Михайлович Блинов (впоследствии он стал министром юстиции РСФСР) отнюдь не советовал мне привлекать к уголовной ответственности ни в чем не повинных людей. Просто он долго, словно на тяжело больного, смотрел на меня, а потом отчеканил:

– Мы коммунисты, и прежде всего обязаны выполнять устав и программу коммунистической партии. В вопросы политической важности мы, прокуроры, тоже должны внести свою лепту. Как вы считаете, что дороже – престиж страны или два каких-то недалеких грека? (Он так и сказал «недалеких», считая, наверно, что пойдя против решения Политбюро, они сами себя обрекли.) Пора, наконец,

понять, что Советский Союз как остров в океане окружен государствами с чуждой идеологией. Китай сейчас, пожалуй, хуже Америки. Те хоть не прячут своих буржуазных воззрений, а эти, азиаты, говорят, что тоже коммунисты, а сами воинственные националисты, того и гляди, развяжут третью мировую войну. Подумать только: эту партию Ламбракис и Апостолу считают коммунистической! Какие же мы с вами, дорогие товарищи, будем члены партии, если освободим этих людей из тюрьмы? Законы пишутся людьми, и надо подумать, как внести проект, чтобы запретить людям, подобным этим лицам без гражданства, спокойно разъезжать по нашей стране.

Мое поведение прокурор республики тоже определил достаточно четко: «Кто не с нами, тот против нас!» Что же касается того, где и как все-таки добыть убедительные доказательства вины Ламбракиса и Апостолу, то Блинов приказал своим помощникам «пошевелить мозгами».

Что это означало на практике, я понял уже на следующий день, когда на помощь прокуратуре пришло Министерство иностранных дел СССР.

– С вами говорят из приемной министра иностранных дел товарища Громыко. Андрей Андреевич поручил подсказать вам, что вы можете опираться на Венскую конвенцию, которая обязывает все страны охранять посольства в своих столицах. Понимаете, о чем

я говорю? А вдруг эти греки несли бомбу? И хотели взорвать посольство братской державы? Имел же право милиционер заподозрить их! Действия постового были правомерны.

– Позвольте, но ведь визит был согласован с посольством. По той же Венской конвенции охрана не имеет права препятствовать посещению посольств. Как объяснить суду действия милиции, в результате которых люди были избиты, да еще посажены в тюрьму?

– Суду все объяснят и без вас. Вам же лучше воспользоваться нашей рекомендацией.

В течение недели под неусыпным надзором руководителей прокуратуры Ленинского района, Москвы, РСФСР и СССР расследование было мною завершено и дело направлено в Ленинский народный суд Москвы.

И тут читатель вправе спросить: а чего, собственно, добились вы, следователь, в этой ситуации? Ведь вашими руками творилась несправедливость. Да, творилась! И как слабое утешение прозвучит упоминание о том, что я обегал все прокурорские пороги, добиваясь восстановления истины. Мне удалось, наконец, отбить лишь одну статью – хулиганство, незаконно вмененную Ламбракису и Апостолу... И все же практически я не смог сделать ничего реального, чтобы освободить этих мужественных людей из тюрьмы.

Уместно сказать несколько слов о моей бывшей профессии. О следователе у нас вспоминают в двух случаях: когда он удачно раскрыл преступление или когда допустил беззаконие Никто не удосужился написать о том, что следователь – ассенизатор общества, он вывозит на себе всю социальную грязь. расследует сложные дела об убийствах, бандитизме, изнасилованиях, хищениях, взяточничестве и так далее. Следователи прокуратуры расследуют сотни тысяч дел. Через их руки проходят тысячи не имеющих единиц измерения болей, страданий, гнева. Всего того, что плодит советская повседневность.

А ведь следователь – низшая должность в прокуратуре. Ею пугают: «понизим в должности вплоть до следователя!» У него низкий заработок, да и взыскания следователи получают во много раз чаще, чем другие работники прокуратуры. А как насчет его прав? А вот как... Он пригласил граждан понятыми, а они отказались. Он вызвал свидетелей, а они не пришли. Ему нужно допросить высокопоставленное лицо – секретаря райкома, к примеру, а в ответ прокурорский окрик: не сметь!

Вот почему следствие, являясь важнейшим участком государственной деятельности, в то же время остается самым слабым звеном в прокуратуре. Что же касается следователей, то они просто разбегаются. «По моим данным,

– сообщает криминалист Б. Пискарев, – каждый третий молодой специалист уходит из следствия»*.

Вернемся к случаю у Китайского посольства. Судебное заседание было назначено на шесть часов утра в субботу, когда ни один суд в стране не работает. Слушание проходило при закрытых дверях. Ламбракис и Апостолу вели себя смело.

– Граждане судьи, – сказал Ламбракис, – ответьте хотя бы сами себе, разве так должна вести себя в отношении людей, думающих иначе, демократическая социалистическая держава? Не напоминает ли ваш суд другое судилище, которое провел Гитлер над Димитровым? Но то была расправа фашистов над коммунистами. Здесь же коммунисты расправляются с коммунистами!

Прокурор Пархоменко в своей обвинительной речи потребовал строго наказать преступников, поднявших руку на блюстителей порядка и не уважающих советские законы.

Судебный процесс прошел с небывалой скоростью. В 12 часов дня уже огласили приговор. Суд под председательством Николая Дьячкова признал лидеров греческой коммунистической партии Ламбракиса и Апостолу виновными в злостном сопротивлении

---

* Б. Пискарев. Следователь о следствии. «Известия», 19.4.1987.

работникам милиции. Ламбракис был осужден на два с половиной года лишения свободы, Апостолу - на два.

Греческим делегатам, приехавшим из Ташкента, даже не сообщили о дне слушания дела, не дали возможности побеспокоиться об адвокате. Их не допустили в зал судебного заседания.

- Извините, но я не уверен в том, что дело уже направлено в суд. Всю информацию вы можете получить у следователя, а он как на грех болен, - разводил руками Пархоменко в понедельник, принимая делегацию греческих коммунистов. Между тем он, как государственный обвинитель, отлично знал, что осужденные отправляются уже в этот час из пересыльной тюрьмы в лагерь.

В эти же дни Генеральный прокурор Руденко и прокурор РСФСР Блинов, следуя указаниям ЦК КПСС, внесли в Президиум Верховного Совета СССР проект нового закона «О нарушении иностранцами и лицами без гражданства правил передвижения на территории СССР». Указ был принят и введен в уголовный кодекс в виде дополнительной статьи 197-1. Так в СССР был установлен специальный паспортный режим для иностранцев и лиц без гражданства. Указанные лица могут оставаться на территории Советского Союза только в населенных пунктах, которые указаны в визах на въезд в страну. В случаях передвижения они обязаны придерживаться маршрутов, установленных в проезд-

ных документах. Изменение места жительства, временный выезд, посещение пунктов, не указанных в визах, уклонение от маршрута следования ведут к уголовной ответственности – лишению свободы на срок до одного года.

Что же касается семи тысяч греческих эмигрантов, то они после истории с Ламбракисом и Апостолу не решились, разумеется, обратиться к советскому правительству с просьбой о выезде в коммунистический Китай.

МАФИЯ И ЕЕ ГНЕЗДА

С некоторых пор в русском языке прочно обосновалось итальянское слово «мафия». Не счесть стрел, пущенных советскими пропагандистами в адрес мафии, «свившей свои гнезда буквально во всех областях жизни США» и являющейся чуть ли не фактическим хозяином Америки.

Для чего это делается? Разоблачая американскую мафию, советская пропаганда пытается отвести глаза своих граждан от мафии советской – по старому и испытанному методу «Держи вора!»

*

Был теплый веселый майский день 1975 года, когда прокурор Красногвардейского района Москвы советник юстиции Тонетов вошел в кабинет прокурора Москвы государственного советника юстиции второго класса Малькова. Мальков был хмур и раздражен: надо же, чтообы такая неприятность случилась именно у него, занимающего высокий пост городского прокурора!

Несколько дней назад Комитет государственной безопасности СССР запросил у прокурора санкцию на арест двенадцати про-

курорских и пятнадцати милицейских работников! И вот один из них, прокурор Тонетов, сидит сейчас перед Мальковым.

– Скажи, Тонетов, взятки брал?

Тонетов, немолодой усталый человек с одутловатым лицом, смотрит на шефа честным и спокойным взором не мигая:

– Нет, Михаил Григорьевич. Христом Богом клянусь, не брал!

– Ты мне Христа не припутывай. Скажи как коммунист коммунисту, брал или нет?

– Никогда, ни у кого не брал. Зачем мне деньги? Жена неплохо в стройтресте зарабатывает. Нам, прокурорским, недавно зарплату прибавили. Двести восемьдесят получаю, льготы разные. Не брал!

– Ты из меня дурака не делай. Деньги всегда и всем нужны... Чекисты говорят, что против тебя есть показания. Шести или семи человек. Утверждают: давали тебе взятки.

– Клевета! Врагов у нас много, сами знаете. Особенно среди судимых. Вот они с нами и сводят счеты.

– Ладно. Посмотрим. Привези-ка мне завтра эти дела! – И Мальков протянул Тонетову список семи уголовных дел.

В прихожей Тонетов долго не попадает в рукава форменной шинели. Надев, наконец, шинель и нахлобучив серую каракулевую шапку с кокардой, он спускается по мраморным ступеням к выходу. Незаметно для окружающих косит глазом: нет ли чекистского «хвоста»? Выйдя из здания, Тонетов

щелкает пальцами, подзывая своего шофера, и садится в свою черную «Волгу».

«Что случилось? – напряженно размышляет он. – Кто продал? Что предпринять для спасения?»

Через сутки Тонетов, тяжело дыша, снова поднимается по знакомым мраморным ступеням прокурорского особняка на Новокузнецкой улице. Входит в приемную прокурора столицы, и с папкой под мышкой ныряет за двойные дубовые двери.

Буквально через несколько минут он возвращается в приемную в сопровождении двух мужчин. Но, Боже, что сделалось с осанистым, гордым прокурором! Он словно постарел лет на десять. Весь обмяк. Стал ниже ростом. Срывающимся шопотом он просит секретаршу:

– Маргарита Петровна, позвоните, пожалуйста, моей жене. Я арестован. Меня везут в Лефортовскую...

Лефортовская тюрьма – это тюрьма КГБ. В ней содержатся во время следствия обвиненные в политических преступлениях. Но не только они. Сюда же привозят крупных валютных спекулянтов, высокопоставленных чиновников, изобличенных в коррупции. В Лефортовскую тюрьму привезли и – теперь уже бывшего – прокурора Тонетова.

На следующий день его вызвали на допрос.

– Следователь, капитан госбезопасности

Расторгуев, – отрекомендовался высоченный нескладный человек.

– Мы знакомы. Вы у меня когда-то проходили студенческую практику.

– Что-то не припомню, – сказал Расторгуев, хотя прекрасно помнил, что стажировался в прокуратуре Ждановского района, где Тонетов работал тогда помощником прокурора.

– Что ж, приступим без лишних слов к допросу, – продолжил капитан. – Скажите, с кем вы встречались за день до ареста?

– С прокурором города Мальковым. С другими. Мало ли с кем, всех не упомнишь.

Капитан Расторгуев внимательно посмотрел в глаза Тонетову:

– А где вы были в восемнадцать часов?

– У себя, в Красногвардейской прокуратуре.

– Неправда! Вы встречались со своим другом, помощником прокурора Москвы Николаем Дьяковым. Давайте-ка, послушаем запись вашей беседы.

Расторгуев включает магнитофон. И Тонетов сразу покрывается липким потом. Из динамика отчетливо слышатся голоса – его и Коли Дьякова.

– Привет, дружище! – это голос Дьякова. – Что стряслось? К чему такая спешка? Я еле выскочил с совещания.

– Коля, я пропал, нас замели! – узнает свой взволнованный голос Тонетов. – Меня только что вызвал Мальков. Сказал, у

чекистов есть на меня показания. Шесть или семь. Что делать?

– Успокойся! Я знаю в чем дело. Помнишь, мы взяли пятьдесят тысяч у этого армянина? Ну, у Саркисяна, который продал две «Волги» и попался. Он снова арестован, по другому делу. И мне сказали ребята из ОБХСС, он стал сознаваться во всех грехах... Меня пока еще не трогали. Но если возьмут, буду все отрицать. И тебе советую то же. Ничего, мол, не знаю. Ничего не ведаю. Оговорили, мол!

Немало разных чувств отразилось на лице Тонетова за короткое время, что крутилась пленка. Как комитетчикам удалось записать конспиративный разговор с глазу на глаз в пустынной аллее на Ленинских горах, неподалеку от университета?

– Ну, что скажете? – спросил Расторгуев, вглядываясь в ошеломленного Тонетова.

Но тот смог лишь выдавить:

– Как... как вы все это услышали?

– А очень просто! – засмеялся Расторгуев и показал Тонетову небольшую булавку. – Этот микропередатчик торчал в вашей шинели от первого вашего визита к прокурору города до второго!

Через год, во время суда над Тонетовым, Дьяковым и еще десятком работников прокуратуры, обвинявшимся во взяточничестве, адвокаты подсудимых указывали, что закон не разрешает подслушивания и не принимает в

качестве доказательства магнитную запись незаконно записанной беседы.

Государственный обвинитель, помощник Генерального прокурора, соглашался, но только отчасти.

– Уважаемые коллеги, – объяснял он свою позицию, – в законодательстве мы действительно не найдем разрешения втыкать радиобулавки в шинели прокурорских и милицейских сотрудников. Но, во-первых, надо было изобличить лихоимцев. А во-вторых, и Тонетов, и Дьяков, и другие в конце концов сами признали свою вину и были изобличены объективными данными. Так что приговор будет базироваться не на результатах подслушивания, а на фактах.

Указания адвокатов на моральную сторону дела успеха, естественно, не имели.

Так чем же занимались Тонетов, Дьяков и их многочисленная мафия? Вот, как пример, небольшая история.

К лесочку, в получасе от Москвы, подъезжает милицейская машина. Из нее выходят пятеро в милицейской форме и один в штатском. Штатского заводят в заросли, дают в руки лопату, заставляют копать. Можно подумать, что преступник решил показать блюстителям законности тайник с украденными ценностями. Но нет, здесь что-то другое: двое в форме приносят из машины... гроб.

– Рабинович, – командует старший из них, – ложись-ка в гроб!

– Пощадите, товарищ подполковник! У меня же шестеро детей!

– Скажешь, где ворованные деньги, отпустим.

– Люди добрые! Какое воровство, какие гроши? Сроду у меня их не бывало! Живу на одну зарплату!

– Не придуривайся, Рабинович! Нас не проведешь – мы все знаем. Такова наша служба. Давай сто тысяч и езжай к своим детям!

– Нету, нету, русским языком говорю!

– Мы не шутим! Не выдашь деньги добровольно – закопаем живьем!

– Закапывайте, гады! Нет у меня денег!

Двое заталкивают человека в гроб. Накрывают крышкой и начинают приколачивать ее гвоздями.

– Пятьдесят... – слышится из гроба слабый голос.

– Сто! – кричит, наклонившись над гробом подполковник.

– Пятьдесят пять...

– Закапывайте!

– Шестьдесят...

– Девяносто! – уступает подполковник.

– Нет... нет у меня таких денег. Шестьдесят...

– Работайте, товарищи! – понукает своих подполковник.

Гроб опускают в яму, неумело вырытую Рабиновичем, и куски земли начинают греметь по крышке. Из-под земли слышны сте-

нания, всхлипы, плач.

– Последний раз: семьдесят пять тысяч! Даешь?

– Чорт с вами! Даю!

– Откапывайте, ребята! Да поживей! Как бы и впрямь не окачурился!

Все это отнюдь не вымысел. Те, кто присутствовал на процессе Тонетова, Дьякова и других, слышали это в более подробном изложении от самого Рабиновича, начальника цеха Тушинской текстильной фабрики.

*

Рабинович руководил цехом, где шили дамские блузки. Дело было поставлено так, что не менее половины выручки шло начальнику и его помощникам. С некоторых пор милиция знала об этом, но никого не арестовывала: подполковник Мани, майор Красуля и капитан Ивлев, «работавшие» в тесном контакте с Дьяковым и Тонетовым, жаждали получить свою долю барышей. Они хотели жить не хуже партийных руководителей, у которых были современные квартиры в центре Москвы, (построенные специальным хозяйственным ведомством ЦК КПСС и Совета Министров СССР), персональные автомобили, изысканное питание (так называемый «кремлевский паек»), модная одежда из «200-й секции» ГУМа. Им тоже хотелось обладать красивыми женщинами, пить коньяк и любоваться порнографическими журналами.

Но и подполковник, и майор, и капитан хорошо понимали, что легально они этого добиться не смогут. Не всем же так везет, как Юрию Чурбанову, который женившись на дочери Брежнева, за три года из капитана превратился в генерала!*

Они решили разбогатеть с помощью шантажа. Успокаивали они себя тем, что мы, мол, не в государственный карман лезем, а, по заветам Маркса, экспроприируем экспроприаторов. И пополнили ряды советской мафии, состоящей из бюрократов, партийной номенклатуры, дельцов теневой экономики и уголовников.

Советские правоведы, рассуждая о преступности на Западе, указывают, что там это явление порождается сложной совокупностью социальных факторов. Но они до недавнего времени не говорили о том, что и в Советском Союзе преступления проистекают из самой сущности социализма. В СССР, уверяли они, существуют только «некоренные» социальные причины, которые могут быть постепенно разрешены в рамках существующего социалистического общества...

С делом Дьякова-Тонетова, родившимся из

---

* 30 декабря 1988 г. бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Чурбанов был осужден Верховным Судом СССР за взяточничество и злоупотребление властью и приговорен к 12 годам лишения свободы. («Известия», 1. 01. 1989 г.)

«некоренных социальных причин», я познакомился в качестве адвоката: ко мне обратилась жена того самого Саркисяна, которого упомянул Дьяков во время подслушанной гебистами встречи с Тонетовым. С самим же Дьяковым я был знаком давно: принимал от него как от старшего следователя дела, когда в 1964 году из Свердловской перешел в Ленинскую прокуратуру Москвы. Стройный, подтянутый, с неулыбчивым лицом Дьяков производил впечатление серьезного человека. «Ух, и строгий этот высокий прокурор!» – слышал я от посетителей, выходивших, вытирая холодный пот, из его кабинета.

Карьеру Дьяков сделал очень быстро. Из районной прокуратуры его перевели в городскую. Прослужив там несколько лет прокурором отдела по надзору за органами внутренних дел, он был назначен начальником этого отдела, призванного следить за тем, чтобы московская милиция не допускала никаких отступлений от закона. Дьяков проверял законность возбуждения уголовных дел, правильность отказа в возбуждении дел, обоснованность их прекращения. Он же давал санкции на арест или определял другую меру пресечения. В процессе работы он постоянно сталкивался с упомянутыми сотрудниками милиции Мани, Красулей, Ивлевым. Дьяков был им нужен позарез. Купив его, они могли действовать не опасаясь разоблачения. И своей цели они добились: перед пачкой из сторублевок прокурор не

устоял. После этого группа Мани развернулась во всю.

*

Вот как, например, друзья Дьякова «доили» карточных жуликов.

Мастера игры в «двадцать одно» ездили на заработки к морю, в Сочи. Один из наиболее ловких и удачливых шулеров Алик Попов, в прошлом довольно известный боксер, в разгар курортного сезона за месяц «зарабатывал» до двадцати тысяч рублей.

Советский гражданин, обманным путем завладевший чужой собственностью, может быть осужден, в соответствии со статьей 147 Уголовного кодекса, на срок до десяти лет. Но игроки просто откупались от оперативных сотрудников управления внутренних дел и фактически содержали их весь летний сезон. Попов, пока его все же не посадили, заплатил сотрудникам ОБХСС в общей сложности около десяти тысяч рублей. Его партнер Юрий Егоров – пятьдесят тысяч, а их босс, организатор мошеннической шайки Михайлов, за десять лет шулерской карьеры переложил в карманы Дьякова и его прокурорско-милицейской мафии не менее ста тысяч рублей.

*

Другой надежный способ заработка предложили Дьякову работники милицейской

службы, наблюдающей за порядком на транспорте. Многие офицеры этой службы ОРУД— ГАИ за взятки прекращали преследование водителей, повинных в небольших авариях, составляя фальшивые протоколы. Водители с готовностью давали взятку, лишь бы не лишиться водительских прав и избежать иных неприятностей.

К слову сказать, из этой группы со временем отпочковалась другая, связанная с нею несколькими лицами - инспекторами ОРУД- ГАИ, избежавшая разоблачения по делу Дьякова и Тонетова.

Действия «гаишников» из группы Дьякова были детской игрой по сравнению с тем, чем занимались разоблаченные через несколько лет после описываемых событий семеро сотрудников Московской автоинспекции, чье дело разбиралось Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда. Эти семеро ночью останавливали автомобили, убивали водителей и сбрасывали их тела в канализационные колодцы. Они убили в общей сложности тридцать пять человек. Машины перекрашивали, номера на двигателях высекали новые, изготавливали новые документы. Затем машины отвозили в Грузию, Армению или в Прибалтику и продавали по цене, превышающей нормальную.

Инспекторы добывали деньги и другим методом: брали взятки с людей, желающих получить водительские права. Можно было не сдавать экзамен, достаточно вручить

нужную сумму денег – двести или триста рублей – нужному человеку. Чаще всего преподавателю автошколы. Следствие установило, что более десяти тысяч москвичей «сдали» экзамен таким способом.

*

Виктора Красулю я знал лучше других. Этого плечистого майора внутренней службы, бывшего начальника отдела в городском управлении внутренних дел, я, как адвокат, защищал в Волгоградском районном суде Москвы в июне 1976 года. Ко мне обратились его родители: отец – генерал авиации и мать – руководитель комиссии по выезду за рубеж Волгоградского райкома партии. В метро, на перегоне между между станциями Текстильщики и Волгоградский проспект, майор в пьяном виде снял туфли с пассажира, тоже пьяного.

– Ума не приложим, – сокрушались старики, – как могло случиться, что наш сын стал вором?

Сначала я и сам недоумевал. Но постепенно мне многое стало яснее. Поздними вечерами, когда и коллеги, и посетители покидали юридическую консультацию, я подолгу беседовал с Красулей.

В семье Виктору внушали, что надо быть честным, искренним, верить в идеи и дела компартии, поскольку все, что ни делает партия – правильно. Однако еще будучи пио-

нером, Красуля стал замечать то, чего не желали видеть его ортодоксальные родители.

Когда же после окончания юридического факультета он пришел на службу в городскую милицию, то с удивлением обнаружил, что защитники закона нарушают закон с легкостью необычайной.

– Поедешь с майором Ивановым сопровождать груз! – как-то приказал ему генерал.

– Слушаюсь, товарищ генерал! – взмахнул под козырек Красуля.

Новоиспеченному лейтенанту уже чудилось сверхответственное задание. Может быть, охрана золотого запаса державы!

Когда же в конце четырехдневного путешествия пьяненький майор Иванов выболтал ему истинную цель их миссии, Виктору стало дурно. Оказалось, что они сопровождают «левый» товар – алмазы, незаконно вывезенные с Севера. Они, люди в серых шинелях, нужны были только для того, чтобы в пути – в аэропорту или в самолете – не прицепились к грузу другие люди в серых шинелях. Те, кто разыскивал партию похищенных алмазов.

Красуля втянулся в пьянство. В беспробудное советское пьянство. Ведь у нас до горбачевской кампании по борьбе с пьянством пили везде и по любому поводу: в советских учреждениях и предприятиях, в колхозах и совхозах. И в рабочее время, и в праздники. Красуля пил даже больше других: его томила тоска. Он стал жить

двойной жизнью. С одной стороны, он был смелым решительным офицером. Я читал газеты, в которых Красуля фигурировал как один из лучших работников милиции страны. «Известия», «Вечерняя Москва», «Московская правда» рассказывали, как этот бесстрашный сыщик проник в шайку воров под видом связного и организовал задержание бандитов, у которых обнаружили двадцать семь килограммов платины. В другой статье сообщалось о перестрелке, которую вел Красуля с торговцами наркотиками – и в конце концов задержал вооруженных бандитов.

Но одновременно Красуля опускается до того, что ведет допросы в нетрезвом состоянии. Потом начинает пить даже с обвиняемыми. Его переводят в госавтоинспекцию. Потом в Бутырскую тюрьму для связи с агентами, которых подсаживали в камеры.

– В тюрьме, – говорил Красуля, – мне было хорошо... Спокойно было, как в монастыре... Много добра мог делать. Многим помог передачами, медсанчастью, направлением в хороший лагерь, нужными характеристиками... Конечно, не бесплатно. Матери, отцы и жены заключенных денег не жалеют...

В тот период, когда майор совершал благодеяния узникам Бутырки, его и задержали в метро с украденными туфлями.

*

А вот эпизод из «работы» другой мафии, угнездившейся у самых верхов власти.

В прокуратуру Свердловского района Москвы поступил материал о недостаче кровельного железа, древесины и других строительных деталей. Прокурор района Федор Анисимович Евсюнин, закончив очередное оперативное совещание, подозвал меня к своему столу и вручил этот материал.

Дел о хищениях я расследовал несчетное множество. Почему же я хочу рассказать именно об этом?

Потому что строительные материалы были похищены из Комитета государственной безопасности СССР. Одного железа было украдено около двадцати грузовиков.

Как обычно начинается расследование подобного рода дел? С приглашения на допрос руководителя учреждения. Но, увы, не каждого начальника может пригласить следователь для дачи показаний. Мне приходилось расследовать преступления, для раскрытия которых просто необходимо было бы допросить Хрущева, Брежнева, Косыгина, Суслова, Подгорного. Но я, конечно, даже и не помышлял об этом. Нередко требовалось получить показания свидетелей, которые входили в состав Совета министров, занимали министерские кресла. В таких случаях мое прокурорское начальство заявляло: «Делайте на свой страх и риск! Можете беседовать с союзным министром, а можете и не беседовать. Но предупреждаем: если на вас поступит жалоба из ЦК, не сносить вам головы!»

Итак, о том, что следовало бы опросить председателя КГБ или его заместителей, я даже не заикнулся. Я вызвал лишь начальника Хозяйственного управления КГБ СССР. Полковник госбезопасности Сергей Баранов внешне похож на американского актера русского происхождения Грегори Пека. Высокий, с умным и тонким интеллигентным лицом. Со спокойными, вкрадчивыми манерами.

– Как вы полагаете, товарищ полковник, каким образом было украдено такое значительное количество строительных материалов? – спросил я.

– Думаю, товарищ следователь, что это сделали рабочие. Руководство нашего комитета уполномочило меня просить вас, товарищ следователь, привлечь к ответственности тех из рабочих, кто виновен в этом хищении. Хочу сказать, что наше управление ведет строительные работы в самом центре города. Знаете, мы не экономим материалы, ну, как гражданские тресты. Мы, знаете, не дрожим над каждым кирпичем, доской или листом железа. Правительственные организации снабжают нас всем необходимым. В текучке, когда голова, знаете, забита сложными проблемами, я не могу уследить за каждым. За каждым рабочим. Думаешь лишь о том, как бы сдать к сроку важный объект... Какой именно объект? Извините, но этого я не имею права сказать даже вам, товарищ следователь. Хотя я вам, конечно, доверяю.

– Ваш секретный объект меня и не интере-

сует, – буркнул я. – Меня интересует железо.

– Вот и отлично! – с легкой издевкой в голосе поддакнул полковник, поднимаясь с места. – Вы вполне сможете удовлетворить свое любопытство, изловив тех, кто его украл.

Великую тайну «секретного объекта» я узнал уже на следующий день.

– Подземный туннель от Кремля к площади Дзержинского строим... – сказал вызванный на допрос рабочий.

– А железо зачем? – удивился я.

– Стены обшиваем, чтобы прочней.

В течение месяца я допросил более ста рабочих и инженеров секретного объекта. Все утверждали, что вынести из тщательно охраняемого подземелья ничего нельзя. «Но куда же делись целых двадцать машин железа, – думал я. – Не провалились же сквозь землю?»

Я решил провести повторную документальную ревизию. И пока делалось дело, чуть ли не каждый день я слышал в телефонной трубке голос Баранова, удивлявшегося моей медлительности и нерасторопности.

– Не обижайтесь, – заявил он мне в конце концов, – но мне придется пожаловаться на вас прокурору города. Уже конец года, нам нужно списать это проклятое железо, а вы все возитесь!

Но вот акт ревизии наконец у меня на

столе. Он свидетельствует о том, что железо и остальные строительные материалы были получены на складе и завезены во двор Комитета государственной безопасности по адресу: город Москва, площадь Дзержинского, дом 2. Но оттуда его не вывозили и в подземный переход не отправляли. Значит, ни рабочие, ни прорабы украсть материалы не могли! А это означало, что воров надо искать на самом «дворе», то есть среди сотрудников КГБ. Но как узнать, зачем им понадобилась такая прорва железа?

Помог мне случай: когда я просматривал путевые листы автомашин, выезжавших с территории Комитета, то в нескольких документах значился адрес: поселок Кубинка, дачный кооператив КГБ СССР.

Допрашиваю водителей грузовиков.

– Свидетель Сидоров, вы возили стройматериалы в дачный поселок Комитета госбезопасности?

– Возил, конечно.

– Где брали?

– На складе, на Лубянке, во дворе КГБ.

– Кто отпускал материалы?

– Кладовщик.

– Кто отдавал распоряжение?

– Полковник Баранов.

– Почему же вы это на прошлом допросе не сказали?

– А вы не спрашивали... Вы туннелем интересовались. Спросили бы о дачах, я бы сказал. А так зачем? Нас не спрашивают,

мы молчок. Мы к этому привыкшие.

На следующей неделе, выпросив в Мосгорпрокуратуре машину, я съездил в Кубинку. Шоферы показывали дачи, для которых они возили материалы.

– Вот эта принадлежит генералу Перепелицыну. Вот в том зелененьком особнячке живет полковник Баранов. А в этом – один из заместителей председателя КГБ.

Нетрудно догадаться, что дальнейшее расследование дела пошло под откос. По причине «сугубой секретности» мне было отказано в выдаче документации.

В ответ на мое письмо председателю КГБ, в котором я указывал, что железо было разбазарено начальником Хозяйственного управления и его работниками, – что подпадало под действие статьи 170 Уголовного кодекса, – мне позвонил генерал-полковник Перепелицын.

– Видите ли, мы не можем выполнить ваше требование о выдаче документации. Вы запрашиваете все пропуска в наше здание за несколько месяцев... А к нам приезжают люди со всего света. И засветить их мы не можем даже по приказу ЦК или Политбюро... Разрешите нам, товарищ следователь, навести порядок в собственном доме... Я пришлю сейчас к вам своего следователя по особо важным делам. Он заберет у вас дело.

Через полчаса ко мне в кабинет зашел генерал-майор, держа в руках бумагу с подписью заместителя Генерального проку-

рора. В ней была резолюция: «Немедленно отдайте дело о недостаче в КГБ»...

Так я расстался с «железом»...

*

От должностных преступлений страдают не только государственные организации и отдельные лица, но и общество в целом. В результате хищений оно лишается значительной части национального продукта, и, что не менее важно, терпит огромный моральный ущерб. Какие чувства испытал бы «простой советский человек», если бы ему дали прослушать магнитофонную запись начальников следственных отделов прокуратур города Москвы и Московской области, сделанную работниками госбезопасности. Запись эта фигурировала на суде в качестве доказательства.

Говорит Владимир Выборнов, начальник следственного отдела областной прокуратуры, кандидат юридических наук, доцент и, конечно, член КПСС:

– Алло! Привет, Саша! Выборнов говорит. Как дела?

Александр Михайлов, начальник следственного отдела городской прокуратуры, кандидат юридических наук, доцент, тоже член КПСС, отвечает:

– Башка трещит. Вчера надрались как черти на банкете у Трегубова, начальника Главторга.

– Понятно. Да я не об этом спрашиваю. Саша, у тебя партийная совесть есть?

– Извини, Володя, не понимаю. Ты о чем?

– Где, вашу мать, наша доля из областного психдиспансера, а?

– А вы-то здесь при чем?

– А при том, дорогой, что это мой следователь Курбанов убрал кое-кого из дела. А торгаши не нам, а вам деньги отдали. Ошибочка в объекте, так сказать, вышла. Так что уж, пожалуйста, исправь ее. Я знаю, что у тебя партийная совесть есть. Так?

Михайлов (смеется):

– Так! Вы, черти, своего не упустите...

– Что верно, то верно! Чужого не нужно, но и своего не отдадим. Так что сегодня пятьдесят тысяч подкинешь?

– Подкинем...

*

Член Московского городского суда Сергей Трепов брал взятки прямо в совещательной комнате перед оглашением приговора. Горе тому спекулянту или хищнику, который загодя не приносил требуемой суммы!

Судья Энгельс Карпов не возражал, если ему вместо денег предлагали хорошенькую девочку.

Судьи Советского района Москвы получали взятки через посредников – секретарей, судебных исполнителей, адвокатов. Любопытный штрих: Выборнов порой даже не знал о взятках, которые получал. Он был

очень занят: вел курс судебной этики во Всесоюзном юридическом заочном институте (ВЮЗИ). Его жена, энергичная молодая женщина, на даче в Расторгуево собирала подчиненных мужа – следователей областной прокуратуры и отдавала распоряжения: это дело прекратить, взяв с виновных такую-то сумму; с этими связываться не стоит, не те люди – продолжать расследование и т. д. и т. п.

Мафия дошла до того, что вышла из повиновения партийной власти: обком отдавал приказ, но его не исполняли. А уж до такой степени у нас в СССР забываться не положено! Выборнов и двадцать пять его подчиненных попали под суд вовсе не потому, что устраивали ночные кутежи с актрисами, а из-за того, что нарушили правила игры: игнорировали распоряжения партийных властей.

*

...В мой кабинет входят двое.

– Знакомься. Это следователь Дзержинского района Крылов. Пусть покамест у тебя посидит, – говорит мне начальник следственной части Московской городской прокуратуры Леонид Пархоменко.

– Пусть посидит, – отвечаю я, – мне веселее будет.

К исходу третьего часа нашего совместного сидения, Крылов подходит к столу, чтобы выпить воды из графина, но потом вдруг

поворачивается и выбрасывается через открытое окно. Кабинет мой в горпрокуратуре – на третьем этаже. Я выбегаю на улицу. Крылов жив, но лежит недвижимо и слабо стонет. Кто-то вызывает «скорую помощь».

Вскоре мне поручают ведение дела Крылова. Не за прыжок в окно: за желание покончить собой в СССР не судят, как в Англии («за оскорбление ее величества!»). Крылов обвиняется во взяточничестве. Но ведь в органах прокуратуры Крылов работал всего... два дня! Понятие «преступник» не вяжется с его внешностью: благообразная бородка, благородная седина в висках, элегантные роговые очки. – Кем вы работали до того, как перешли в прокуратуру, и где? – начинаю я допрос.

– Работал я пятнадцать лет референтом Президиума Верховного Совета Союза ССР.

– А взятки где начали брать?

– Там же.

Вот ведь куда добралась мафия, «свившая свои гнезда буквально во всех областях жизни США»...

АЛЕКСИЙ ИЛИ ПИТИРИМ?

Я болен. У меня не туберкулез, не рак, даже не банальная простуда. От моей болезни, которая называется фрустрация, не умирают. Бывает, правда, спиваются. Ибо фрустрация - чувство крушения, болезнь совести. Ею часто страдают судейские чиновники: слишком велик разлад между нравственными требованиями, которые ты ставишь себе сам, и действиями, на которые толкает тебя советская система. Даже самые крупные специалисты не знают, почему фрустрация, «стресс рухнувшей надежды», со значительно большей вероятностью, чем стресс от чрезмерной мышечной работы, приводит к заболеваниям - язве желудка, мигрени, высокому кровяному давлению и даже просто повышенной раздражительности.

Приходя на работу, я открываю сейф, выволакиваю на свет Божий дела, укладываю их в стопки, сортирую, рассматриваю, изучаю. Я мог бы мгновенно разложить их на три неравные части согласно моей концепции о существовании в советской правовой системе трех форм законности: одна для простых людей, вторая для тех, кто сейчас у власти, и третья - для политических противников. Сейчас я бы все это разложил «по науке» и,

быть может, немного успокоился. Но тогда, в конце шестидесятых годов, мне еще не приходило в голову, что я живу и действую в рамках безнравственной и беззаконной системы. Мне казалось, что все дело в людях. И я обвинял их, а не политическую систему, которая, как я потом понял, делает советских людей несчастливыми. Тогда же я считал, что это плохие люди заставляют меня действовать вопреки моим убеждениям, мешают свершаться правосудию. Считал, что мне не везет с начальством, что следственная работа слишком жестока и груба, что она не по моему характеру.

И я решил уйти из прокуратуры, стать адвокатом. В адвокатуре, думал я, все-таки больше возможностей служить справедливости, как я ее понимал. Жизнь снова посмеялась надо мной. Впрочем, что такое жизнь, как не постепенное избавление от иллюзий?

*

Между тем, стрелка часов приближается к десяти утра. Я убираю папки обратно в сейф и оставляю на столе только одну. В ней собраны материалы по делу о злоупотреблениях в Московской епархии. Я жду в гости митрополита Московского Алексия.

Я тщательно изучил акт документальной ревизии, утвержденный Патриархом всея Руси. Составил план допроса и вчера в полдень уже беседовал с Сергеем Михайло-

вичем – так зовут в миру митрополита. Договорились, что он прибудет в десять. Из задумчивости меня выводит телефонный звонок.

– Прокуратура? Это старший следователь Ленинского района?

– Верно.

– Вы ждете митрополита Алексия?

– Простите, но с кем имею честь говорить?

– Моя фамилия Иванов. Я инструктор отдела административных органов ЦК КПСС.

– Очень приятно. Здраствуйте, товарищ Иванов, чем могу...

– Я хочу вас проинформировать, что митрополит, очевидно, к вам сегодня не придет. И вообще мы вам не рекомендуем вызывать на допросы Сергея Михайловича. Обойдитесь как-нибудь без него...

– Но это невозможно!

– Тогда вот что, – трубка некоторое время молчит, – приезжайте завтра к нам, в ЦК. Мне нужно с вами поговорить. Пропуск на одиннадцать возьмете в бюро пропусков. Договорились? Жду.

Положив трубку, я задумался, стараясь понять, что нужно от меня Иванову. Вспоминаю, с чего началось «церковное дело».

*

В двухстах метрах от Зубовской площади, где помещается наша прокуратура, буквально

за углом, на Смоленском бульваре, стоит приземистый особняк Совета по делам религий при Совете Министров СССР. В этом старинном здании и началось то, о чём пойдет речь.

Когда прокурор Ленинского района Леонид Пархоменко сказал, что мне нужно принять в производству «церковное дело», я удивился. Еще в средней школе мне разъяснили, что Церковь в СССР отделена от государства, а школа – от Церкви. С чего это вдруг прокуратура полезет в церковные дела? Пусть служители культа сами в своих делах разбираются...

– Сходи к Гольсту. Он тебе все объяснит, – сказал прокурор.

Начальник юридического отдела Совета по делам религий при Совете Министров СССР Георгий Робертович Гольст встретил меня радушно. Начальником отдела в государственном учреждении, ведающем всеми религиями в Советском Союзе, он стал совсем недавно, уйдя в отставку. До этого он много лет проработал в Прокуратуре Союза ССР. А в тридцатые годы прославился как наиболее удачливый следователь по важнейшим делам.

– Понимаете, коллега, – нараспев сказал бывший прокурорский генерал, – есть интереснейшее дело! – Гольст искоса, как орел на орленка, глянул на меня. Он ожидал, что услыхав «интересное дело», я бурно прореагирую.

– Ну и что?

– Можете отличиться!

– Я уже отличался. Много раз...

Гольст явно не слышит иронии в моем голосе.

– Еще раз отличитесь, чем плохо?

И Гольст посвящает меня в курс дела.

Во время ежегодной документальной ревизии издательского отдела Московской Патриархии выявилась крупная недостача денег и ценностей у заведующей экспедицией Богомоловой. Обычно Патриарх сам разбирается со своими подчиненными. Но на сей раз Совет по делам религий неожиданно решил передать дело следственным органам. И счастье, как выразился начальник юротдела, привалило именно мне.

– Действуйте по закону, милейший, – заключает Гольст. – И чтоб никому никакой поблажки! Пусть, наконец, епископы поймут, что наши советские законы и для них писаны.

– А по какой статье уголовного кодекса, Георгий Робертович, рекомендуете привлекать виновных? – смиренным голосом спрашиваю я, зная, однако, какая мина заложена в этом вопросе.

– Привлекайте, милейший, как расхитителей общественной собственности. Ну, скажем, как колхозников, по статье девяносто второй.

– Побойтесь Бога! Какие же они колхозники? Они епископы да митрополиты!

– Митрополиты тут ни при чем, – начи-

нает злиться Гольст, – речь идет о казначее Богомоловой. Впрочем, о епископе Питириме тоже... В особенности о нем, – с каким-то непонятным мне нажимом произносит Гольст.

– Но церковные и религиозные общества не являются юридическими лицами, тем более, что согласно декрету правительства они не имеют права владеть собственностью. А раз собственности нет, – ехидно заключаю я, – то и расхищать нечего!

– Хорошо, хорошо, – раздраженно говорит Гольст, – давайте считать церковную собственность личной собственностью граждан. А дело возбуждайте по сто сорок четвертой статье уголовного кодекса, как о тайном похищении личного имущества граждан.

– Вот это дело другое, – говорю я, испытывая удовлетворение от маленькой победы над старым законником.

– И учтите, – заканчивает разговор Гольст, – дело это уникальное, так что мы с вами в некотором роде Колумбы.

Потом он ведет меня знакомиться с председателем Совета Куроедовым. И из разговора с ним мне становится ясно, что ни Куроедова, ни его заместителя Бражника вовсе не интересовала недостача в Патриархии. Речь они вели о том, что девяностолетний Патриарх всея Руси Алексий доживает последние дни в своей белокаменной даче в Одессе. И мысли партийных руководителей церковной жизни были заняты подысканием кандидатуры для нового главы Русской Пра-

вославной Церкви. Дело о хищении в экспедиции Патриархии имело, как я догадался, с этим какую-то связь. Но какую? Понять этого я тогда не смог.

– Держите нас в курсе дела, – сказал на прощание Куроедов.

И я откланялся, все еще недоумевая: зачем понадобилась ЦК компартии вся эта возня? Понял я лишь одно: сам Совет по делам религий не отваживается возбуждать уголовное дело, поскольку в нем наверняка замешаны высокопоставленные церковные деятели.

*

Итак Гольст назвал дело о разбазаривании денег в Патриархии «интересным». Но «интересных» дел в моем портфеле было штук пятнадцать. И пришлось сначала заняться пожаром на киностудии «Мосфильм» и издательством «Прогресс», где завотделом Марченко загребал (до поры до времени) небывалые гонорары за книги и статьи, которых никогда не писал. Там «горели» сроки и теребило начальство.

Наконец, разгрузив один из вечеров, я сел за «церковное» дело.

В течение нескольких лет, сообщал акт ревизии, утвержденный самим Патриархом, в управлении делами Московской Епархии и издательском отделе Московской Патриархии царила неразбериха. В результате образовалась недостача на 165 тысяч рублей. В эту

сумму не входили подарки иностранным гостям Церкви, воистину царские премии для приближенных. Все это, разумеется, черпалось из единственного источника – из денег прихожан.

Вот выдержки из некоторых приказов по Патриархии:

«В связи с 50-летием Октябрьской социалистической революции вынести благодарность и выдать премию в размере 10 тысяч рублей казначею Московской Епархии Богомоловой Ефросинии Федоровне.

Наградить также денежной премией в размере 10 тысяч рублей каждого – сторожей, секретарей, членов Святейшего Синода».

«К празднику трудящихся 1 мая подарить бриллиантовое украшение и драгоценные изделия стоимостью 27 тысяч рублей – гостям, приехавшим на чествование Патриарха Всея Руси.

Наградить личного шофера Митрополита Московского ценным подарком стоимостью 3 тысячи рублей».

«Выделить 15 тысяч рублей на проведение банкета ко Дню 8 марта».

«К празднику трудящихся 1 мая выдать премию в размере 15 тысяч рублей Митрополиту Московскому».

«К международному женскому Дню 8 марта наградить матушек Екатерину и Анну ценными подарками, а также деньгами, выдав каждой по 10 тысяч рублей».

Московская епархия щедро одаривала и

иностранных православных коллег. Греческой Церкви пожалован серебряный с драгоценными камнями оклад для Евангелия. Болгарской церкви – каменные потиры в серебряной оправе, в XIV веке принадлежавшие архиепископу Новгородскому, серебряные бармы, золотые колты и дробницы с перегородчатой эмалью, серебряные подсвечники и блюдо ажурной работы. Польской православной делегации – эмалевый портрет Екатерины Второй на серебряной панагии, серебряные с чернью ставцы работы XVII века, золотые ковши московских князей.

Не обижали и представителей других религий: мусульман, буддистов, иудаистов. Коль скоро приезд какой-либо делегации санкционировался ЦК КПСС и Советом Министров СССР, то на приемах посланцам стран, народов и верований вручались сувениры, которым не было цены.

Понемногу я стал понимать, почему результаты ревизии взволновали Совет по делам религий. Советское государство, которому принадлежало все в стране, считало своими и церковные ценности и не собиралось позволить раздавать их бесконтрольно. Меня, разумеется, особенно интересовал тот раздел ревизионного акта, где речь шла о казначейше Богомоловой и о начальнике издательского отдела епископе Питириме. Богомолова воровала, а Питирим, как установили церковные ревизоры – группа епископов во главе с Митрополитом Московским

Алексием, тезкой патриарха – ей во всем потакал.

Богомолова оказалась высокой женщиной чуть за пятьдесят. На Руси много таких: дебелых, степенных, уравновешенных. Я усадил ее за стол и попросил изложить причины отстутствия в казне ста шестидесяти пяти тысяч рублей. Она объяснила. Признаюсь, ни одному ее слову я не поверил. Из показаний Богомоловой, занимавшей два поста одновременно, казначея в Московской Епархии и заведующей экспедицией издательства Патриархии, вытекало, что, собственно говоря, никакой недостачи ни в Епархии, ни в издательстве и не было. Просто начальство раздало деньги и ценности, не выписав оправдательных документов. Если Богомолова, по ее словам, и была в чем-то виновата, то разве что в халатности, поскольку ни гроша от православных она в свой карман не положила.

После обеда допрашиваю Питирима.

– Милости просим, батюшка!

У меня нет опыта общения со священнослужителями и я не знаю, что его надо величать «владыкой».

Епископ усмехается:

– Можете называть меня по имени-отчеству. И вообще, забудьте на время, что я особа духовного звания: кроме богословской, у меня защищены еще две докторские степени – по философии и по физике.

Высокий, благообразный, с длинной боро-

дой, он заполняет собой чуть ли не весь мой кабинет.

– Вопросы можете не доставать, – перехватив мое движение в стол за конспектом, говорит Питирим, – я их знаю заранее.

– Что вы можете сказать по поводу недостачи? – задаю я первый вопрос, делая вид, что меня не смутили его слова.

– Только одно: это не кража. Это – политика!

– Но как вы понимаете, у нас не политическое ведомство, а общеуголовное, – возражаю я.

– Так-то оно так, но... Хорошо, объяснюсь подробнее. Хотя думаю, что вы и так все понимаете. Богомолова здесь ни причем. Также как и я. Наше издательство подчиняется митрополиту Московскому. Он – Совету по делам религий. Совет же юридически – Совету министров страны, а фактически – административному отделу ЦК КПСС. Все, что мы делаем, свершается по воле Господа и... Политбюро. Никакого самоуправства мы себе не позволяем. Что касается денег и ценностей, то ни одна копейка без позволения митрополита не ушла. Так что у него ищите. А не у меня с Богомоловой.

Он явно намекал, что мне следует провести обыск у митрополита. Но я все-таки решил сначала поинтересоваться квартирой Богомоловой. Если бы я не помнил своего «кубанского детства» и «подмосковного отрочества», я бы, вероятно, опять бросился в

лобовую атаку. Но теперь – дудки. Никуда не брошусь. У меня, как говорится, тоже жена и дети. Неприятностей больше не хочу. Сыт по горло.

...Ресторан одной из самых фешенебельных гостиниц Москвы «Советской». В отдельном кабинете идет веселая пирушка. По произносимому кем-то тосту легко понять, по какому поводу ее устроили.

– Дорогой Юра, разреши от всей души поздравить тебя с защитой кандидатской диссертации и пожелать в недалеком будущем следующей защиты – докторской!

– Извините, можно вас на минуточку?

– Кого, меня? – спрашивает Юра.

– Нет, вашу матушку.

Я выхожу с Богомоловой, мамашей виновника торжества, в фойе.

– Понимаю, что вам это неприятно. Но я должен увезти вас с собой.

Богомолова возмущена:

– Почему сейчас? Вы же видите, у нас в семье такой праздник!

– Вот ордер на обыск в вашей квартире...

Улов богатый. Золотые изделия, изумруды, александриты, аметисты, серебро, жемчуг, янтарь. Табакерки, ковши, иконы и много других вещей и вещиц, названий которых я не знаю и по сей день, нашел я на даче Богомоловой в подмосковном дачном поселке Малаховка.

Вот протокол обыска:

15 марта 1969 года,
пос. Малаховка Люберецкого района
Московской области.

Я, старший следователь прокуратуры Ленинского района города Москвы, младший советник юстиции, с участием представителей милиции и понятых, на основании своего постановления от 14 марта сего года, в соответствии со статьями 169–171 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, произвел обыск на даче гражданки Богомоловой Ефросинии Федоровны, о чем составлен настоящий протокол. Богомоловой и понятым согласно статье 169 УПК РСФСР было разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий.

Богомоловой в порядке статьи 170 УПК РСФСР было предъявлено требование о выдаче денег, облигаций и ценностей. Ввиду того, что Богомолова отрицала наличие у нее денег, облигаций и ценностей, на ее даче был произведен обыск. В ходе обыска применялись поисковые средства: металлоискатель электрического типа, предназначенный для розыска металлических предметов, намеренно скрытых в труднодоступных местах, магнитный искатель, а также микрометр и аналитические весы.

В результате обыска обнаружено:

1. В саду под собачьей будкой в земле сундук, внутри которого находились пятьде-

сят четыре предмета, выполненных из золота, серебра, платины и драгоценных камней, на общую сумму приблизительно 250 тысяч рублей.

2. В саквояже, найденном в мусорном ящике, облигации золотого займа на сумму в 25 тысяч рублей.

3. На письменном столе обнаружена телеграмма, отправленная из Ярославля и подписанная «Павел». Текст телеграммы: «Выезжаю Москву срочному делу. Встреча 17 марта музея Пушкина».

Места обнаружения предметов и указанные предметы были сфотографированы, сделано 10 снимков. Перечисленные выше предметы и ценности были предъявлены Богомоловой Е. Ф., которая заявила, что вещи и ценности принадлежат не ей, а ее дяде – Митрополиту Тульскому. Все ценности изъяты. Обыск производился три часа, при электрическом освещении...

*

Для меня наступили трудные дни. Надо было разобраться, кому же в действительности принадлежат ценности: Церкви, Митрополиту Тульскому или самой Богомоловой. Как закончить это дело, чтобы не обжечься? Меня, естественно, заинтересовала телеграмма из Ярославля: почему этот «Павел» не хотел появляться на квартире Богомоловой? Надо срочно «организовать» встречу у музея Пушкина.

Павел оказался художником-реставратором Царевым, который в группе других художников восстанавливал и ремонтировал православные храмы. На первый взгляд связи между деятельностью художника и преступной деятельностью Богомоловой не было. Однако связь была: Богомолова как казначей епархии ведала выплатой заработной платы реставраторам и художникам, которые делали кресты и вели белокаменные работы. Была связь и с мастерами, которые изготовляли иконы, свечи, ладанки, крестики: получив выгодный заказ от руководителей епархии и, следовательно, большие деньги из кассы, художники и ремесленники не забывали матушку-казначейшу: Павел Царев приехал в Москву за тридцатью тысячами для артели, из которых пять должны были пойти Богомоловой.

Казалось, чего ждать? Богомолова изобличена. Можно идти к прокурору за санкцией на арест.

Но здесь-то все и началось. Прокуроры Мальков и Пархоменко просили повременить, так как получили соответствующие рекомендации от Прокуратуры СССР.

Звонил Куроедов, звонил Гольст. По всему выходило, что Совет по делам религий бухнул в колокола, не глянув в святцы. А теперь бьет отбой.

А Богомолова, которая сначала упрямо молчала, теперь начала давать показания, от которых голова буквально шла кругом.

Взятка – вот что было движущей силой в работе партийных руководителей, поставленных осуществлять связь между Церковью и государством. Особенно, по словам Богомоловой, усердствовал Трушин, уполномоченный Совета по делам религий по Москве и Московской области.

– Неужели берет взятки? – удивился я.

– Еще как! По-крупному берет! С мелочью не подходи!

Но все, что мне раскрыла Богомолова, я слушал с чувством полной безнадежности: мне было ясно, что влиятельные режиссеры из-за кулис намереваются спустить дело на тормозах.

*

С тяжелым чувством вошел я на следующий после телефонного разговора день в приемную инструктора административного отдела ЦК КПСС Альберта Иванова. Розовощекий капитан в зеленом мундире вежливо попросил предъявить партийный билет.

– У меня пропуск и удостоверение прокуратуры, – объясняю я.

– Этого мало! Для Центрального Комитета все равны, – поучает он, – и прокуроры, и министры, и рабочие. Без партбилета никак нельзя, не положено.

Любят в нашей стране демагогию. Каждому ясно, что прокурор, министр и рабочий – отнюдь не ровня. А будут делать вид, что это именно так... Когда я все же отыскиваю свой

партбилет, то оказывается, что в нем не отмечена уплата партвзносов за последний год. Капитан стыдит меня, но пропускает.

– Здравствуйте, я из Ленинской прокуратуры.

– Здравствуйте, товарищ следователь. Садитесь. Отдыхайте, а я сейчас вернусь, – говорит Иванов.

Минут через пятнадцать он возвращается. Садится за свой стол. Вертит задумчиво карандаш. Потом поднимает на меня глаза:

– Я только что советовался по вашему делу с заведующим отделом...

– Я в тупике, срок следствия истекает, а я не знаю, какое решение принять, – как можно спокойнее говорю я. – То ли думать о судебной перспективе, то ли наоборот – о прекращении дела.

– Понимаю вас, – серьезно отвечает Иванов. – Вы правы в своих сомнениях. Нам представляется, что Гольст поторопился с передачей этого материала к вам, в прокуратуру. Хотя, конечно, он не мог предвидеть, что там замешаны некоторые очень высокие персоны. Попытаюсь объяснить вам, в чем дело. То есть необычность этого дела. Патриарший престол должен вот-вот освободиться. У нас, в ЦК КПСС, уже согласована кандидатура нового главы Православной Церкви. Им должен быть Митрополит Московский, человек преданный партии. Но Святейший Синод, сановные старики, а с ними нельзя не считаться, категорически против.

Они думают, что если человек близок к ЦК, то он уж чуть ли не член партии. Хотя, поверьте мне на слово, это совсем не так. У Синода своя кандидатура. Насколько нам известно, это епископ Питирим, человек умный, но... Но малоуправляемый! Теперь, надеюсь, вам яснее, что к чему? Словом, мы не возражали, когда Куроедов предложил передать на расследование дело Богомоловой. Но слишком далеко заходить тоже было бы неблагоразумно. Достаточно, чтобы кандидатура Синода оказалась в известной степени скомпрометированной. Однако совсем уж загонять святых старцев в угол тоже было бы неправильно. – Иванов коротко и неприятно засмеялся. – Загнанные в угол начинают кусаться! Словом, наше мнение: Богомолову судить. В отношении епископа Питирима материалы выделить и направить обратно в Совет по делам религий. Пусть решают сами!

На этом мы с Ивановым расстались навсегда. А на следующее утро дело Богомоловой у меня отобрали. Передано оно было старшему следователю Московской городской прокуратуры Александру Шпееру. Он считался (и до сих пор считается) наиболее «понятливым» следователем в Москве.

Через год, когда умер Патриарх Алексий, новым Патриархом Всея Руси стал Митрополит Московский Алексий под именем Пимена. Епископ Питирим, хотя и выдвигался Святейшим Синодом на этот высокий пост, был отведен, как скомпрометировавший себя чело-

век. Как только ставленник Центрального Комитета КПСС занял патриарший престол, дело Богомоловой было спешно прекращено. Думается, что партийные боссы испугались, как бы Богомолова не наговорила лишнего и на нового главу Русской Православной Церкви...

«КОМИТЕТ ПАРТИИ ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ МНЕНИЯ...»

Ни для кого не секрет, что КГБ – Комитет государственной безопасности – обладает чрезвычайно большим влиянием. Но государственная безопасность, как и суд, и прокуратура, и ведомство внутренних дел – лишь рычаг политики КПСС и занимает лишь то место в структуре советской политической системы, которое отвела ему партия, подлинная властительница страны.

Милиция, прокуратура, суд, вся советская правовая система – айсберг, у которого видима для посторонних глаз лишь одна седьмая часть. Шесть же седьмых спрятаны в глубинах секретных принципов, тайных решений скрытой политики. Об одном из этих принципов, на котором зиждется, по сути дела, вся советская судебно-следственная система, я и хочу поговорить. Речь идет о принципе предрешенности советского уголовного процесса.

*

– Вы меня вызывали? Вот повестка.

В мой кабинет, кабинет следователя прокуратуры Свердловского района Москвы, входит мужчина средних лет. Он прекрасно

выглядит, гладко выбрит, хорошо одет, держится уверенно. Глаза смотрят внимательно из-под роговых очков. Это Пархоменко, Георгий Иванович, начальник Главного аптечного управления Москвы.

– Мне казалось, что вы могли обойтись и без меня, – с некоторым упреком говорит он. – Через час начало сессии Моссовета, а мэр не признает опозданий.

– Вы депутат Московского совета?

– Именно так.

– Садитесь, пожалуйста.

Пархоменко еще не знает, что я собираюсь предъявить ему обвинение в злоупотреблении служебным положением и приписках к плану. Он чувствует себя в безопасности, поскольку занимает высокий пост: руководит всей аптечной сетью Москвы. Лекарства в Советском Союзе дефицитны, и тот, кто распоряжается их распределением, обладает огромным влиянием.

Я уже допросил нескольких его подчиненных и знаю, что начальник аптечной системы столицы – двулик. С подчиненными он настолько строг, что управляющие аптеками, люди, как правило, пожилые и степенные, перед тем, как войти к нему в кабинет, принимают сердечные капли. Зато чиновники из горкома партии, горисполкома и министерства здравоохранения прозвали его «душка Жора» – настолько он с ними мил и внимателен.

«Аптечное дело» я получил из городского управления борьбы с хищениями социалистической собственности (УБХСС) больше месяца назад, но Пархоменко вызываю впервые. Старший оперуполномоченный Шмаков, ведавший в городском управлении московскими аптеками, предупредил, чтобы я был осторожен: у шефа фармацевтов огромные связи. Поэтому я вызвал Пархоменко, только обставившись доказательствами.

Суть того, что он делал, была несложна. Желая создать видимость благополучия в аптечной системе Москвы, Пархоменко дал указание своим подчиненным делать приписки в годовой отчетности. Этот вид преступления чисто советский, о нем ни в одной из западных стран не имеют даже понятия. Управляющие аптеками и главные бухгалтеры писали в отчетах, что «план товарооборота» перевыполнен в два, а то и в три раза. В результате начальник управления, его окружение, а также руководители аптек получали большие денежные премии и надбавки к зарплате, хотя аптечная система города работала плохо: препаратов нехватало, и продажа лекарств производилась в меньших количествах, чем это указывалось в документах.

– Вас, видимо, интересует акт ревизии? – говорит Пархоменко. – Вчера я подписал приказ по управлению. Наказал всех виновных. Мне, знаете ли, тоже нагорело на коллегии нашего министерства. Дали строгача.

Так что считаю этот вопрос исчерпанным.

– Вы так думаете? – Я взвешиваю в руках три пухлые папки.

– Разумеется!

– Значит, вы считаете, что имели место лишь мелкие нарушения?

Он прокашливается:

– Не более того. К-хм, к-хм, просто непорядок с документацией.

Я кладу папки на стол, равняю края обложек:

– Но контрольно-ревизионное управление министерства финансов установило, что только за прошлый год ваше управление, Георгий Иваныч, увеличило итоги выполнения плана на... два миллиона рублей... Именно на эту сумму вы не продали населению лекарств. Обманули государство и народ.

– К чему эти цветистые фразы? Я вижу, вы совершенно не разбираетесь в экономике социализма! Поймите, деньги из одного государственного кармана просто перекочевали в другой. С одного расчетного счета в банке на другой. Всего-то и дел. Где же тут преступление?

Тут я показываю ему небольшую мышиного цвета книжечку, новенький уголовный кодекс РСФСР:

– Читайте на странице пятьдесят девятой, статью сто пятьдесят вторую со значком один: «Приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении

планов, как противогосударственные действия, наносящие вред народному хозяйству СССР, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет».

Он с ненавистью смотрит на меня. Говорит с улыбкой:

– Надо еще доказать, что мои сотрудники действовали умышленно.

– Вот показания ваших сотрудников Копыловой, Рагозиной, Скворцовой, Рындина... Сорок три человека утверждают, что завышенные сводки составлялись умышленно.

Он снова прокашливается:

– К-хм, к-хм, вот их и судите! А я-то тут причем?

Пархоменко один из лидеров советской мафии. И я считаю, что место его не на этом стуле, который я ему вежливо предложил, и не в моем кабинете, а там, где табуреты привинчены к полу, – в тюрьме.

Пархоменко же наверняка считает меня молокососом и олухом. Через час он будет в горкоме партии, а может быть даже в ЦК. Там у него куча друзей, и каждый ему обязан. Каждый им обласкан. А услуги в их кругу не забываются. За рюмочкой коньяку он, может быть, вспомнит обо мне, если там будет кто-нибудь из моего начальства.

Пархоменко однако не знает того главного, о чем я ему еще не говорю. Пять тысяч рублей, которые он получил в виде премий, – мелочь. Ежегодно Пархоменко присваивал

десятки тысяч рублей за счет неправильно списанных лекарств.

Пока я вношу в протокол бесцветные показания Пархоменко, он с интересом оглядывает мою рабочую комнату.

До революции, когда следователь состоял при суде, он так и назывался «судебный следователь», а его кабинет – «следственная камера». Обстановка в моей следственной камере простая. Два стола – для меня и экспертов. Диван, сейф, книжный шкаф, тумбочка. Телефон и селекционная связь с прокурором. И, разумеется, портреты. Без них кабинеты советских чиновников немыслимы. У меня в кабинете на стенках друг против дружки Дзержинский, вожак репрессивных органов, и Ленин, вожак Дзержинского. Половина пространства в комнате занята под вещественные доказательства. Вот и сейчас при входе одно из них – вязальная машина. А в моем сейфе, среди других дел, дело на хозяйку этой машины. Она вязала кофточки и зарабатывала приличные деньги таким, с точки зрения советской власти, преступным путем.. Вязка кофточек относится к частно-предпринимательской деятельности, запрещенной в СССР. Только с мая 1987 года этот вид работы разрешен новым законом об индивидуальной трудовой деятельности.

Пархоменко прочитал мои записи, внес свои замечания, и мы прощаемся, очень корректно и вежливо. Но глядим друг на друга с неприязнью.

Будь нарушение этого высокопоставленного чиновника только в том, что он искажал отчеты и получал незаконные, незаработанные премии, не смотрел бы я на него с негодованием и отвращением, потому что понимал, что руководитель в условиях реального социализма тоже жертва системы. Планы в Советском Союзе составляются без учета реальных возможностей их выполнения предприятиями. И на фантастические планы сверху – снизу поступают фантастические отчеты. Госплан каждый год завышает план, а руководители предприятий – объем приписок в отчетах. В этом и заключается прогресс советской системы.

Подлинные преступления Пархоменко заключались в другом.

Всем известно, что лекарства годны для использования не вечно. Через определенный срок препарат теряет свои лечебные качества. А в некоторых случаях даже становится вредным. В аптечной системе всего мира существует понятие срока годности лекарств. Работники Пархоменко тоже списывали препараты, пришедшие в негодность. Но из продажи их не изымали, и вырученные за них деньги стекались в сейфы Пархоменко и его подручных. Бухгалтер-эксперт Борис Поликарпов подсчитал, что за годы, пока Пархоменко занимал свой пост, доход возглавляемой им шайки, составил около четырех миллионов рублей. Пархоменко сколотил эти

миллионы, подвергая опасности здоровье и жизнь сотен тысяч людей.

*

Кто-то может подумать, что уж за такие-то дела виновный, даже в СССР, получил по заслугам. Но судить Пархоменко не разрешили, и никто даже и не подумал отнять у него удобное кресло начальника Главного аптечного управления Москвы.

В соответствии с «Положением о прокурорском надзоре в СССР» принять решение привлекать или не привлекать Пархоменко к ответственности мог только прокурор. Прокурор города Москвы Михаил Мальков одобрил мое намерение изобличить преступника. Против не высказались ни министр юстиции, ни министр внутренних дел, ни председатель Комитета государственной безопасности, ни генеральный прокурор страны. Против высказалось учреждение, не перечисленное в главе седьмой Конституции СССР среди тех, кто осуществляет правосудие в нашей стране. Меня пригласили в Московский городской комитет коммунистической партии Советского Союза. Именно здесь, в отделе административных органов*, принимаются решения по

---

* Сейчас, после горбачевской реорганизации, этот отдел называется «государственно-правовым отделом при ЦК КПСС». – Прим. автора.

всем важным вопросам, связанным с деятельностью судебно-следственных органов столицы. Такие отделы есть в партийных комитетах всех союзных республик, областей, городов и районов СССР. Адмотделом Центрального Комитета КПСС тогда руководил Николай Савинкин (сейчас его сменил А. С. Павлов). А во главе административного отдела МГК КПСС тогда стоял товарищ Флягин.

И вот я на площади Ногина. Здесь сосредоточены партийные силы страны: ЦК КПСС, МГК КПСС, неподалеку ЦК ВЛКСМ, МГК ВЛКСМ, а также партийные и комсомольские комитеты Московской областной организации.

– Городской комитет партии придерживается мнения, – сухо сказал мне инструктор адмотдела горкома Сергей Пристанский, – что уголовное преследование товарища Пархоменко следует немедленно прекратить. Мы считаем Георгия Ивановича преданным коммунистом, честным работником и талантливым руководителем... Иного мнения горком не потерпит! Завтра же потрудитесь оформить постановление о прекращении этого уголовного дела. И будьте любезны выполнить решение коммунистической партии Советского Союза!

Я с горячностью стал говорить, что жуликов, наживающихся на страданиях советских людей, надо наказывать, что партийные органы сами нарушают социалистическую законность, вмешиваясь в деятельность проку-

ратуры. Говорил я и о процессуальной независимости следователя и судьи, провозглашенной законом. Припомнил даже историю, описанную известным советским юристом и писателем Львом Шейниным, автором нашумевшей у нас книги «Записки следователя». Он рассказывал как даже первый советский президент Михаил Иванович Калинин сам ходил на допрос к следователю, когда в этом возникла необходимость.

– Прекратите демагогию в стенах горкома! – заорал, наконец, инструктор Пристанский. Глаза его налились кровью. Он стукнул кулаком по столу и разразился длинной тирадой против «юнцов, у которых молоко на губах не обсохло, но которые уже учат партийных руководителей законности».

Потом он повел меня по длинному горкомовскому коридору в кабинет заведующего отделом административных органов МГК КПСС М. Флягина.

Заведующий административным отделом не горячился и не кричал. Он просто набрал номер телефона прокурора Москвы и попросил его сказать своему подчиненному несколько слов.

– Немедленно... езжайте ко мне... – услышал я в трубке злой и испуганный голос Малькова.

Я по сей день помню лекцию, которую он читал мне в течение двадцати минут. Что я не должен забывать о руководящей и направляющей роли партии, предусмотренной, кста-

ти, самой конституцией страны. Что только партийным органам принадлежит право окончательно решать, кто прав, а кто виноват. Что указания партии – закон для прокурора, судьи и следователя. Что, конечно, с преступлениями надлежит бороться, но надо быть кроме того и политиком, смотреть дальше своего носа и понимать, что иной раз руководителям приходится идти на нарушение закона ради государственных дел...

– Так что ты, голубчик, сам вынеси постановление о прекращении этого дела, – неожиданно завершил Мальков разговор. – Знаешь, – он перешел на шепот, – я бы и сам направил это дело в суд, но нельзя. Он, Пархоменко этот, говорят, любовник Просветовой, заместителя мэра Москвы... Снабжает и ее, и всех в горкоме и Моссовете дефицитными лекарствами.

Чтобы закончить эту грустную историю, еще несколько слов. Когда я вел дело, Пархоменко буквально бросался передо мной на колени, умоляя пощадить его, – и это было очень противно. Зато когда друзья из горкома партии спасли его, он снова стал прежним. Когда через много лет я, предварительно записавшись к нему на прием, пришел, чтобы попросить редкое лекарство для умирающей матери, он сразу узнал меня и злорадно ответил, что поскольку Советский Союз – страна строжайшей законности, он не может нарушать инструкцию, запрещающую отпуск дефицитных лекарств без со-

ответствующей очереди. Ждать которую мне бы пришлось не менее года...

А в 1979 году, уже на Западе, перелистывая подшивку «Вечерней Москвы», я наткнулся на статью, в которой много говорилось о преимуществах советской социалистической системы перед западной. И о том, как трудно в капиталистическом мире простому человеку купить лекарство: современных препаратов нет, а если и поступают в продажу, то их тут же раскупают богачи. Так что простой американец, или, скажем, австриец, просто лишены возможности купить нужное лекарство. В СССР же, благодаря великим социальным завоеваниям, каждый советский человеку может зайти в ближайшую аптеку и купить любой препарат за небольшую плату. Под статьей красовалась подпись: Начальник Главного аптечного управления Моссовета Георгий Пархоменко.

*

Административный отдел компартии не только вмешивается в судьбу отдельных лиц, в обход закона карая и милуя собственной властью, но и ведает кадровыми вопросами, решает судьбу не только преступников, но и их судей. Ни один судья, прокурор, следователь и даже адвокат не будут назначены на должность без одобрения и санкции адмотдела. Подбирают кадры соответствующие ведом-

ства, но последнее слово всегда за партийной инстанцией. Ни один сотрудник органов государственной безопасности или министерства внутренних дел не будет допущен к своему посту, пока не побывает в отделе административных органов, не подвергнется там партийной проверке. Ни одно повышение по службе или освобождение от работы этого круга лиц – так называемой юридической номенклатуры – не происходит без одобрения административного отдела. Отдел этот – всевидящее око Центрального Комитета КПСС и его Политбюро...

Прежде, чем юрист, желающий поступить, к примеру, в Московскую городскую коллегию адвокатов (формально это общественная организация, не подчиняющаяся партийным и государственным учреждениям), предстанет перед ее президиумом, его личное дело должно побывать не только в Московском совете депутатов трудящихся, который тоже ведает надзором за коллегией адвокатов, но и в отделе административных органов Московского горкома партии. А если он, что бывает редко, беспартийный, то его в этом партийном органе проверяют более тщательно.

В кругу приближенных Константин Апраксин, председатель Московской городской коллегии адвокатов, как-то сказал:

– Кое-кто наивно думает, что адвокатура – организация общественная, самостоятельно решающая судьбу своих членов, что адвокаты сами вольны определять свою позицию в су-

дебном процессе. Ничего подобного! Советская адвокатура – частица административных органов, а юрист – профессия партийная! Посмотрите, сколько над нами начальства: отдел административных органов горкома партии, исполком Моссовета с его отделом юстиции, отделы адвокатуры министерств юстиции РСФСР и СССР...

Мне вспоминается, с какой надеждой некоторая часть общественности Запада взирала на тех адвокатов, которые должны были защищать в суде известных диссидентов А. Щаранского, А. Гинзбурга, Ю. Орлова и других. Знаменитые английские, американские и французские юристы предлагали свою профессиональную помощь, подсказывали направление защиты. Но задолго до начала судебных процессов я опубликовал статьи в «Новом Русском Слове», предсказав их результат. Я считал, что Анатолий Щаранский, например, будет приговорен почти к максимальному сроку. Печальный мой прогноз был основан на знании советской карательной системы. Было совершенно ясно, что уж для этих процессов кандидатуры судей, народных заседателей, государственных обвинителей и защитников с особой тщательностью отбирали и утверждали в отделе административных органов и что каждый судья получил в ЦК КПСС подробные инструкции, начиная с того, как вести себя с иностранными корреспондентами, и кончая тем, какой срок заключения он должен определить подсудимому.

*

Основные права и обязанности адвоката в советском уголовном процессе сформулированы в статье 51 УПК. Там сказано, что защитник обязан использовать все законные средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. Но может ли советский адвокат, член партии, имеющий специальное разрешение от КГБ на участие в данном, специальном процессе, заявить: «В действиях моего подзащитного нет состава преступления, а потому прошу его оправдать!» Вся адвокатская практика дает на эти вопросы отрицательный ответ. Было одно исключение из правил, но вот что из этого вышло.

Московские адвокаты помнят, как адвокат Борис Золотухин, защитник Александра Гинзбурга, сказал на процессе: «В формуле обвинения, предъявленного моему подзащитному, не содержится состава уголовно-наказуемого деяния».

На следующий же день Золотухина вызвали в Дзержинский райком партии Москвы. Первый секретарь райкома Костенко спросил его:

– Скажите, Золотухин, кем вы себя считаете?

– Как кем? – растерялся Золотухин. – Адвокатом, разумеется.

– Ошибаетесь. Прежде всего вы член

КПСС, а потом уже адвокат. Вернее, членом партии вы были до сегодняшнего дня. Положите-ка на стол свой партийный билет!

Борис Золотухин был выведен из президиума Московской городской коллегии адвокатов, где пользовался большим авторитетом, исключен из коллегии и из КПСС*.

Такие примеры не забываются. Они живут в адвокатской среде. Передаются из уст в уста как грозное напоминание о том, какой опасности подвергается смельчак, вздумавший прислушаться к голосу Закона и собственной совести, а не к мнению партийного руководства.

*

Административные отделы часто собираются на узкие, секретные совещания. Там вырабатываются принципы карательной практики на ближайшие месяцы. Партийные чиновники разъясняют судьям, прокурорам, следователям и адвокатам первоочередные задачи, которые сегодня стоят перед репрессивными ведомствами. Первый секретарь райкома, горкома, обкома, получив соответствующую директиву из ЦК КПСС, разъясняет ее офицерам милиции и КГБ, работникам различных ведомств юстиции.

В юридическом лексиконе с какого-то

---

* В настоящее время Б. Золотухин восстановлен в коллегии адвокатов. – Прим. автора.

времени появилось крылатое слово «актуальный». Актуальное дело, актуальный процесс, даже - актуальный приговор! Сегодня, к примеру, «актуальны» дела о хулиганстве, завтра «актуальны» изнасилования и убийства, еще через некоторое время - кражи и валютные операции. Это и есть принцип предрешенности в уголовном процессе.

В начале 60-х годов отдел административных органов ЦК КПСС дал указание судам и следственным органам сократить преступность за счет дел о грабежах, разбоях, кражах и даже убийствах. Как могли выполнить эту задачу карательные ведомства? Проводить профилактические мероприятия не было ни сил, ни средств, ни времени. Прокуратура Союза ССР распространила инструкцию и провела совместно с райкомами и обкомами совещания на «местах». Согласно этим рекомендациям мы, юридические работники-практики, должны были срочно «перевоспитывать» преступников в ходе следствия, не передавая дела в суд. Нам рекомендовали направлять провинившихся на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы, прибегая к помощи товарищеских судов и коллективов трудящихся.

Практически мы брали лист бумаги и строчили заключение: поскольку такой-то перевоспитался, то его дело нецелесообразно направлять в суд, а его самого надо освободить из тюрьмы.

Так вышли на свободу, чтобы тут же сно-

ва взяться за привычное ремесло, десятки тысяч убийц, грабителей, насильников.

В конце июля 1962 года, работая в прокуратуре Свердловского района Москвы, я расследовал дело Валерия Смирнова, молодого натурщика Союза художников РСФСР. Он оказал сопротивление сотруднику милиции у здания Центрального телеграфа. Смирнову явно «не повезло», так как преступление им было совершено на следующий день после выхода в свет закона от 25 июля, согласно которому «актуальными» стали дела о неподчинении работникам милиции. Дело В. Смирнова было рассмотрено в народном суде Свердловского района, и председатель суда Щукин, только что вернувшийся с совещания, проведенного отделом административных органов горкома партии, поступил, как и следовало судье-коммунисту. Несмотря на целый ряд смягчающих вину подсудимого обстоятельств, о которых упомянул даже следователь, составивший обвинительное заключение (а это бывает не так уж часто), Щукин приговорил молодого человека к максимальной мере наказания – пяти годам лишения свободы. Выполняя приказание партии, Щукин вынес «актуальный» приговор.

Ровно через год на том же самом месте, у Центрального телеграфа, произошел примерно такой же случай и даже с тем же милиционером. Студент Анатолий Волков «учинил», как говорят работники милиции, хулиганские действия и сопротивлялся офице-

ру милиции. Дело Волкова разбирал тот же судья Щукин. И несмотря на то, что Волков вел себя у телеграфа более дерзко, чем Смирнов, его приговорили лишь к году лишения свободы: к тому времени «актуальность» дел о неподчинении милиции спала.

Зато жертвой очередного «актуального» прыжка советской карательной системы стали супруги Петровы. Они жили в Подольском районе Московской области и держали корову, трех свиней и дюжину кур. Но где для них взять корм, который в магазинах не продается? Петровы для своего «скотного двора» и «куриной фермы» покупали в магазинах хлеб, муку и крупу. Так же поступали миллионы советских граждан, – а год выдался неурожайный. Поэтому в ЦК КПСС за подобные «преступные» действия решили строго наказывать, и 6 мая 1963 года был введен в действие Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, гласивший, что лица, скармливающие скоту и птице печеный хлеб, – преступники. Одними из первых попали под действие нового закона упомянутые супруги. Он получил максимальный срок – три года, она – два года лагерей.

Подобное происходит и в наши дни. Например, сокращая производство алкогольных напитков и уменьшая количество винно-водочных и торговых точек, советское руководство ожидало, что потребитель спиртного добровольно сдаст свои позиции. Однако в СССР отмечено увеличение выработки само-

гона. Число домашних винокурен растет, несмотря на строгое антиалкогольное законодательство, введенное в середине 1987 года. Максимальная мера наказания – до двух лет лишения свободы. Значит, в число «актуальных» вошли дела о самогоноварении. А наибольшая распространенность самогоноварения наблюдается в РСФСР, особенно в крупных промышленных центрах Урала и Сибири, где ранее подобного не было. К чему привела антиалкогольная кампания? После изменения законодательства по борьбе с алкоголизмом привлечение к ответственности в целом по Советскому Союзу возросло в 2,6 раза. За 1986 год более 130 тысяч человек осуждено народными судами и 70 тысяч наказано в административном порядке*.

*

Годами складывается практика, при которой главное не то, что указано в законе, а то, что решено на совещаниях в отделах административных органов парткомитетов. Таким образом, очень часто решения Верховного суда Союза ССР и Верховных судов союзных республик не что иное, как юридически оформленное волеизъявление КПСС, «спущенное» через отдел административных

---

* Беседа с министром внутренних дел СССР А. Власовым, «Известия», 11. 3. 1987.

органов ее Центрального комитета. Если «нужных» законов нет, то по распоряжению партийных инстанций они тут же появляются в виде указов Президиума Верховного Совета СССР и президиумов Верховных советов союзных республик. Сейчас уже и советские ученые не скрывают, что «к сожалению в прошлом далеко не всегда удавалось достичь стабильности уголовного закона. Об этом говорит, например, то, что с момента вступления в действие в 1961 г. и по 1986 г. более двух третей УК РСФСР подверглось существенной реконструкции, из них 15% изменялись и дополнялись по два и даже три раза. В кодекс включено за это сравнительно непродолжительное время 49 новых составов преступлений»*.

Итак, что за картина предстает перед нашими глазами? С одной стороны – ужесточение наказаний, с другой – снисходительность и всепрощение. «Когда надо» – за переход улицы в неуказанном месте могут упечь в ссылку. Но «когда надо», то и крупное дело вообще не доводится до суда. Один пример я привел. Вспоминается и другой.

Через полтора года после того, как я – так и не начав – бесславно закончил дело

---

* Ю. Ляпунов. Предложения к проекту нового уголовного законодательства. «Социалистическая законность», 1987, №7, с. 23.

Пархоменко, тот же опер Шмаков привез мне с Петровки, 38 еще одно дело «по своей линии». И хотя люди там были замешаны покрупнее Пархоменко, я снова, хоть и ожегся на молоке, не стал дуть на воду, а принял дело к своему производству.

– Держись, тут придется столкнуться с шишками покрупнее душки Жоры, – предупредил майор Шмаков.

Был я в тот день в веселом расположении духа по поводу покупки костюма в искорку, который мы с женой «достали» в ГУМе, заняв очередь в пять часов утра. Только этим значительным фактом своей биографии я и могу объяснить, что пропустил мимо ушей замечание майора милиции. А навострить их не мешало: в числе замешанных по делу значился ни много, ни мало как... Председатель Совета Министров СССР и два министра!

Надо было, конечно, спихнуть дело следователю по важнейшим делам. Но я опрометчиво расписался в получении материалов из УБХСС ГУВД Мосгорисполкома и обрек себя на серьезные неприятности.

Внешне, правда, все выглядело не столь уж страшно. Вся история носила невинное название: «О злоупотреблениях в Санитарном управлении Главгаза СССР».

В бытность следователем Свердловского района Москвы мне довелось расследовать не одну криминальную историю в крупнейших центральных ведомствах и министерствах,

поскольку в Свердловском районе, самом центральном районе Москвы, сосредоточено большинство общесоюзных министерств и организаций. А чтобы обезопасить себя от неприятностей, неизбежных при ведении дел на сильных мира сего, Прокуратура Союза ССР поручала проводить разбор по территориальности: крупные дела оседали в прокуратуре Свердловского района, вместо того, чтобы попасть в Прокуратуру СССР или в крайнем случае – в Прокуратуру РСФСР.

Иван Шмаков, коренастый неторопливый старший оперуполномоченный УБХСС ГУВД Мосгорисполкома обслуживал несколько тысяч объектов: больниц, поликлиник, аптек, медсанчастей Москвы.

– Понимаешь, – жаловался майор, – в больнице или аптеке воруют не меньше, чем в универмаге, но если по линии магазинов работают тысячи наших сотрудников, то по медицине – я один. Но если надо, всегда помогу, звони, не стесняйся. – И, сочувственно покосившись на меня, майор выходит из кабинета.

Так что же произошло?

Председатель Совета Министров СССР Косыгин и управляющий делами Совмина Смиртюков подписали постановление о том, что за досрочное окончание строительства того или иного газопровода премии будет получать также и персонал принадлежащих Главгазу больниц и поликлиник. Не берусь

судить, было ли решение умным, но что оно было незаконным, я знаю точно.

Ход, с помощью которого министры Кортунов, Виноградов и Трофимов обошли Косыгина, придумал начальник Санитарного управления Главгаза Осип Осипович Розенберг. В его ведомстве работало 200 служащих, не имевших никакого отношения к проводимым в тундре и пустыне газопроводам. Но они аккуратно получали премии при сдаче в эксплуатацию того или иного сооружения, построенного в нескольких тысячах километров от Москвы. Служащие расписывались в получении всей суммы в платежных ведомостях, но получали не более половины: другую забирал Розенберг. Каждый месяц, таким образом, в его распоряжении оказывалось самое меньшее 15 тысяч рублей. Ближайшие его помощники, заместитель главврача Боровик и заведующая планово-финансовым отделом Базарова, в дни зарплаты приносили в кабинет шефа двести, по числу служащих, стандартных почтовых конвертов с изображением Ленина, Кремля или голубя мира. В каждом конверте было около ста рублей.

После этого Розенберг садился в свой казенный лимузин и ехал к министру газовой промышленности Кортунову. Потом к министру здравоохранения Виноградову (а после отставки последнего – к Трофимову). Министры получали по нескольку тысяч рублей, а потом вместе с Розенбергом мозговали, какой подарок передать «наверх» –

настольные малахитовые часы или серебряную или золотую статуэтку... Подарок премьеру вручали обычно к очередной юбилейной дате или празднику.

Косыгин знал, что подписанный им документ не соответствует закону. На это обратил его внимание генеральный прокурор страны Руденко, пытавшийся даже опротестовать постановление Совета Министров. Однако, как рассказывал мне один из помощников Руденко, председатель Совмина резко одернул главного блюстителя законов и попросил впредь не вмешиваться не в свое дело.

Я обратился в Прокуратуру Союза ССР с просьбой ходатайствовать об отмене постановления Совмина СССР. Но начальник управления общего надзора, высокий улыбчивый генерал, только развел руками:

– Вы что, мой юный друг, Дон Кихот? Совет Министров страны это вам не ветряная мельница! Сам Роман Андреевич отказался опротестовать рещение Совета Министров... Вы же из городской прокуратуры, так? По положению городской прокурор не имеет права обращаться в качестве официального лица в правительственное учреждение такого ранга. Подписать протест имеет право только генеральный прокурор. Но он этого делать не станет, я знаю – пробовал уломать. И знаете, что он мне ответил? Государственная субординация одно, а партийная – другое... По партийной же линии Алексей

Николаевич Косыгин – член Политбюро, а Роман Андреевич Руденко – лишь член ЦК... Ясно?

Отчаявшись добраться до «верха», я все же попытался привлечь к ответственности министров и начальника сануправления. И гнул свою линию, оформляя дело для суда. Узнав об этом, прокурор Свердловского района Евсюнин срочно укатил в отпуск в Прибалтику, а направить дело в суд без его утверждения было нельзя. Я в городскую прокуратуру, но начальник следственного отдела Борис Саморуков никого не принимает и не снимает трубку, ссылаясь на головную боль.

Все, как и в деле Пархоменко, завершилось в горкоме партии.

Мне внушительно объяснили, что исходя из некоторых высших интересов, я должен предать дело забвению. И на этот раз я сдался сразу, зная, что препираться бесполезно. Для составления «умной бумаги», как выразились в горкоме, мне выделили в помощь «талантливого прокурора» Владимира Киракозова. И он сочинил блестящее постановление о прекращении уголовного дела и на Розенберга, и на Кортунова, и на Трофимова с Виноградовым. За умело проведенную операцию Владимир Киракозов был повышен в должности и назначен прокурором Краснопресненского района Москвы. Сейчас он прокурор Кировского района столицы.

А много лет спустя, в 77-м, я случайно встретил Розенберга в столичном аэропорту «Шереметьево», куда – с тяжелым сердцем – приезжал сдавать багаж на самолет, летящий в Вену. Я покидал Россию... Розенберг об этом не догадывался.

– Далеко собрались? – спросил он.

– Далеко! А вы, Осип Осипович, встречаете кого-нибудь?

– Встречаю. Министр наш, товарищ Трофимов из Франции прилетает. Там симпозиум был, международный...

– Понятно. Что ж, передавайте министру от меня привет. Если, конечно, он меня помнит.

– Помнит! Как же ему вас не помнить!

Осип Осипович задумался и сказал с усмешкой:

– А помните, ну, когда вы меня еще допрашивали, я сказал, что усилия ваши напрасны, что ничего у вас с нами не выйдет? Помните? И я оказался прав! Недавно третий орден Ленина получил... А ваши-то как дела?

– Я тоже тогда получил... строгий выговор с последним предупреждением. А Шмакова уволили из органов, за нарушения социалистической законности.

– Последнее предупреждение? – Насмешливое выражение на его лице еще усилилось. – Ай-ай-ай, как нехорошо! Нельзя, значит, вам ни в коем случае предупреждений больше получать?

– Никак нельзя! Да я их уже и не буду получать. Уезжаю...

– Куда, если не секрет? – Он, надо думать, надеялся, что меня загоняют куда-нибудь в Монголию или в Якутию.

– Совсем уезжаю. Эмигрирую.

Насмешливое выражение мгновенно исчезло и побледневший трижды орденоносец чуть ли не в припрыжку кинулся прочь, очевидно проклиная себя за то, что решил надо мной поиздеваться и похвастать тем, что в нашей стране высокопоставленные товарищи могут воровать безнаказанно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книги, изданные при содействии

РУССКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ФОНДА

С. Пушкарев

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РОССИИ, вкл. очерк СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА, 125 стр.

САМОУПРАВЛЕНИЕ И СВОБОДА В РОССИИ, 174 стр.

Э. Неизвестный

ГОВОРИТ НЕИЗВЕСТНЫЙ... 178 стр.
11 гравюр

Р. Редлих

СОЛИДАРНОСТЬ И СВОБОДА,
344 стр.

С. Франк

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА (Введение в социальную философию),
316 стр.

П. Жадан

РУССКАЯ СУДЬБА, 240 стр.

Г. Федотов

ИМПЕРИЯ И СВОБОДА — избранное.
216 стр.

Ф. Незнанский

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ, 342 стр.

В. Некрасов

ПО ОБЕ СТОРОНЫ СТЕНЫ, (повести и рассказы), 214 стр.

А. Бахрах

БУНИН В ХАЛАТЕ, 176 стр.

Л. Троцкий

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1000 стр.

Репринтное издание

Фридрих Незнанский

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Подписано к печати 23.01.91. Формат 84×108[1]/32.
Бумага офсетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18.06.
Усл. кр.-от. 18.46. Уч.-изд. л. 10.78. Тираж 100 000.
Тип. зак. № 1—65. Цена 7 р. 50 к.

Малое государственное предприятие «Петрополис»
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1

Отпечатано на Киевской книжной фабрике, 254054,
Киев-54, ул. Воровского, 24.

7 р. 50 к.

„Записки следователя" – книга документально-автобиографическая. На примерах дел, расследованных самим автором, дается анализ преступности в СССР, ее корней и причин. Воры в ранге министров, тайные агенты и убийцы из службы госбезопасности, наркоманы у пульта управления ракетами стратегического назначения, партийные бонзы, творящие суд неправый и скорый, дети, ненавидящие отцов, – вся эта фантасмагория невыдуманных персонажей книги Ф. Незнанского проходит перед читателем, являя собой страшную картину советской действительности.

Фридрих Незнанский родился в 1932 году. Окончил Московский юридический институт, почти 25 лет проработал в системе юстиции: 15 лет был следователем прокуратуры, около 10 лет – членом Московской коллегии адвокатов. Он – автор нескольких научных монографий в области права и значительного числа статей, рассказов и фельетонов.

Детективные романы „Операция Фауст", „Ярмарка в Сокольниках"; написанные совместно с Э. Тополем „Красная площадь" и „Журналист для Брежнева", а также „Записки следователя", – принесли автору широкую известность. Эти книги значились в списках бестселлеров в США, Японии, Великобритании, Франции, ФРГ, Швеции, Норвегии, Голландии и в других странах, о них с похвалой отзывались ведущие западные газеты и журналы.

МГП
„ПЕТРОПОЛИС"
1991